

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ОБАЯНИЕ И КОЛДОВСТВО

ФУНКЦИИ ПЕЙЗАЖА
В ИЗОБРАЖЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ МИРА
В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА»

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ К ИМЕНАМ
ЛИТЕРАТОРОВ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО

2017 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "The List of peer-reviewed academic journals recommended for publishing the essential outcomes of Candidate and Doctoral theses" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуну Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2017. — № 2. — 146 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** — д.филол.н., заслуженный деятель науки Российской Федерации, проф., МГОУ;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Гусман Т.Р.** — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., доц., МГОУ; **Колларова Э.** — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Шеншина В.А.** — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндия).

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **L.F. Alekseyeva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.N. Anoshkina** – Doctor of Philology, honored science worker of the Russian Federation, Professor, MRSU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MRSU; **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **L.F. Koposov** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Belarus); **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk); **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University; **E.Y. Titarenko** – Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.A. Shenshina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Principal of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Chef of information and editorial management of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2017. – № 2. – 146 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2017.

© Information & Publishing department of MRSU, 2017.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Головина Т.А.</i> ОБАЯНИЕ И КОЛДОВСТВО	6
<i>Долгова Н.Г.</i> О СОЧЕТАНИИ СИНОНИМИЧНЫХ ПЕРСУАЗИВНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ВЫСКАЗЫВАНИИ (В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА)	16
<i>Красильникова П.Ю.</i> МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ТОЛКОВАНИИ КОННОТАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЗООНИМОВ В ТЕКСТАХ САШИ ЧЁРНОГО	22
<i>Регушевская И.А., Сегал Н.А.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ЛИТЕРАТУРА» В МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)	31
<i>Роговская А.И.</i> К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ВЫЯВЛЕНИЮ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ....	42
<i>Рыкин Е.Ю.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВЕСНЫХ РЯДОВ, ВКЛЮЧАЮЩИХ СОЧЕТАНИЯ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ОГРАНИЧЕНИЕМ).....	48

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Евдокимова А.С.</i> ПЬЕСА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ: К ВОПРОСУ О СЦЕНИЧНОСТИ ДРАМЫ	58
<i>Еремеева Ю.А., Щедрина Н.М.</i> МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ CРЕДО АВТОРА В СТИХОТВОРЕНИИ Л. БОРОДИНА «ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА».....	66
<i>Захарова В.Т.</i> ВНОВЬ ПОСТИГАЯ «ДВЕНАДЦАТЬ» А. БЛОКА.....	72
<i>Климчукова В.Н.</i> ФУНКЦИИ ПЕЙЗАЖА В ИЗОБРАЖЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ МИРА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА».....	80
<i>Леонов И.С.</i> ОБРАЗ СОПУТСТВУЮЩЕГО ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОЙ ПРИХОДСКОЙ ПРОЗЕ: ФУНКЦИИ И ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ	89
<i>Маркушевская Л.П., Процуто М.В.</i> ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Э.ХЕМИНГУЭЯ И Л. ТОЛСТОГО	97
<i>Мишина Л.А.</i> ВИДИМЫЙ И НЕВИДИМЫЙ МИР В КОНЦЕПЦИИ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.....	108
<i>Силаева М.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ К ИМЕНАМ ЛИТЕРАТОРОВ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО.....	116
<i>Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е.</i> ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ О. СЕДАКОВОЙ	124
<i>Шаховская Н.Н.</i> ИСТОРИЯ В ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА	131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Герасименко Н.А.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАММАТИКА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	136
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шаповалова Т.Е.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ВУЗОВСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ / ПОД РЕД. Ж.В. ГАНИЕВА. 3-Е ИЗД. М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2015. 352 С.	139
<i>Киселёва И.А.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: А.И.ИВАНИЦКИЙ. ПОЭЗИЯ ПУШКИНА КАК МИФОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ. М.: РГГУ, 2016. 263 С.	143

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

<i>T. Golovina. CHARM AND WITCHCRAFT</i>	6
<i>N. Dolgova. ON COMBINATION OF SYNONYMIC PERSUASIVE-MODAL PARTICLES IN A STATEMENT (ON CHEKHOV'S PROSE)</i>	16
<i>P. Krasilnikova. LINGUISTIC EXAMINATIONS METHODS IN THE INTERPRETATION OF THE CONNOTATIVE CONTENT OF THE ZOONYMS IN SASHA CHERNY'S LYRICS</i>	22
<i>I. Regushevskaja, N. Segal. PRECEDENT UNITS WITH THE SPHERE SOURCE "LITERATURE" IN MASS MEDIA TEXTS (ON MATERIAL OF THE NOVEL BY M. BULGAKOV "THE MASTER AND MARGARITA")</i>	31
<i>A. Rogovskaya. TO THE QUESTION OF THE LINGUISTIC APPROACH TO THE IDENTIFICATION OF THE REPRESENTATION OF THE PICTURE OF THE WORLD IN THE INDIVIDUAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS</i>	42
<i>E. Rykin. THE EXPRESSION OF EVALUATION IN THE ANCIENT TEXT (ON THE MATERIAL OF VERBAL ROWS THAT CONTAIN COMBINATIONS WITH THE INSTRUMENTAL CASE)</i>	48

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>A. Evdokimova. L. TOLSTOY'S PLAY «THE POWER OF DARKNESS» IN LITERARY CRITICISM OF THE 19TH–20TH CENTURIES: TO THE QUESTION OF STAGINESS OF THE DRAMA</i>	58
<i>J. Eremeeva. IDEOLOGICAL CREDO OF THE AUTHOR IN "PSYCHIC ATTACK" POEM BY LEONID BORODIN</i>	66
<i>V. Zakharova. COMPREHENDING «THE TWELVE» BY A. BLOK AGAIN</i>	72
<i>V. Klimchukova. LANDSCAPE FUNCTIONS IN THE IMAGE OF WORLD'S CONTRADICTIONS IN I. BUNIN'S STORY "CHANG'S DREAMS"</i>	80
<i>I. Leonov. THE IMAGE OF THE COMPANION CHARACTER IN THE MODERN PARISH PROSE: THE FUNCTIONS AND METHODS OF CREATING</i>	89
<i>L. markushevskaya, M. Protsuto. THE IMAGE OF A MAN AT WAR IN THE WORKS OF HEMINGWAY AND L. TOLSTOY</i>	97
<i>L. Mishina. VISIBLE AND INVISIBLE WORLD IN THE CONCEPTION OF AMERICAN AUTHORS OF THE 17TH – THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURIES</i>	108
<i>M. Silaeva. PECULIAR REFERENCE TO WRITERS' NAMES IN EARLY WORKS OF VLADIMIR MAYAKOVSKY</i>	116
<i>N. Tropkina, N. Ryabtseva. THE SPACE OF CHILDHOOD IN THE POETRY OF O. SEDAKOVA</i>	124
<i>N. Shakhovskaya. HISTORY IN THE LIRICAL POEMS OF ALEKSANDER KUSHNER</i>	131

SCIENTIFIC LIFE

<i>N. Gerasimenko. COMMUNICATIVE GRAMMAR: RESULTS AND PROSPECTS</i>	136
---	-----

REVIEW

<i>T. Shapovalova. REVIEW OF THE BOOK: UNIVERSITY METHODS OF TEACHING LINGUISTIC DISCIPLINES: THE TEXTBOOK / ED. BY J. GANIEV. 3RD ED. M.: FLINT: SCIENCE, 2015. 352 P.</i>	139
<i>I. Kiselyova. REVIEW OF THE BOOKA. IVANITSKY. PUSHKIN'S POETRY AS MYTHOLOGY OF BEHAVIOR. M.: RGGU, 2016. 263 P.</i>	143

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-6-15

ОБАЯНИЕ И КОЛДОВСТВО

Головина Т.А.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению семантической эволюции лексем *обаяние* и *колдовство*. Выделены общие и дифференциальные компоненты семантического содержания и восприятия данных слов на основе анализа материалов лексикографических источников, дающих толкования его номинантам. Проведён диахронный и синхронный анализ лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *баяти* и *колдовати*. Установлена общая историческая сема. Выделен общий семантический множитель для лексем *обаяние* и *колдовство* на современном этапе развития языка, определены их коннотации, установлена частота употребления. Приведены примеры метафорического употребления данных лексем.

Ключевые слова: эволюция, семантика, этимология, сема, лексема, лексико-словообразовательное гнездо.

CHARM AND WITCHCRAFT

T. Golovina

Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article is dedicated to the comparison of the semantic evolution of the lexemes *charm* and *witchcraft*. It distinguishes common and differential components of the semantic content and marks the perception of the components. The research is based on the analysis of dictionaries' materials that give interpretation of its lexemes. The diachronic and the synchronic analysis of lexical-derivational nests with tops *bajati* and *koldovati* is conducted. The common historical seme is established. The common semantic factor for the lexemes *charm* and *witchcraft* is determined at the present stage of language development, their connotations are shown, and the frequency of their use is identified. The examples of metaphorical use of lexemes are given.

© Головина Т.А., 2017.

Keywords: evolution, semantics, etymology, seme, lexeme, meaning, the lexico-derivational nest.

Проблемы номинации реалий окружающего мира непосредственно связаны с внутренней формой слова как особой категорией, которая отражает связь внутренних и внешних сторон языковой картины мира. Внутренняя форма является «особым архетипом для всех смысловых звеньев лексемы, участвующих в процессе номинации реалий существовавшего мира. Будучи связующим звеном между тем, что было, что есть и что будет, внутренняя форма слова позволяет проследить движение процессуальных актов в направлении от номинации объекта в прошлом до его концептуализации в настоящем и возможной редукции в будущем» [2, с. 364-365]. «Обращаясь к внутренней форме слова, мы открываем для себя и то, что принадлежало ему, и то, что образовалось в истории русского языка, – ту архисему, которая совместила в своей структуре синхронно-диахронные особенности» [17, с. 163].

Целью данной статьи стало рассмотрение эволюции семантической структуры лексем *обаяние* и *колдовство*, выявление их общих семантических составляющих в истории русского языка.

Лексема *обаяние* по своему происхождению – исконно русское слово, в древнерусском языке известно с XIII века. Образовано данное слово от глагола *баяти* со значением ‘колдовать’, ‘ворожить’, ‘рассказывать басни’ и восходит к общеславянскому **bajati*. Сема ‘говорить’ прослеживается и в диалектных единицах (ярославск. *обаять* ‘переговорить всех’; вологод. *обаять* ‘обмануть разговорами’; тамбов. *оба-*

ить ‘оговорить’), однокоренных словах (*обаяти/обавати*, *обаянникъ*) и других славянских языках (сербохорв. *obaјati* ‘заговаривать’; словен. *obbajati* ‘околдовать’) [19, с. 94-95]. Таким образом, семантическое наполнение корня развивалось следующим образом: ‘говорить’ > ‘заклинать’ > ‘колдовать’ [5, с. 583-584]. Однако производная по своему происхождению лексема *обаяние* сохраняет ведущую сему производящего глагола *баяти* (‘говорить’), то есть в основе значения субстантива лежит особая ‘манера говорения’.

Лексема *колдовство* так же, как и лексема *обаяние*, является по своему происхождению исконно русским словом. В русском языке XI-XVII вв. были известны глаголы *кѣлдовати*, *колдовати*, восходящие к праславянскому **кѣлдовати*, производному имперфектива на *-овати* от корня **кѣлдунъ*, *кѣлдинъ*, *колдинъ* (из праслав. **кѣлдунъ*, экспрессивный вариант слова **кѣлтунъ* – ‘путаник; мошенник; колосья, закрученные со злым умыслом’. Церковнославянское *кѣлдовѣство*, *колдовѣство* образовано от основы глагола **кѣлдовати* с помощью суффикса *-ѣство*. *Колдовать* – первонач. ‘заговаривать’, *колдун* – первонач. ‘заклинатель’ [20, с. 410]. В значениях однокоренных слов наблюдаются семы ‘говорить’, ‘заклинать’, ‘путать’, ‘умысел’.

В русском языке с XI по XVII вв. функционируют следующие производные единицы от глаголов *колдовати* и *баяти*:

а) *колдовати* – ‘колдовать’; *колдование* – ‘действие по значению глагола колдовати; колдование и иное ве-

довство'; **колдовство** – 'колдовство'; **колдунъ** – 'колдун'; **колдуниха** – 'колдунья'; **колдуница** – 'то же, что колдуниха'; **колдунья** – 'колдунья' [10, с. 232];

б) **обаяльникъ** – 'то же, что обаяльник'; **обаяние (обояние)** – 'заклинание, чародейство'; 'заговорённый предмет, носимый для предохранения от болезней, сглаза'; 'заговорённое или лечебное средство, снадобье'; **обаяникъ (обояникъ)** – 'заклинатель, колдун'; **обаяти (обояти)** – 'заколдовать, зачаровать, колдовать'; **обавати** – 'заклинать, заговаривать, колдовать'; 'увлекать, обольщать' [11, с. 12-13; 8].

Анализ лексикографических источников показал, что в древнерусском языке проходил процесс активного формирования парадигмы языковых единиц лексико-словообразовательных гнёзд с вершинами *колдовати* и *баяти*, осуществлялось их расширение за счёт детализации значений членов парадигм, их оттенков. В данном случае целесообразнее, на наш взгляд, говорить о лексико-словообразовательных гнёздах, так как мы рассматриваем не только совокупность однокоренных слов с учётом семантики дериватов, но также учитываем смысловые связи между единицами гнезда.

Словари позволяют констатировать, что основные значения, оттенки и некоторые отдельные семы оказались устойчивыми в историческом плане. Постепенное расширение структуры лексико-словообразовательных гнёзд происходит за счёт пополнения их состава новыми субстантивами с общей семой характеристики человека, а именно: 'заклинатель, колдун'.

В XVIII веке наблюдается развитие деривационного потенциала лекси-

ко-семантических гнёзд за счёт пополнения их словами признакового характера, глагольными формами, образованными префиксальным способом. Данные словаря Академии Российской и словаря русского языка XVIII века под ред. Ю.С. Сорокина фиксируют следующие языковые единицы:

а) **колдовать (-ти)** – 'по суеверным представлениям — воздействовать на людей и природу с помощью особых приёмов, заклинаний'. Ср. волхвовать, волшебствовать, ворожить, чародѣйствовать; **колдование** – 'действие по глаголу *колдовать*'; 'действие колдующего'; **колдовка** – 'колдунья'; **колдовской (-ий)** – прил. 'относящийся к колдуну и колдовству'; **колдовский** – нареч.; **колдовство** – 'действие по глаголу *колдовать*; искусство колдуна – ср. волхование, волшебство, ворожба, чародѣйство'; 'мнимое искушение колдуна'; **колдун**, **колдунчик**, **колдунья** – 'человек, занимающийся колдовством'; **колдунин** – 'принадлежащий колдунье'; **колдунов** – 'относящийся к колдуну'; **колдунство** – 'занятие колдуна; колдовство'; отмечена фразама **колдунова трава** – 'небольшая травка, ежегодно от корня возрождающаяся, величиною в перстень'; **заколдовать** гл. – 'по мнению простолудинов: колдованием отнимаю или придаю какой-либо вещи какую силу, действие'; **заколдованный**, прил. – 'то, что заколдовал'; **наколдовать** гл. – 'навораживаю, наговариваю на что-то для произведения желаемого действия'; **наколдование** – 'навораживание, наговаривание, действие наколдовывающего'; **наколдованный**, прил. – 'наворожённый, наговорённый'; **околдовать** гл. – 'обворажи-

ваю, обморачиваю»; **околдованный** прил. – ‘обворожённный, очарованный, обмороченный’; **отколдовать** гл. – ‘отвораживаю, показываю, будто через колдовство отъемлю силу или действие околдованного, очарованного предмета’; **приколдовать** гл. – ‘привораживаю, посредством колдовства и делаю привязанным, пристрастным кого-либо к кому-либо или чему-либо’; **приколдованный** прил. – ‘приворожённный, посредством колдовства привлечённый, привязанный, прилепленный к кому или чему-либо’ [7, с. 703-704; 12];

б) **обаяние** – ‘слав. чарование, колдовство’. Ср. волхование, чарование, чародѣйство; ‘перен. то, что прельщает, привлекает кого-либо’; **обаянник**, **обаянница** – ‘слав. кн.-слав. то же, что обаятель’; **обаянство** – ‘то же, что обаяние’; **обаянщик** – ‘то же, что обаятель’; **обаятель** – ‘чародей, волхователь’; ‘обольстителъ’; **обаятельный** – ‘исполненный обаяния, чарующий, пленительный’; **обаяти (-ть)**, **обаявати**; **обаяющий**, **обаянный**, **обаевающий**, прич., **обая**, деепр. кого-что. ‘слав. то же, что обавати’; ‘чаровать, пленить’; **обаяться**, **обаяясь** деепр. чем. ‘прельститься, обольститься’ [12].

В.В. Виноградов, исследуя историю слова **обаятельный**, относит его к одному синонимическому ряду с прилагательными **обворожительный** и **очаровательный**, связанными «с первоначальным конкретным представлением о колдовстве, чарах, обаянии». Отмечает, что «все эти слова: **обавати**, **обаяти**, **обаяние** и другие подобные – относились к высокому слогу и сохраняли до начала XVIII в. ясный отпечаток церковно-книжной идеологии, смешанной с суеверными

представлениями. Это старославянизмы, дожившие до XVIII в. и вошедшие в «высокий штиль» классической литературы. Однако **обавати** ещё Ломоносовым (в «Рассуждении о пользе книг церковных») было признано обветшалым словом» [1, с. 715].

Итак, мы можем констатировать, что лексико-словообразовательные гнезда с доминантами **баяти** и **колдовати** в XVIII веке обогатились новыми дериватами. Лексемы, пополнившие их состав, расширили внутреннее содержание гнезда уточняющими семантическими оттенками.

В современном русском языке наблюдается изменение семантической структуры лексемы **обаяние**. Толковые словари русского языка фиксируют три основных значения, в основе которых наблюдается общая сема – ‘чары, сила’: 1. Очарование; воздействие пленительного, привлекательного, чарующего. 2. Сильное, покоряющее влияние. 3. *устар.* Состояние человека, находящегося под воздействием каких-либо чар, внушений [13, с. 17-18].

На современном этапе развития языка мы видим, что архисема ‘особая манера говорить’ не является ведущей, а само качество воздействия на человека зависит не только от речи объекта, но и от облика, от движения, от взгляда и др. Обаянием могут обладать не только люди, но и животные, предметы, явления природы: «Если звали Таню в театр или в кино, то непременно тащились вчетвером, с бесцветной Томой в виде принудительного приложения к Таниному убойному обаянию»; «Поверх всего этого плыла одесско-советская радиомузыка, блатная, хамская, но не лишённая обаяния»; «Лето было поздним <...> липа цвела

запоздало, и особенно обаятельными были закоулки, проходные дворы, ветхость деревянных домов казалась милой и домашней...» [15, с. 163, 287].

В одном синонимическом ряду со словом *обаяние* стоят такие слова, как *очарование, прелесть, шарм, чары*. В состав лексико-словообразовательного гнезда с вершиной *обаяние* в современном русском языке входят следующие языковые единицы: *обаять, обаяние, обаятельный, обаятельность, обаятельно*. Архаические *баять, обаяти / обавати, обаянник, обаянница, обаватяник, обаянство*, которые являются употребительными в исторических произведениях художественной литературы и сохраняются в диалектах.

Лексема *колдовство* в современном русском языке выступает в следующих значениях: «1. Магические, таинственные приёмы, с помощью которых, по суеверным представлениям, можно воздействовать на людей и природу, исцелять или наводить болезни, насылать беды. 2. То же, что очарование» [9].

Мы видим, что пересекающейся для лексем *обаяние* и *колдовство* является сема 'покоряющее влияние на человека'. Но лексема *обаяние* в современном русском языке имеет положительную коннотацию, а лексема *колдовство* может выступать и с отрицательной коннотацией. Ср.: *обаяние* – 'воздействие пленительного, привлекательного, чарующего'; *колдовство* – 'магические, таинственные приёмы, с помощью которых <...> можно наводить болезни, насылать беды' [13, с. 17-18; 9]. Заметим, что в словаре Брокгауза и Ефрона лексема *колдовство* рассмат-

ривается как тождественная лексеме *чародейство*, которой в целом даётся отрицательная оценка: «Чародейство – мнимое искусство вызывать теми или другими иррациональными способами всякие желаемые явления, в том числе и сверхъестественные, произвольно управлять явлениями природы, предвидеть и угадывать их будущее течение» [18].

В лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *колдовство* в современном русском языке входят следующие языковые единицы: *колдовать, колдовской, колдовство, колдун, колдунья*. В одном синонимическом ряду со словом *колдовство* стоят такие слова, как *чары, очарование, магия, предсказание, волшебство, чародейство, ворожба*. Использовать колдовские приёмы может только человек. Таким образом, в семантике слов с корнем *-колд-* эксплицитно и имплицитно присутствует сема 'человек' как актуальная для значения: *колдовство, колдовать* и т. д. Метафорические переносные значения, безусловно, возможны: «И если он выручает деньги за свой скот или табак <...> на самих этих деньгах лежит **сладкое колдовство Тайны...**» [4]; «Тогда нравились ему избянные песни, **колдовство свирельной мечты, девушки-царевны...**» [6]; «Но и само собой уже вторилось, помимо умысла – меня уже захватило всё **колдовство часа и округа и её близости**» [3].

Опираясь на данные «Частотного словаря русского языка» [16, с. 266, 392] под редакцией Л.Н. Засориной, можно отметить, что активнее всего функционируют лексемы, которые являются вершинами данных лексико-словообразовательных гнёзд: *колдовство* (6)

и *обаяние* (5), причём встречаются эти слова преимущественно в текстах художественной прозы.

Диахронное рассмотрение обнаруживает процесс деэтимологизации лексемы *обаяние*, то есть утрату первоначальной мотивированности слова, опирающейся на его словообразовательные связи внутри этимологического гнезда. Для деэтимологизации характерно то, что она является следствием исторических изменений в слове, результаты же её представлены в современном русском языке и его диалектах. В результате такой деэтимологизации становится возможным образование нового лексико-словообразовательного гнезда, в котором деэтимологизированное слово выступает начальным членом словообразовательного ряда. Выход исходного глагола *баяти* из активного употребления приводит к тому, что слова первой ступени словообразования остаются без производящего, которое является общим для всего ряда производных данной ступени. Поэтому каждое производное слово первой ступени само становится исходным для самостоятельного словообразовательного гнезда. Так, на базе одного гнезда с вершиной *баяти* в настоящее время функционирует словообразовательное гнездо с вершиной *обаять*. «В современном русском языке есть много примеров, когда производное слово утрачивает свои семантические связи с производящим элементом или развивается на основе имеющихся значений новые дополнительные варианты» [17, с. 161]. Диахронный анализ семанти-

ческой структуры слов, составляющих лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *обаяние*, показал, что утрата связи с мотивирующим словом *баять* повлияла на изменение значений как конкретных лексических единиц, так и в целом понятия *обаяние*.

Таким образом, на синхронном уровне два представленных лексико-словообразовательных гнезда с вершинами *обаяние* и *колдовство*, с точки зрения их структуры и функционирования, граничат друг с другом, взаимодействуют, пересекаются общим семантическим множителем ‘очарование, влияние, чарующая сила’. Исторический анализ показал, что древнерусские глаголы *баяти* и *колдовати* имели общую сему ‘говорить, околдовывать приятными словами’, но уже к концу XVII века *ведущей* становится сема ‘заколдовать, зачаровать’. В XVIII веке эта сема конкретизируется, уточняется, дополняется формой ‘пленять’. На современном этапе развития языка мы отмечаем, что первоначальная архисема для слов *обаяние* и *колдовство* ‘околдовать посредством слов’ становится вторичной, а не основной. Лексикографические источники не фиксируют, не уточняют, что является основным орудием обаяния и колдовства (во всех толковых словарях указывается только особая сила воздействия). Развитие общества, изменения в лексическом составе русского языка, развитие языка в целом, возможно, в дальнейшем будут способствовать конкретизации и уточнению этих близких и в то же время далёких понятий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. История слов / отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
2. Войлова К.А. Избранные труды / редкол.: В.В. Леденёва (сост.; отв.ред.) и др. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 396 с.
3. Жаботинский В. Пятёро (1936) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CD%EE%20%E8%20F1%E0%EC%EE%20F1%EE%E1%EE%E9%20F3%E6%E5%20%E2%F2%EE%F0%E8%EB%EE%F1%FC%2C%20EF%EE%EC%E8%EC%EE%20F3%EC%FB%F1%EB%E0%2026%238213%3B%20%EC%E5%ED%FF%20F3%E6%E5%20E7%E0%F5%E2%E0%F2%E8%EB%EE%20E2%F1%E5%20EA%EE%EB%E4%EE%E2%F1%F2%E2%EE%20F7%E0%F1%E0%20E8%20EE%EA%F0%F3%E3%E0%20E8%20E5%E5%20E1%EB%E8%E7%EE%F1%F2%E8&docid=64468&sid=1290 (дата обращения: 30.10.2016).
4. Искандер Ф. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E0%20F1%E0%EC%E8%F5%20FD%F2%E8%F5%20E4%E5%ED%FC%E3%E0%F5%20EB%E5%E6%E8%F2%20F1%EB%E0%E4%EA%EE%E5%20EA%EE%EB%E4%EE%E2%F1%F2%E2%EE%20D2%E0%E9%ED%FB&docid=20641&docid=20641&docid=20641&sid=3145 (дата обращения: 30.10.2016).
5. Историко-этимологический словарь современного русского языка под ред. Черных П.Я. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 624 с.
6. Лихоносов В. Люблю тебя светло (1968) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%D2%EE%E3%E4%E0%20ED%F0%E0%E2%E8%EB%E8%F1%FC%20E5%EC%F3%20%E8%E7%E1%FF%ED%FB%E5%20EF%E5%F1%ED%E8%2C%20EA%EE%EB%E4%EE%E2%F1%F2%E2%EE%20F1%E2%E8%F0%E5%EB%FC%ED%EE%E9%20EC%E5%F7%F2%FB&docid=20943&sid=1037 (дата обращения: 30.10.2016).
7. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В 6 т. Т. 3 (З-М). СПб.: Императорская Академия Наук, 1792. 1388 с.
8. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / АН СССР. Институт русского языка. М.: Русский язык. Главный редактор Р.И. Аванесов [Электронный ресурс]. URL: http://old_russian.academic.ru/?f=0L3Ro9C60Yo%3D&t=0L7QsdC40YI%3D&nt=151 (дата обращения: 10.10.2016).
9. Словарь русского языка в четырёх томах (Малый академический словарь) [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encys.htm> (дата обращения 10.10.2016).
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 7 (К-Крагуяр). Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Изд-во «Наука», 1980. 403 с.
11. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 12 (О-Опарный). Академия наук СССР. Институт русского языка., М.: Изд-во «Наука», 1980. 381 с.

12. Словарь русского языка XVIII века. АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения 10.10.2016).
13. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. (Большой академический словарь). Т. 8 / под ред. В.И. Чернышёва, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова [и др.]. М.-Л.: АН СССР, 1959. 763 с.
14. Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения 10.10.2016).
15. Улицкая Л. Казус Кукоцкого: роман. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 464 с.
16. Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977, 936 с.
17. Шаталова О.В. Отталкивание как фактор семантической дифференциации лексем с корнем *бы-* в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. С. 161-163.
18. Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] // Библиотека Вехи: [сайт]. URL: <http://www.vchi.net/brokgauz/> (дата обращения: 30.10.2016).
19. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд под ред. О.Н.Трубачёва. Выпуск 26 (**novoukъ*(жъ) – **obgoroditi*). Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1999. 237 с.
20. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. *Istoriya slov* [The history of words]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V.V.Vinogradova RAN Publ., 1999. 1138 p. (In Russ.)
2. Voilova K.A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2014. 396 p. (In Russ.)
3. Zhabotinskii V. *Pyatero* (1936) [Elektronnyi resurs] [Five (1936) [E-source]]. In: *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]*. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CD%E2%EE%20%F1%E0%EC%EE%20%F1%EE%E1%EE%E9%20%F3%E6%E5%20%E2%F2%EE%F0%E8%EB%EE%F1%FC%2C%20%EF%EE%EC%E8%EC%EE%20%F3%EC%FB%F1%EB%E0%20%26%238213%3B%20%EC%E5%ED%FF%20%F3%E6%E5%20%E7%E0%F5%E2%E0%F2%E8%EB%EE%20%E2%F1%E5%20%EA%EE%EB%E4%EE%E2%F1%F2%E2%EE%20%F7%E0%F1%E0%20%E8%20%EE%EA%F0%F3%E3%E0%20%E8%20%E5%E5%20%E1%EB%E8%E7%EE%F1%F2%E8&docid=64468&sid=1290 (request date 30.10.2016) (In Russ.)
4. Iskander F. *Sandro iz Chegema (Kniga 1) (1989) [Elektronnyi resurs]* [Sandro from Chegem (Book 1) (1989) [E-source]]. In: *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]*. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E0%20%F1%E0%EC%E8%F5%20%FD%F2%E8%F5%20%E4%E5%ED%FC%E3%E0%F5%20%EB%E5%E6%E8%F2%20%F1%EB%E0%E4%EA%EE%E5%20%EA%EE%EB%E4%EE%E2%F1%F2%E2%EE%20%D2%E0%E9%ED%FB&docid=20641&docid=20641&docid=20641&sid=3145 (request date 30.10.2016) (In Russ.)

5. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka pod red. Chernykh P.YA. T. 1* [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language edited by P. Chernykh. Vol. 1]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1999. 624 p. (In Russ.)
6. Likhonosov V. *Lyublyu tebya svetlo* (1968) [Elektronnyi resurs] [Love you with warmth (1968) [E-source]] In: *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]*. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?en v=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%D2%EE%E3%E4%E0%20%ED%F0%E0%E2%E8%EB%E8%F1%FC%20%E5%EC%F3%20%E8%E7%E1%FF%ED%FB%E5%20%EF%E5%F1%ED%E8%2C%20%EA%EE%EB%E4-%EE%E2%F1%F2%E2%EE%20%F1%E2%E8%F0%E5%EB%FC%ED%EE%E9%20%EC%E5%F7%F2%FB&docid=20943&sid=1037 (request date 30.10.2016) (In Russ.)
7. *Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyyi. V 6 t. T. 3 (Z-M)* [Dictionary of the Russian Academy sorted alphabetically. In 6 vols. Vol. 3.]. SPb., Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1792. 1388 p. (In Russ.)
8. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.)*. [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of the old Russian language (11-14th centuries) [E-source]]. / USSR. Institute of Russian language. Moscow: Russian language. Chief ed. R.I. Avanesov. URL: http://old_russian.academic.ru/?f=0L3Ro9C60Yo%3D&t=0L7QsdC40YI%3D&nt=151 (request date 10.10.2016) (In Russ.)
9. *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh (Malyi akademicheskii slovar')* [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of the Russian language in four volumes (Small academic dictionary) [E-source]]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (request date 10.10.2016) (In Russ.)
10. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. Vypusk 7 (K-Kraguyar')*. [Dictionary of the Russian language 11-17th centuries, Issue 7 (K-Kraguyar').]. Moscow, Izd-vo «Nauka», 1980. 403 p.
11. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. Vypusk 12 (O-Oparnyi)*. [Dictionary of the Russian language 11-17th centuries, Issue 12 (O-Oparnyi). Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. 381 p.
12. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka*. [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of the Russian language of the 18th century [E-source]]. AS USSR. In-t Rus. lang.; Ch. ed. Y. S. Sorokin. Leningrad: Nauka, 1998. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (request date 10.10.2016)
13. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. (Bol'shoi akademicheskii slovar')*. T. 8. [Dictionary of the modern Russian literary language. 17. (Big academic dictionary). Vol. 8.]. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ., 1959. 763 p. (In Russ.)
14. *Tolkovyi slovar' zhivago velikorusskogo yazyka Vladimira Dal'a* [Elektronnyi resurs]. [Explanatory dictionary of the Live Great Russian language of Vladimir Dahl [E-source]]. URL: <http://slovardalja.net/> (request date 10.10.2016)
15. Ulitskaya L. *Kazus Kukotskogo: roman* [Kukotskiy's case: a novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 464 p. (In Russ.)
16. *Chastotnyi slovar' russkogo yazyka* [A frequency dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 936 p. (In Russ.)
17. Shatalova O.V. Repulsion as a factor in semantic differentiation of the lexemes with root would be – in the Russian language. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2007, no. 1, pp. 161-163. (In Russ.)
18. *Entsiklopedicheskii Slovar' F.A.Brokgauza i I.A.Efrona* [Elektronnyi resurs] [Encyclopedic Dictionary of F. Brockhaus and I. Efron [E-source]]. In: *Biblioteka Vekhi: [sait]*. [Milestones

Library: [website]]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (request date 30.10.2016) (In Russ.)

19. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond pod red. O.N.Trubacheva. Vypusk 26 (*novouk'(j') - *obgoroditi)* [Etymological dictionary of Slavic languages: proto-Slavic lexical fund edited by O. Trubachev. Issue 26 (*novoukъ(I) - *obgoroditi)]. Moscow, Nauka, 1999, 237 p. (In Russ.)
20. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010, 584 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головина Татьяна Александровна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: box613tagol@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Golovina – postgraduate student of the department of Slavic languages at Moscow Region State University;
e-mail: box613tagol@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Головина Т.А. Обаяние и колдовство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 6-15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-6-15

CORRECT REFERENCE

T. Golovina. Charm and witchcraft. Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 2, pp. 6-15.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-6-15

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-16-21

О СОЧЕТАНИИ СИНОНИМИЧНЫХ ПЕРСУАЗИВНЫХ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ВЫСКАЗЫВАНИИ (В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА)

Долгова Н.Г.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются имеющие место в прозе А.П. Чехова случаи сочетаний-наложений *словно как бы, словно как будто, словно будто, как будто бы*. Анализируется их роль в выражении субъективной модальности достоверности-недостоверности. Отмечается положение данных сочетаний на границе аналитических комплексов и фразеологизированных частиц. Эти сочетания-наложения характерны для разговорной речи персонажей; с их помощью А.П. Чехов добивается стилизации текста под простую, непринуждённую речь.

Ключевые слова: повтор, частицы, персуазивность, экспрессивность, аналитизм.

ON COMBINATION OF SYNONYMIC PERSUASIVE-MODAL PARTICLES IN A STATEMENT (ON CHEKHOV'S PROSE)

N. Dolgova

Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article discusses the use of combinations-impositions *slovno kak by, slovno kak budto, slovno budto, kak budto by* in the prose of Chekhov. Their role in expressing the subjective modality of reliability-unreliability is analyzed. These combinations are distinguished on the border of analytical systems and phraseological particles. This combination-impositions are characteristic for colloquial speech of characters. Using them, A. Chekhov achieves stylization of text to simple, relaxed speech.

Keywords: lexical repetition, particles, persuasiveness, expressiveness, analytism.

Частицы как часть речи привлекают к себе внимание многих исследователей: начиная с 1960-х годов интерес к ним не ослабляется (исследованию частиц посвящены работы Е.А. Стародумовой, Т.М. Николаевой, М.Г. Щур, И.А. Нагорного, П.А. Купоросова и др.).

Одной из специфических функций частиц является выражение ими субъективно-модальных значений достоверности-недостоверности, эмоциональных значений, значения адресованности, среди которых, по мнению Е.Н. Ореховой, ядерным компонентом является значение достоверности-недостоверности [9, с. 15].

По мнению Т.М. Николаевой, одной из характерных черт частиц как класса является то, что «функциональная семантика частиц как бы налагается одна на другую» [6, с. 8]. Это, в свою очередь, означает, что в силу размытости семантики определённые частицы могут быть одновременно и многозначны, и синонимичны друг другу. В статье рассмотрены случаи соседства двух синонимичных частиц со значением степени достоверности в тексте рассказов А.П. Чехова.

Соседство двух синонимичных слов рассматривает в «Очерках по синтаксису разговорной речи» Н.Ю. Шведова, правда, по отношению к полнозначным соединениям типа *«торчит – не шелохнётся»*, *«слушает – не дохнёт»* [10, с. 44]. В них лексическое значение одного из глаголов уточняет значение качественной характеристики действия, «накладывается» на другое; один из глаголов обозначает основной признак, другой – сопровождающий и характеризующий. О стилистических аспектах данного явления писали А.А. Потебня, В.Я. Пропп и др. Е.М. Галкина-Федорук, указывая приём повторения в качестве продуктивного средства выражения экспрессивности, относит его к народно-поэтическому стилю [1, с. 110-111]. Однако существуют и иные причины возникновения повторений в тексте, среди которых можно выделить шум, невнятность речи, наличие отвлекающего предмета / человека; восстановление логического хода коммуникации; трудность словесного воплощения мысли; самокоррекцию; темперамент / эмоциональное состояние говорящего [2, с. 33-34]. При этом второй и четвёртый факторы предпо-

лагают дистантное положение повторяющихся слов, остальные – как дистантное, так и контактное положение слов.

В рассмотренных случаях наблюдается повторение синонимичных по смыслу частиц, в которых значение одной частицы «накладывается» на значение другой, конкретизирует его. Вероятно, подобные сочетания не ощущаются как речевые ошибки в силу того, что у частиц невозможно собственно лексическое значение; в предложении они, скорее, выполняют синтаксическую функцию, нежели обозначают что-либо. Подобные сочетания, думается, можно считать разновидностью аналитических комплексов частиц, выделенных П.А. Лекантом [4, с. 1-8]; в отличие от фразеологизированных частиц данные комплексы обладают большей лексической свободой и допускают перестановку компонентов.

В текстах рассказов А.П. Чехов использует данный приём в речи персонажей; чаще всего это реплики персонажей, приближённые к монологическим: в них говорящий описывает ситуацию или событие, в истинности которых он не уверен: *А водки как выпил, разговлямишься, так и совсем шальной стал. Голоса стал слышать. Слышно мне, как какой-то тоненький, словно как будто андельский, голосочек звенит тебе в ухе и рассказывает: поди, Пашка, постреляй! Наваждение!* [11, Т. 2, с. 174]; *Лежу я на траве пьяный и дремлю, не то я дремлю, не то совсем сплю... Только слышу, кто-то идёт мимо и ногами сильно стучит... открываю глаз и вижу, словно как бы в беспамятстве или во сне: подходит ко мне какой-то барин, нагинаяется и*

вытирает руки о мои полы... [11, т. 3, с. 395]; Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая ещё простая фамилия... **словно как бы** лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов [11, т. 4, с. 59]. Используя данные сочетания, говорящий оценивает ирреальность происходящего, предмет разговора кажется ему размытым, расплывчатым, эфемерным. Такое соседство можно расценить как речевую ошибку, связанную с затруднённой речью персонажа, однако такое сочетание имеющих сходное значение частиц способствует усилению недостоверности сообщаемого.

Данное сочетание используется и в случае, когда говорящий не уверен в истинности сообщаемого, испытывает необходимость обдумать свой ответ: – Барин, которого ты видел, похож на Петра Егорыча? – **Словно как бы** нет... а может быть, это и они были... Только они сволочью ругаться не станут [11, т. 3, с. 395-396]; – Странно... – пробормотал он, надевая сапог. – **Словно как будто** это не правый сапог. Да тут два левых сапога! Оба левые! Послушай, Семён, да это не мои сапоги! Мои сапоги с красными ушками и без латок, а это какие-то порванные, без ушек! [11, т. 4, с. 8]; – А **словно как будто** я слышал, что тут ты не один, а словно вас двое-трое. – Один, батюшка, один. Как есть один... О-хо-хо-х, грехи наши... [11, т. 6, с. 92] – в данном случае говорящий не хочет давать отрицательный ответ напрямую. Несмотря на то что для осуществления данной цели можно использовать одну персуазивную частицу, говорящий использует сочетание двух частиц. Навряд ли в данном случае следует говорить о желании

воздействия говорящим на слушающего, скорее, говорящий нуждается в паузе для размышления.

А.П. Чехов, как искусный мастер слова, стилизует народную речь, отражая в ней разного рода ошибки и неточности словоупотребления. Получаем наложение смыслов синонимичных частиц, характерных для диалогической речи в текстах писателя: оно является одним из ярких средств создания речевого портрета персонажа.

Заслуживает внимания образованная на базе сочетания синонимичных частиц аналитическая единица *как будто бы*. В толковом словаре под редакцией Т.И. Ефремовой зафиксировано значение 'употребляющееся при выражении условности, мнимости, чего-л. кажущегося' [3]. В словаре под редакцией В.В. Морковкина [7, с. 37, 158-159] выделяются лишь частицы-синонимы *будто бы* и *как будто*. Словарь С.И. Ожегова под редакцией Л.И. Скворцова фиксирует сочетание *как будто* в качестве устоявшейся фразеологической единицы [8, с. 335]. А.П. Чехов использует данное сочетание-наложение как в речи персонажей, так и в речи рассказчика.

Действительно, оно входит в круг персуазивных частиц, обозначая некое мнимое действие или состояние: Он **как будто бы** предчувствовал, что у него отнимут невесту, о которой он, бывало, думал во время каждой лекции, ложась и просыпаясь... [11, т. 1, с. 166]; – Где-то, когда-то я видел тебя, старина! – сказал фон Зайниц. – Физиономия твоя мне **как будто бы** знакома... Где я тебя видел?; Помолчав неделю, Вывертов **как будто бы** заговорил [11, т. 1, с. 309]. В приведённых примерах говорящий как бы сопоставляет известные

ему факты и получает некий результат, схожий с тем, что обозначается словом, находящимся в постпозиции к сочетанию, хотя полной уверенности у говорящего нет.

Сочетание выделенной частицы и наречий меры и степени *немножко*, *чутьочку* создаёт значение минимальной вероятности действия и признака: *Зоя поднялась и направилась к ложе. Я за ней. Впуская её в ложу, я икнул и побежал в буфет. Выпил я воды стаканов пять, и икота как будто бы* *немножко утихла* [11, т. 1, с. 138]; *Воздух великолепен. Московские запахи отсутствуют. Пахнет лесом, ландышами, дёгтем и как будто бы чутьочку хлебом* [11, т. 1, с. 247] – состояние, которое испытывает персонаж, хотя и достигнуто, но может исчезнуть в любой момент.

Итак, сочетания-наложения синонимичных частиц являются ярким

средством выражения позиции автора по тому или иному вопросу. Схожие с аналитическими сочетаниями частиц, они сочетают в себе два элемента: основную и конкретизирующую значение частицы. С помощью данных сочетаний А.П. Чехов добивается стилизации текста под простую, спонтанную речь, а его герой с их помощью либо воздействует на собеседника, либо даёт себе дополнительное время для оформления мысли. Будучи составленным из персуазивных частиц, такое сочетание содержит оценку происходящего с позиций достоверности-недостоверности, усиленную или ослабленную повторением. Подобные наложения могут со временем входить в литературную норму в силу своей размытой семантики и отсутствия точного лексического значения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сборник статей по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103-124.
2. Горшунова Т.И. Причины и формы проявления повтора в спонтанной речи // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 32-35.
3. Как // Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. 2000. [Электронный ресурс] // Словари на Академике [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/172804/Как> (дата обращения: 21.03.2017)
4. Лекант П.А. Аналитизм в категории русских частиц // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/295> (дата обращения: 21.03.2017)
5. Нагорный И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц. Барнаульский гос. пед. ун-т, 2000. 309 с.
6. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.
7. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М., 2006, 432 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство «Мир и образование», 2008. 1200 с.
9. Орехова Е.Н. Субъективная модальность: форма, семантика, функции: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 296 с.

10. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд. АН СССР, 1960. 377 с.

ИСТОЧНИК:

11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1-3. М.: Наука, 1983.

REFERENCES

1. Galkina-Fedoruk E.M. *Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke: sbornik statei po yazykoznaniyu* [On expressivity and emotionality in language: a collection of articles on linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1958, pp. 103-124. (In Russ.)
2. Gorshunova T.I. Reasons and forms of manifestation of repetition in spontaneous speech. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2009, no. 5 (17), pp. 32-35. (In Russ.)
3. As // Modern dictionary of the Russian language / Ed. by T. Efremova. 2000. [Electronic resource] In: *Slovari na Akademike* [sait]. [Dictionaries on Academic. [website]]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/172804/Kak> (In Russ.)
4. Lekant P.A. Analytism in Russian particle category. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyi zhurnal)*. [Bulletin of Moscow Region State University (E-journal)]. 2013, no. 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/295> (In Russ.)
5. Nagornyi I.A. *Predikativnye funktsii modal'no-persuazivnykh chastits* [Predicative functions of modal-persuasive particles]. Barnaul, Barnaul. gos. ped. un-t, 2000, 309 p. (In Russ.)
6. Nikolaeva T.M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [The functions of the particles in the utterance (on the material of Slavic languages)]. Moscow, Nauka, 1985, 170 p. (In Russ.)
7. *Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka: strukturnye slova* [Explanatory dictionary of the Russian language: structural words]. Moscow, 2006. (In Russ.)
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53 000 slov* [Dictionary of the Russian language: Ab. 53 000 words]. 2nd ed., rev. Moscow, "Oniks" Publ., "Mir i obrazovanie" Publ., 2008, 1200 p. (In Russ.)
9. Orekhova E. N. *Sub'ektivnaya modal'nost': forma, semantika, funktsii: monografiya* [Subjective modality: form, semantics, functions: monograph]. Moscow, MGOU Publ., 2011, 296 p. (In Russ.)
10. Shvedova N.YU. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian language]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 377 p. (In Russ.)

SOURCE:

11. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh. T. 1-3* [Complete works and letters in thirty volumes. Volumes 1-3]. Moscow, Nauka, 1983. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгова Наталья Георгиевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: dolgova_natalja@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya Dolgova – postgraduate student at the department of Modern Russian in Moscow Region State University
e-mail: dolgova_natalja@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Долгова Н.Г. О сочетании синонимичных персуазивных модальных частиц в высказывании (в прозе А.П. Чехова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 16-21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-16-21

CORRECT REFERENCE

N. Dolgova. On combination of synonymic persuasive-modal particles in a statement (on Chekhov's prose). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 16-21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-16-21

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-22-30

МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ТОЛКОВАНИИ КОННОТАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЗООНИМОВ В ТЕКСТАХ САШИ ЧЁРНОГО

Красильникова П.Ю.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье исследуются разные методики толкования имплицитного содержания текста, даётся анализ научных подходов к описанию коннотации. Автор применяет некоторые методы лингвистической экспертизы в анализе коннотативного содержания художественного текста на примере зоонимов в произведениях Саши Чёрного. Вводится понятие актуальной коннотации, реализующейся в определённом контексте. Выделяются и описываются уровни, характеризующие совпадение или несовпадение актуального коннотативного значения с семантическими ассоциациями, существующими для конкретного слова вне контекста.

Ключевые слова: имплицитное содержание, коннотативное содержание, коннотация, лингвистическая экспертиза, актуальность, контекст, вербализуемость.

LINGUISTIC EXAMINATIONS METHODS IN THE INTERPRETATION OF THE CONNOTATIVE CONTENT OF THE ZOONYMS IN SASHA CHERNY'S LYRICS

P. Krasilnikova*Moscow Region State University**10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. This paper explores different methods of implicit content interpretation of text, it analyses the scientific approaches to the description of connotations in different linguistic disciplines. The author uses some methods of linguistic examination in the analysis of the connotative content of the original text illustrated with an example of zoonyms in the lyrics of Sasha Cherny. The author introduces the concept of the **actual connotation**, which is realized in a specific context; points out and describes the levels of characterizing the concurrence or the discrepancy between the actual connotations with the associations that exist for a certain word outside of context.

Keywords: implicit content, connotative content, connotation, linguistic expert examination, relevancy, context, verbalizability.

Коннотативные смыслы являются предметом исследования не только в науке о языке и литературоведении, но и в практических сферах.

В начале XXI века в российском судебном производстве источниками необходимых доказательств по уголовным, гражданским, арбитражным или административным делам всё чаще становятся видео- или аудиозаписи, письменные или устные фрагменты текста. При установлении множества фактов, имеющих значение доказательств, используются специальные сведения из области языкознания. Основной процессуальной формой такого взаимодействия становится назначение комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы.

В рамках лингвистической экспертизы ставятся и решаются задачи, связанные с выявлением особенностей текста как носителя информации об его авторе; определением и анализом выраженных в тексте смыслов и характера воздействия высказывания на адресата; исследованием разных наименований как средства обозначений «продуктов» человеческой деятельности [13].

Потребность в лингвистических экспертизах, особенно семантических, связанных, например, с защитой чести и достоинства, всё время возрастает, что делает подробную разработку их методик и вспомогательных материалов актуальнейшей задачей. А значит, особого внимания заслуживает изучение коннотативного аспекта значения лексических единиц – номинаций предметов и явлений действительности.

Целью нашего исследования является применение подходов лингвистической экспертизы при создании гибкой модели анализа коннотативного содержания, подразумевающей не

столько наличие энциклопедической, историко-культурной справки, описания значения слова и его употребления в современном языке, сколько необходимость отсеять лишние семантические компоненты, неактуальные для конкретного текста. Такая модель может оказаться очень полезной в лексикографической практике, так как контекстуальные значения зачастую закрепляются в употреблении, но не фиксируются в словарях. Соответственно, результат такого полного лексикографического описания слова позволит нивелировать разночтения при оценке смыслового содержания текста.

Полное отсутствие метафоричности, смыслообразующих коннотативных значений свойственно, как правило, только текстам официального стиля, которые реже всего становятся объектом экспертизы.

Само понятие коннотации в судебной лингвистике толкуют как компонент смысла слова: эмоциональный, оценочный, ассоциативный, стилистический, культурный [7]. Для юридической практики очень важен тот факт, что понимание коннотативных компонентов по большей части субъективно и на него влияет множество факторов, таких как уровень образованности носителя языка, его мировосприятие и мировоззрение.

Мы не считаем категорически различающимися широкие понимания коннотации и прагматического содержания в семантике языкового знака, хотя в лингвистике теоретические вопросы соотношения и взаимодействия коннотативного и прагматического компонентов значения слова остаются дискуссионными. Если принимать за прагматический компонент сумму

социальных, культурных, этических, исторических, эмотивных, экспрессивных коннотаций, которые в речевой коммуникации несут сведения об интенциях говорящего, о коммуникативной ситуации, о статусе собеседников, об оценке предмета в речи, – не будет надобности дополнительно разграничивать стороны семантического содержания слова.

Обоснованность такого понимания коннотации подтверждают Ю.Д. Апресян [1], Г.Н. Складарская [14] и В.Н. Телия [15], и нам представляется рациональным такой подход.

Наиболее важным как в судебной экспертизе, так и в лингвистическом анализе художественной литературы является выделение из множества аспектов коннотативного содержания слова тех, которые реализуются в конкретном тексте. Нам представляется необходимым ввести понятие актуальной коннотации для дифференциации совокупности семантических ассоциаций слова и того компонента коннотации, которое реализуется в определённом контексте. В примере: *Вам, двуногие кроты* [18] – отчасти реализуется фиксированный коннотативный компонент ‘слепой’, который вне данного высказывания вызывает нейтральные или положительные ассоциации, тогда как при рассмотрении контекста очевидным становится значение пренебрежительной оценки, реализуемое при этом употреблении.

Анализ коннотативного пласта содержания как катализатора образования новых семантических цепочек позволяет выявить дополнительные смыслы в исследуемом тексте. Так, из актуального коннотативного значения *двуногие кроты* [18] восстанавливает-

ся ценностная ориентация автора текста: реализуется не значение ‘слепой’, а вырастающая из него аксиологическая негативная оценка группы людей.

Контент-анализ, являющийся одной из сфер, в которых понятие коннотации получило практическое применение, также используется как метод исследования текста в лингвистической экспертизе. Т.И. Голощапова пишет, что он даёт возможность получать объективную и систематизированную количественную характеристику качественного содержания текста [9, с. 151]. В соответствии с количественными показателями делается вывод об отличительных чертах сознания и мышления автора, его интенциях, установках, целях, системе ценностей. Ход процедуры контент-анализа таков: исследователь фиксирует спорный критерий, например, положительную, отрицательную или нейтральную коннотативную окраску и в соответствии с этим критерием отбирает из текста лексические единицы. Учитывается объём отобранных слов и словосочетаний по группам, затем определяется их процентное соотношение, например: в тексте преобладают единицы с нейтральной и положительной коннотацией, следовательно, ценностная ориентация автора текста характеризуется положительным отношением к выделенному объекту.

Здесь уместно вспомнить об изменчивости, динамичности коннотативного компонента и отметить, что переходы эти дополняют коннотативную семантику множеством нюансов. Такая изменчивость усложняет квалификацию текста.

В русле обозначенной проблемы практикующие эксперты Т.Н. Ка-

сянюк и С.С. Шипшин предлагают с позиции инвективного функционирования современного русского языка выделить две группы лексики: внелитературная инвективная лексика – собственно инвективная, оскорбительная, запретная, и литературная инвективная лексика – нормированная, неоскорбительная по своей природе [10, с. 27].

Эта гипотеза имеет то же слабое место, что и метод контент-анализа применительно к лингвистической экспертизе. Слишком малое число оппозиций – две, между ними сложно уловить объективную картину.

Смысловая система многомерна, содержание разделяется на более глубокие, скрытые – имплицитные – и более явные – эксплицитные – «слои» [2, с. 54]. В лингвистической экспертизе на имплицитном уровне выделяются обязательная и факультативная информация. А.Н. Баранов считает, что коннотации следует рассматривать в составе факультативного содержания текста на том основании, что адресат может восстановить коннотативное значение, но может и оставить нераскрытым, не заметив дополнительного компонента семантики или не поняв его [2, с. 73].

Помимо дифференциации обязательной и факультативной частей имплицитной семантики стоит учитывать ещё одно важное противопоставление: характеристику имплицитной информации как вербализуемой или невербализуемой, понимая под вербализацией вероятность адекватного воспроизведения скрытого смысла в форме высказывания, содержащего пропозицию с выражением скрытого смысла: *Я тоже имею в*

груди не лягушку, а сердце... [18]. Здесь зооним *лягушка* создаёт образ, который при первом прочтении воспринимается интуитивно, на чувственном уровне (что, несомненно, свидетельствует о высоком уровне художественной выразительности), а при анализе метафоры проявляется коннотация ‘холодный, хладнокровный’, что свидетельствует о вербализуемости этого коннотативного значения.

Бывают и случаи, когда нечто на имплицитном уровне значения присутствует, но вербализация этой семантической единицы в явной форме невозможна: *зажглись в глазах у Эпштейна злоеющие львы* [18]. Не представляется реальным чётко вербализовать ту часть коннотативной семантики, которая приходится на зооним *львы*, хотя общий смысл высказывания, обозначающего что-то вроде ‘недоброго огонька в глазах’, вскрыть возможно.

Гипотеза, дифференцирующая коннотативные смыслы по признакам обязательности и вербализуемости, гораздо более жизнеспособна, близка к реальности и гуманна, чем методика контент-анализа, но нельзя не отметить, что культурные ассоциации, которые мы включаем в понятие коннотации, сложно определить через эти признаки.

Мы считаем необходимым применять термин **актуальная коннотация** для обозначения того коннотативного значения, которое существует не отвлечённо для определённой лексической единицы, а реализуется в конкретном рассматриваемом контексте.

Так, в первой строфе стихотворения Саши Чёрного «*Ins grune*»: *От мудрых, средних и ослов родятся реки старых*

слов [18] – не может возникнуть двойственность толкования коннотативного содержания зоонима *ослов*, так как переносное значение закреплено в словаре С.И. Ожегова: ‘о тупом упрямце, глупце’ [17]. Оно совпадает с актуальной коннотацией, реализующейся в данном высказывании.

В строке *Гигиеническим, упорно мерным шагом идут гулять немецкие быки* [18] заложенная автором пренебрежительная оценочная коннотация не отражается в словарных описаниях. Намёк на искомое значение встречается только в словаре русских поговорок, но в нём спорное слово приводится в составе устойчивых словосочетаний: «Доенный (дойный) бык. 1. *Жарг. угол., карт.* Жертва шулера, у которого обманом или с помощью картёжной игры отобрали все ценные вещи. 2. *Жарг. мол.* Богатый мужчина». «Комолый бык. *Жарг. мол. Неодобр.* 1. Упрямый человек. 2. Глупый, несообразительный человек» [17]. Верно раскрыть коннотативное содержание возможно только исходя из контекста, согласно которому актуальная коннотация частично входит в прямое лексическое значение слова, подразумевая ‘организованный выпас’ живых существ, а дополнительные характеристики из словарных описаний ‘упрямый’, ‘здоровый’, ‘мощный’ актуального значения не имеют.

Третий пример из того же стихотворения: *Влюблённые, напыживши ланиты, волочат раскрахмаленных лангуст* – вовсе невозможно квалифицировать с помощью словарных значений. Современный толковый словарь русского языка приводит единственное прямое толкование: «Крупный морской рак семейства беспозвоноч-

ных с твёрдым панцирем, без клешней, обитающий обычно в прибрежной полосе тёплых морей» [17]. Толковый словарь Д.Н. Ушакова, Исторический словарь галлицизмов русского языка, Словарь иностранных слов русского языка Н.Г. Комлева и Словарь поэтических образов на материале русской художественной литературы XVIII-XX веков также не содержат упоминания значений, отличных от прямого номинативного [17]. Однако более чем очевидна из контекста та же актуальная коннотация пренебрежительной оценки, хотя считать инвективой её при этом нельзя. В таких случаях для адекватной квалификации значения логично применить гипотезу, подразделяющую имплицитную информацию на вербализуемую и невербализуемую. Актуальную коннотацию зоонима *бык* в данном тексте возможно вербализовать, при этом она не будет нести оскорбительного оттенка. Для зоонима *лангуста* актуальную семантическую ассоциацию ясно сформулировать невозможно, читатель видит только намёк на образ и может вербализовать его, привлекая индивидуальные эмоциональные оценки. Лингвистическая экспертиза не может учитывать такие коннотативные значения, тогда как для нас они становятся маркером оригинальности идиостиля писателя.

В этом аспекте актуальную коннотацию можно описать с помощью трёх уровней, напоминающих градацию интертекстуальных означающих, но более полезных для характеристики авторского стиля, степени самостоятельности языкового сознания и интенции писателя.

На первом уровне актуальная коннотация совпадает с одним из допол-

нительных значений слова, зафиксированных в словарях или устойчивых выражениях. Второй уровень включает те случаи, когда в словарях и устойчивых выражениях присутствует значимая часть семантики актуальной коннотации, но она, тем не менее, вербализуется иначе.

Актуальная коннотация третьего уровня наиболее редко встречается в живой речи, она свойственна творческому языковому сознанию. Такое коннотативное значение не имеет ничего общего с любыми словарными дефинициями и не реализуется в момент употребления вне авторского контекста. Такие словоупотребления способствуют динамическому развитию коннотативной семантики языка и придают выразительность художественному тексту.

Для описания принадлежности актуальной коннотации к одному из этих уровней полезными оказываются методы лингвистической экспертизы, особенно принцип разделения коннотативного содержания на вербализуемое и невербализуемое. Для лингвистического анализа художественного текста значение имеет не квалификация словоупотребления как соответствующего или не соответствующего законодательным нормам, а возможность выявления новых коннотативных значений. Путём сравнения фиксированных коннотативных смыслов с актуальным коннотативным значением происходит выявление

оригинальных или неоригинальных употреблений слова или выражения – квалифицируется принадлежность коннотативного употребления тому или иному автору. Такой подход позволяет использовать результаты описания нетривиальных словоупотреблений в анализе других текстов при исследовании коннотативной стороны содержания текста.

Таким образом, мы можем обозначить те тенденции описания коннотативного содержания, которые имеют наибольшую значимость для практического применения при формировании устойчивой базы толкований. Эмоционально-экспрессивный компонент коннотации исключается из модели описания как не имеющий значения для конструирования лексикографических описаний. Для детального понимания заложенных в высказывании культурных ассоциаций и аксиологических оценок необходимо разностороннее описание каждой спорной лексической единицы, которое наиболее удобно составлять в форме статьи открытого типа, в которую могут включаться новые значения слов, лексическое и синтаксическое окружение при конкретных словоупотреблениях и постоянно возникающие в живом языке семантические ассоциации. Такое описание возможно только при анализе контекстов, которые формируют актуальную коннотацию, реализующуюся на трёх уровнях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря. Коннотации как часть прагматики слова. Образ человека по данным языка. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 135-154, 156-176, 348-386, 466-483.

2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Баранов А.Н. Лингвистические исследования в криминалистике // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий: Материалы межведомственной научно-практической конференции (21-22 мая 2002 г.). В 3-х частях. Ч. 2. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2002. С. 115-118.
4. Баранов А.Н. Природа индивидуальных речевых признаков в автороведческой криминалистической экспертизе // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в условиях чрезвычайных ситуаций: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 декабря 2002 г.). Челябинск: Челябинский юридический институт МВД, 2002. С. 3-4.
5. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 44-88.
6. Вопросы судебно-автороведческой диагностической экспертизы. Киев: РИО МВД УССР, 1984. 132 с.
7. Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Материалы научно-практического семинара. Ч. 2. М.: Галерея, 2003. С. 48-64.
8. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Ч. I. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/112010/20112010-06a.html> (дата обращения: 11.01.2017)
9. Голощапова Т.И. О методике лингвистической экспертизы текстов, содержащих рекламу и пропаганду наркотических средств и психотропных веществ // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. № 4 (12). М.: Наука, 2008. С. 150-152.
10. Касьянюк Т.Н., Шипшин С.С. К вопросу об инвективной функции нормированной («неоскорбительной») лексики как предмета судебно-лингвистической экспертизы (психолого-лингвистические аспекты) // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. № 4 (12). М.: Наука, 2008. С. 24-28.
11. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург, Омск: издательство Уральского университета, 1999. 8 с.
12. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
13. Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php> (дата обращения: 16.10.2016).
14. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц М.: Наука, 1986. 141 с.
16. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 57. М.: Наука, 1998. 30 с.

ИСТОЧНИКИ:

17. Академик. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 21.12.2016).
18. Саша Чёрный. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/chernyj/all.aspx> (дата обращения: 19.12.2016).

REFERENCES

1. Apresyan YU.D. Pragmatic information for dictionary. Connotations as part of the pragmatics of speech. The image of man according to the language. On language interpretation and semantic primitives. In: *Apresyan YU. D. Izbrannye trudy. T. 2* [Y. Apresyan. Selected works. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1995, pp. 135-154, 156-176, 348-386, 466-483. (in Russ.)
2. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of text: theory and practice]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2007, 592 p. (in Russ.)
3. Baranov A.N. Linguistic studies in criminology. In: *Sudebnaya ekspertiza na rubezhe tysyacheletii: Materialy mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (21-22 maya 2002 g.). V 3-kh chastyakh. CH. 2* [Forensics examinations at the turn of the millennium: proceedings of the interdepartmental scientific-practical conference (21-22 May 2002). In 3 parts. Part 2]. Saratov, Saratovskii yuridicheskii institut MVD Rossii Publ., 2002, pp. 115-118. (in Russ.)
4. Baranov A.N. The nature of the individual speech features in autoriological forensics. In: *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del v usloviyakh chrezvychaynykh situatsii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (18 dekabrya 2002 g.)* [Actual problems of improvement of activity of bodies of Internal Affairs in emergency situations: materials of All-Russian scientific-practical conference (December 18, 2002)]. Chelyabinsk, Chelyabinskii yuridicheskii institut MVD, 2002, pp. 3-4. (in Russ.)
5. Vainrikh X. Linguistics of lying. In: *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 44-88. (in Russ.)
6. *Voprosy sudebno-avtorovedcheskoi diagnosticheskoi ekspertizy* [Issues of forensic autoriological diagnostic examination]. Kiev, RIO MVD USSR Publ., 1984, 132 p. (in Russ.)
7. Galyashina E.I. Conceptual framework of the forensic linguistic examination. In: *Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh. Materialy nauchno-prakticheskogo seminara. CH. 2* [Theory and practice of linguistic analysis of media texts in legal expertise and information disputes. Materials of scientific-practical seminar. Part 2]. Moscow, Galeriya, 2003, pp. 48-64 (in Russ.)
8. Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya. CH. I.* [Elektronnyi resurs]. [Language, memory, image. Linguistics of language existence. Part I. [E-source]]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/112010/20112010-06a.html> (request date 11.01.2017) (in Russ.)
9. Goloshchapova T.I. The methodology of the linguistic examination of the texts containing the advertisement and propaganda of narcotic drugs and psychotropic substances. In: *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. Nauchno-prakticheskii zhurnal* [Theory and practice of forensic examination. Scientific-practical journal]. Moscow, Nauka Publ., 2008, no. 4 (12), pp. 150-152. (in Russ.)
10. Kas'yanyuk T.N., Shipshin S.S. To the question of the invective of standardized options (the "non-offensive") language as an object of forensic-linguistic examination (psycho-linguistic aspects). In: *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. Nauchno-prakticheskii zhurnal* [Theory and practice of forensic examination. Scientific-practical journal]. Moscow, Nauka Publ., 2008, no. 4 (12), pp. 24-28. (in Russ.)
11. Kuz'mina N.A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [The intertext and its role in the processes of poetic language evolution]. Yekaterinburg, Omsk, Ural'skii universitet Publ., 1999, 8 p. (in Russ.)

12. Nikitin M.V. *Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniya: uchebnoe posobie* [The foundations of the linguistic theory of meaning: a tutorial]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988, 168 p. (in Russ.)
13. Rossiiskii federal'nyi tsentr sudebnoi ekspertizy pri Ministerstve yustitsii Rossiiskoi Federatsii. *Lingvisticheskaya ekspertiza* [Elektronnyi resurs]. [Russian Federal centre of judicial examination at Ministry of justice of the Russian Federation. Linguistic expertise [E-source]]. URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php> (request date 16.10.2016) (in Russ.)
14. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. SPb., Nauka Publ., 1993. 152 p. (in Russ.)
15. Teliya V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 141 p. (in Russ.)
16. Fateeva N.A. The typology of the intertextual elements and relationships in the art of speech. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka. T. 57* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series of literature and language. Vol. 57]. Moscow, Nauka Publ., 1998, 30 p. (in Russ.)

SOURCES:

17. *Akademik. Slovari i entsiklopedii* [Elektronnyi resurs]. [Academician. Dictionaries and encyclopedias [E-source]]. URL: <http://dic.academic.ru/> (request date 21.12.2016) (in Russ.)
18. *Sasha CHernyi. Stikhotvoreniya* [Elektronnyi resurs]. [Sasha Cherny. Poems [E-source]]. URL: <http://rupoem.ru/chernyj/all.aspx> (request date 19.12.2016) (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красильникова Пелагея Юрьевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: krasilnikov3@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pelageya Krasilnikova – postgraduate student at the department of the modern Russian Language in Moscow Region State University;
e-mail: krasilnikov3@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Красильникова П.Ю. Методы лингвистической экспертизы в толковании коннотативного содержания зоонимов в текстах Саши Чёрного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 22-30.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-22-30

CORRECT REFERENCE

P. Krasilnikova. Linguistic examinations methods in the interpretation of the connotative content of the zoonyms in Sasha Cherny's lyrics. Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 2, pp. 22-30.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-22-30

УДК 81'22:070

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-31-41

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ЛИТЕРАТУРА» В МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Регушевская И.А., Сегал Н.А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, проспект академика Вернадского, 4,
Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье проводится описание семантико-прагматических особенностей устойчивых конструкций, апеллирующих к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Характеризуется и описывается специфика их функционирования в современных масс-медийных текстах. Делаются выводы относительно использования прецедентных феноменов со сферой-источником «литература». Выявляются ключевые прецедентные единицы (слова, словосочетания, предложения) с анализируемой сферой-источником, формирующие пространство масс-медийных текстов.

Ключевые слова: масс-медийный дискурс, текст, прецедентная ситуация, прецедентный феномен, прецедентная единица.

PRECEDENT UNITS WITH THE SPHERE SOURCE “LITERATURE” IN MASS MEDIA TEXTS (ON MATERIAL OF THE NOVEL BY M. BULGAKOV “THE MASTER AND MARGARITA”)

I. Regushevskaja, N. Segal

*Vernadsky Crimean Federal University
4, Vernadskogo prospekt, Republic of Crimea, Simferopol, Russian Federation, 295007*

Abstract. The article describes semantic-pragmatic features of stable phrases appealing to M. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”. Specifics of their functioning in the modern mass media texts are characterized. Conclusions are drawn concerning the use of case phenomena with the sphere source “literature”. The key precedent units (words, phrases, sentences) with the analyzed sphere source forming space of mass media texts come to light.

Keywords: mass media discourse, text, case situation, case phenomenon, precedent unit.

Разнополярность и разновекторность современных медиатекстов определяет появление новых образных средств, глубоко и полно описывающих действительность посредством языковых единиц, входящих в различные тематические группы. Целью данной статьи является установление особенностей реализации прецедентных единиц со сферой-источником «литература» на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

© И.А. Регушевская, Н.А. Сегал, 2017.

Слова и устойчивые сочетания не только отражают реальную действительность и запечатлевают многообразные явления в сознании людей, но и, по справедливому замечанию А.Д. Васильева, способны при определённых условиях воздействовать на носителей языка, выступая стимуляторами, которые вызывают довольно прогнозируемые реакции» [5, с. 47]. Такая функция языковых единиц наиболее значима именно в масс-медийных текстах, целью которых является формирование у адресата позитивного представления о товаре или услуге (тексты экономического характера), политическом деятеле, партии, организации или государстве (тексты политического характера). Одна из особенностей политического текста заключается в том, что его задачей является формирование не только конструктивного мнения, но и дискредитирующей характеристики политических субъектов и их действий.

Реализуясь в текстах различных типов, исходное значение слова становится источником метафорических значений и может характеризоваться, по определению Г.И. Кустовой, как способ концептуализации некоторой внеязыковой реальности, который «...предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых под эту схему» [6]. Как справедливо отмечают исследователи, в масс-медийных текстах наблюдаются две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление к максимальной свободе и проявлению творческой индивидуальности автора; с другой, – активное использование уже

зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет хотя бы отчасти скрыть авторскую субъективность и соотнести свой текст с существующим [7, с. 5]. Разнообразие проблем и ситуаций, отражённых в газетных текстах, различие прагматических установок журналистов, вариативность читательской интерпретации определяет различие в выборе источников образности. В современном масс-медийном дискурсе одним из наиболее востребованных источников прецедентности является «литература». При апеллировании к художественным произведениям приоритет, как показывает исследование О.С. Боярских, отдаётся произведениям отечественной литературы (66,8 % из общего числа отсылок к художественным произведениям). Такое соотношение является абсолютно обоснованным, поскольку именно отечественная публицистика, моделируя социально-политическую реальность государства, обращена к российскому гражданину, к важным и актуальным для него ценностям.

Исследования подчёркивают, что в современных СМИ наиболее частотными являются обращения к русским художественным текстам и именам их авторов XIX и XX века [2, с. 110]. Исследователь О.В. Беркова отмечает, что «популярные цитаты всегда сохраняют свой первоначальный смысл, и поэтому не возникает трудностей отграничения их от крылатых слов, характеризующихся смысловым сдвигом всей единицы» [1, с. 53]. Анализ показал, что по частотности употребления одну из лидирующих позиций занимают прецедентные феномены, связанные с творчеством М.А. Булгакова. При этом

чаще всего используются конструкции, восходящие к роману «Мастер и Маргарита». Цитаты из романа стали известными афоризмами и не утратили актуальности и в наши дни, а за прецедентными именами закрепились устойчивые коннотации, отражающие особенности современной социально-политической ситуации.

Употребление в заголовке стереотипного, понятного для собеседника изречения является сигналом принадлежности к данному социуму, связи с его культурой и традициями. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», бесспорно, является одним из тех художественных произведений, которые составляют ценный фрагмент языковой и культурной картины мира носителя русского языка. В данной статье рассматриваются крылатые конструкции, источником которых является роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Обратимся к анализу некоторых из них.

Читая заголовок **Нехорошая квартира**, мы вспоминаем события, описанные М. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита» и знаменитую квартиру по адресу ул. Садовая, д. 302-бис, кв. 50, однако в масс-медийном тексте данная конструкция реализуется в значении, которое резко отличается от денотативного. Эффект обманутого ожидания в данном случае возникает при соотнесении заголовка с текстом, если по названию читатель составляет мнение о содержании текста, а дальнейшее изложение опровергает это мнение, то есть речь идёт совсем о другом. Приведём в качестве примера статью под названием **«Нехорошая квартира»: Неизвестные злоумышленники обокрали квартиру**

экс-кандидата на пост президента Франции Сеголен Руаяль ... Согласно сообщению, воры проникли в квартиру Руаяль в парижском пригороде Булонь-Бийянкур в ночь на субботу [21]. Данный газетный заголовок, как и многие другие, выполняет функцию условного рефлекса, это намёк, от которого явление социально-психологического характера или событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании читателя.

Не менее интригующим представляется заголовок **Воланд снова в Москве** [16], предваряющий статью о ЧС в Москве: *загрязнение воздуха сероводородом, концентрация которого превысила допустимую норму в 5-8 раз*. И никакого упоминания о Воланде и его свите, даже никаких скрытых намёков на предтекст в тексте статьи нет. С этой же конструкцией был зафиксирован следующий контекст: **Воланд приехал в Москву – реакция жителей Москвы в социальных сетях на аномальную грозу с громом, ливнем и молниями. Нечто писал, что молнии превращают ночь в день, наверное, Воланд приехал в Москву** [28]. Ассоциативный потенциал прецедентного имени **Воланд** формирует в сознании читателя образ опасной и необъяснимой силы, способной погубить человечество. Парадоксальность освещаемых ситуаций традиционно восходит в сознании журналистов и к другим героям романа М.А. Булгакова: **Живу я тут, починяю примус** [29] – заголовок материала о намерении ономастической комиссии привлечь к ответственности жителя города Уральска Ануарбека Болдакова, назвавшего улицу в свою честь. *Я шоумен, многие меня знают.*

Я же не писал на заборе ничего непристойного, только свою фамилию. Живу я тут!», в оригинале: «**Не шалю, никого не трогаю, починяю примус**» [3, с. 91]. Аналогия возникает не столько на фоне цитирования – налицо частичная трансформация, – сколько на фоне подчёркнутой абсурдности происходящего.

Использование трансформированных конструкций с целью создания эмоционального эффекта является типичным признаком масс-медийных текстов. Подтвердим данный тезис следующими конструкциями: **Конкурс второй свежести** (намекающий на то, что команда победителей, получившая заказ на проектирование и строительство архитектурного комплекса, была выбрана нечестно) [23]; *Далее последовала интересная история статьи о российской демократии под названием «Демократия второй свежести», которую отказалась напечатать центральная газета* [27]. Как видим, авторы статей используют хорошо известную конструкцию **осетрина второй свежести** с частичной её трансформацией: в первом случае замена компонента «осетрина» на компонент «конкурс», во втором случае – замена компонента «осетрина» на компонент «демократия». В рассмотренных примерах изменяется семантический и прагматический потенциал конструкций, при этом сохраняется грамматическая форма её выражения.

Интригующий заголовок **Мужчины третьей свежести** открывает такую статью: **Мужчины второй свежести** ещё могут на что-то претендовать, если они состоялись как личность, и возраст – не единственное их достоинство, а вот мужчинам третьей

свежести пора начинать собирать кораблики в бутылках и донимать детей вопросом, когда те сподобятся родить внучат [24]. Такая трансформация предполагает замену двух компонентов конструкции, при этом её ассоциативный фон остаётся неизменным. Частичную трансформацию наблюдаем в названии торговой марки **Первая Свежесть: Первая Свежесть** – это не только название торговой марки продукции птицефабрики, это основная идея развития компании (elinar-broiler.ru). Сравним с оригиналом **Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя** [3, с. 229]. Автор статьи под названием «Что такое **вторая и третья свежесть**? Как определить фазы свежести?» ссылается на роман М. Булгакова, используя языковую игру: **Свежесть бывает только свежая: свежеиспечённая, свежевыволённая, свежепроизведённая, свежесрезанная и т. д., а не первая, вторая, десятая. Свежесть только свежая, всё остальное вчерашнее, позавчерашнее – старое. Хотя второй свежести можно назвать продукты в супермаркетах после таинственных химико-физических манипуляций над старыми с истёкшими сроками годности пищевыми продуктами. Изменение даты изготовления чудесным образом превращает их в продукт «второй свежести»** [9]. Заголовок **Не последняя первая свежесть** открывает статью о продуктах с истёкшим сроком годности: «Торговые павильоны и супермаркеты дают вторую жизнь несвежему мясу и сыру, «оживляют» колбасу, находят применение просроченным молочным и хлебобулочным продуктам» [26].

В масс-медийных текстах прецедентные единицы нередко использу-

ются в качестве ярких сравнений, как стилистическое средство создания иронии и сарказма: *По мнению политического эксперта Алексея Кузьмина, кадровый резерв партии («Единая Россия») – это осетрина второй свежести* [31]; *Ну и гадость эта ваша заливная рыба – осетрина второй свежести. Осетрина второй свежести – килька Kirula* [25].

Журналист Д. Гронский с иронией говорит о попытке компании Mercedes-Benz обновить хорошо всем известную модель, легенду 90-х, «шестисотый» Mercedes-Benz 600: *Ваши шесть соток второй свежести, как известно, не бывает. Вторая молодость – если постараться* [12].

В некоторых случаях в погоне за броским, ярким заголовком автор, употребляя прецедентный текст, не отдаёт себе отчёта в том, какие ассоциации он может вызвать у той или иной аудитории. Например: *Лидеры второй свежести* (о спортсменах) [10]; *Человеческий материал второй свежести* (аналитический материал о нарушении водителями ПДД и о ДТП) [19]; *Ксенофобия второй свежести* (Число россиян, не ощущающих межнациональной напряжённости в местах своего проживания, достигло минимального значения) [20]; *Христиане второй свежести* (Если мы такие верующие, то почему нам так плохо) [33]; *Переулки второй свежести* (На карте Саратова появилась улица имени Михаила Булгакова) [13]; *О науке второй свежести* (статья о дистанционном образовании) [11]; *Хитрость второй свежести* (Хитрость и обман – одно и то же или разное?) [8]. Таким образом, следует согласиться с тем, что главной функцией образных средств в

публицистике является функция воздействия, а различия между ведущими стилистическими регистрами в значительной степени связаны и со спецификой использования метафор.

Метафора в политическом дискурсе (в отличие от поэтического) всегда апеллирует к фонду общих знаний, создавая у партнёров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата не общепринятые мнения. Например, *Примус не починили* [30] – заголовок статьи, в которой раскрываются особенности взаимоотношений России и Украины. Примус был самым распространённым в прошлом столетии нагревательным прибором. Много ироничных высказываний по поводу этого предмета встречается и в литературе. Так, у Ильфа и Петрова то и дело «... ржал примус и целовались». А «Птибурдуков... мыкался по кухне среди длиннопламенных примусов». В «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова кот Бегемот с примусом практически не расставался и периодически его «починял». Тем же занимался «гусаро-одиночка с мотором» Полесов из «Двенадцати стульев». Примус – «агрегат» простой. Ломаться в нём совершенно нечему. Всё, что могло прийти в негодность, – это «насосик». Но к каждому новому примусу прилагался «шанцевый инструмент» – жестяная спица, в которую был запрессован тонкий проводок. Этим проводком перед каждым запуском примуса полагалось прочищать крохотное отверстие в горелке. Естественно, каждый раз никто такую профилактику с этими агрегатами не проводил. Только изредка чистились закоптелые дырочки. Что же тогда со-

бирался починять в примусе чёрный мордастый кот Бегемот? Неизвестно...

Ярким примером ассоциирования является конструкция **Аннушка масло разлила** [14]: **Аннушка уже пролила масло**. Приглашаем политиков и политологов выразить своё мнение о лидере нации на страницах нашего издания, напротив, трансформация минимальная (ср. с оригинальным текстом: «**Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила**»). Автор статьи использует данную единицу в качестве подтверждения свершившихся и очевидных действий главы государства, что создаёт оптимальные условия для реализации инструментальной и гипотетической функций прецедентного феномена.

Не менее действенным является нейтральное и беспристрастное освещение событий, когда читатель сам должен уловить намёк, подсказкой здесь служит упоминание автора произведения: *В Костанайской области за взятку осуждён районный аким, спрятавший крупную сумму наличности в туалете*. «Взгляд» не обошёл вниманием этот **почти булгаковский сюжет** [15]. В оригинале: «Запершись у себя в уборной на крючок, он вытащил из портфеля пачку, навязанную переводчиком, и убедился в том, что в ней четыреста рублей. Эту пачку Никанор Иванович завернул в обрывок газеты и засунул в вентиляционный ход».

Прецедентные феномены обычно выполняют не столько номинативно-информативную, сколько рекламно-экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию. Примером этого служат особенности реализации конструкции **рукописи не горят**: Однако

с «Жизнью и судьбой» произошла классическая история в стиле **«рукописи не горят»**: в 1970-е, уже после смерти Гроссмана, чудом сохранившийся вариант был переправлен на Запад [18]; ЖЭК отреагировал обостренно – выкрасил стены тёмно-зелёной краской, похоронив «граффити» начала 80-х. **«Рукописи не горят!»** – последовал ответ полуметровыми красными буквами у самого входа [22]; **Но если рукописи не горят, то кино, увы, стареет** [17]; **«Рукописи не горят»** и документы уголовных дел по ЕЭСУ – тоже. Тимошенко может быть отправлена в отставку уже во вторник [32]. В современных газетных заголовках цитаты чаще встречаются в трансформированном виде: трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны. Включение таких единиц способствует диалогизации текста и эксплицитно или имплицитно выражает оценку: **В центре Москвы «по-булгаковски» ограблен банк...** Ограбление произошло возле дома № 7 в Ермолаевском переулке недалеко от Патриарших прудов. По предварительной информации, было совершено вооружённое нападение на банк, во время которого сработала кнопка «тревожной сигнализации». Преступники расстреляли четверых охранников, двое из которых скончались на месте», – рассказал другой сотрудник милиции. Наконец, по третьей версии, банк никто не собирался грабить: просто рядом с ним произошла очередная разборка между преступными группировками. Где здесь истина, сказать пока трудно. Ясно только, что вечерние события в столице заставляют вспомнить легендарный роман Булга-

кова «Мастер и Маргарита» (utro.ru, 14.08.11).

Таким образом, чтобы разбудить у адресата доверительные чувства, журналисту достаточно опоры на структуру крылатого выражения, так как формальное сходство вызывает необходимые ассоциации, подсказывает воспринимающему исходный вариант прецедентного текста. В этом случае прецедентный текст повышает выразительность заголовка, наполняет его новыми смысловыми оттенками.

Функционально-прагматические особенности прецедентных текстов в современной публицистике в значительной степени зависят от целей авторов. Проанализированный нами материал свидетельствует, что чаще всего прецедентные феномены используются для пародирования атрибутов современной реальности, при

этом активно используется их прагматический, парольный, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности. Многие из названных функций основываются на оценочности и противоречивости прямого и переносного смыслов слов, входящих в состав трансформированного прецедентного текста. Отмеченные прецедентные феномены отражают переосмысление массовой культурой вечных ценностей, авторитетов, эталонов в угоду сиюминутным значимостям. Сталкивая в рамках одного субтекста ценности классической и популярной культуры, современные авторы газетных текстов акцентируют внимание на поверхностности понимания первых и отсутствии глубины вторых.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беркова О.В. Крылатые слова и проблема их лексикографирования: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 161 с.
2. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ. Нижний Тагил, 2008. 238 с.
3. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология, 2007. № 1. С. 19-35.
4. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. СПб.: АСТ, Астрель, 2015. 416 с.
5. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск: Флинта, 2000. 224 с.
6. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, 2000. № 4. С. 85-109.
7. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. 313 с.

ИСТОЧНИКИ:

8. Батратчикова Н. В. Психологи. Хитрость второй свежести [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/hitrost/> (дата обращения 26.09.2016).
9. Бывает вторая свежесть и третья [Электронный ресурс]. URL: <http://goroda96.ru/index.php?task=new.view&id=13631> (дата обращения 24.08.2014).
10. Вайцеховская Е. Лидеры второй свежести // СпортЭкспресс. 2011. 3 дек.
11. Герасимов Г. А. О науке второй свежести // Клиническая тиреодиология, № 2, 2010. С. 11.

12. Гронский Д. Ваши шесть соток // Автопилот. 2002. 15 окт.
13. Гурский Л. Переулки второй свежести // Вести Саратов. 2016. 12 нояб.
14. Дабб Д. Дело Мастера боится // Взгляд. 2011. 18 сент.
15. Дабб Д. Зла хватает // Взгляд. 2010. 23 сент.
16. Жданович Р. Воланд снова в Москве // Новый Петербург. 2014. 21 дек.
17. Кара Ю. Рукописи не горят, а кино, увы, стареет // Труд-7. 2008. 3 окт.
18. Кацев А. Рукописи не горят, или Не сломленный жизнью Виктор Гроссман // Еврейский мир. 2014. 04 янв.
19. Кочетков А. Человеческий материал второй свежести // Хвиля. 2016. 8 марта.
20. Ксенофобия второй свежести [Электронный ресурс] // Левада Центр [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/ksenofobiya-vtoroj-svezhesti/> (дата обращения 11.10.2016).
21. Куликов В. Нехорошая квартира // Российская газета. 2013. 16 мая.
22. Макаров Р. Не хрюкать, душа гуляет // Общая газета. 1997. 27 марта – 4 апреля.
23. Мельникова И. Конкурс второй свежести // Итоги. 2002. 12 нояб.
24. Мужчины третьей свежести [Электронный ресурс]. URL: <http://inamora.livejournal.com/258882.html> (дата обращения 17.09.2016).
25. Наши дети: Подростки [Электронный ресурс] // URL: <http://www.eva.ru/static/forums> (дата обращения 12.05.2015).
26. Не последняя первая свежесть [Электронный ресурс] // Сахалинский областной центр медицинской профилактики [сайт]. URL: http://socmp.ru/stati/article_post/ne-poslednyaya-pervaya-svezhest... (дата обращения 04.08.2014).
27. Подрабинец А. Демократия второй свежести [Электронный ресурс]. URL: <http://www.democrasy.ru/article.php?id=2145> (дата обращения 25.05.2012).
28. Пятницкая С., Титко А. Воланд приехал в Москву // Комсомольская правда. 2016. 13 июля.
29. Радзиховский Л. Живу я тут, починаю примус // Взгляд. 2010. 15 янв.
30. Ресурсная Федерация [Электронный ресурс]. URL: <http://resfed.com/article-413> (дата обращения: 15.01.2016).
31. Садчиков А. Трения в берлогах (2003) // «Известия», 2003. 10 марта.
32. Стешенко А. Тимошенко готовят судьбу Лазаренко [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2008/06/20/495869.html> (дата обращения 12.09.2016).
33. Ткаченко А. Христиане второй свежести // Православие, 2015. 26 окт.

REFERENCES

1. Berkova O.V. *Krylatye slova i problema ikh leksikografirovaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Idiomatic words and the problem of their lexicography: thesis of candidate of Philological sciences]. Leningrad, 1991, 161 p. (In Russ.)
2. Boyarskikh O.S. *Pretsedentnye fenomeny so sferoi-istochnikom «Literatura» v diskurse rossiiskikh pechatnykh SMI* [Precedent phenomena with the sphere-source “Literature” in the discourse of Russian print media]. Nizhny Tagil, 2008, 238 p. (In Russ.)
3. Budaev E.V. The formation of the cognitive theory of metaphor. In: *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. 2007, no. 1, pp. 19-35. (In Russ.)
4. Bulgakov M.A. *Master i Margarita: roman* [The Master and Margarita: a novel]. Saint-Petersburg, AST, Astrel' Publ., 2015, 416 p. (In Russ.)
5. Vasil'ev A.D. *Slovo v telefire: ocherki noveishego slovoupotrebleniya v rossiiskom televeshchanii* [The word on television: essays on the latest usage in the Russian television]. Krasnoyarsk, Flinta Publ., 2000, 224 p. (In Russ.)

6. Kustova G.I. Cognitive models in semantic derivation and system of derived meanings. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics]. 2000, no. 4, pp. 85-109. (In Russ.)
7. Nakhimova E.A. *Pretsedentnye onimy v sovremennoi rossiiskoi massovoi kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya: monografiya* [Precedent onyms in the modern Russian mass communication: theory and methods of cognitive-discursive research: monograph]. Ekaterinburg, GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t» Publ., 2011, 313 p. (In Russ.)

SOURCES

8. Batratchikova N. V. *Psikhologi. KHitrost' vtoroi svezhesti [Elektronnyi resurs]* [Psychologists. The trick of the second freshness [E-source]]. URL: <https://www.b17.ru/article/hitrost/> (request date 26.09.2016) (In Russ.)
9. *Byvaet vtoraya svezhest' i tret'ya* [Elektronnyi resurs]. [Freshness could be the second and the third [E-source]]. URL: <http://goroda96.ru/index.php?task=new.view&id=13631> (request date 24.08.2014) (In Russ.)
10. Vaitsekhovskaya E. *Lidery vtoroi svezhesti* (The leaders of the second freshness). In: *SportEkspress*, 2011, December.
11. Gerasimov G. A. *O nauke vtoroi svezhesti* [On science of the second freshness]. In: *Klinicheskaya tireodiologiya* [Clinical tireodeology]. 2010. no. 2. p. 11.
12. Gronskii D. *Vashi shest' sotok* (Your six acres). In: *Avtopilot*, 2002, 15 Oct.
13. Gurskii L. *Pereulki vtoroi svezhesti* [The lanes of the second freshness]. In: *Vesti Saratov* [Saratov News], 2016, 12 Nov.
14. Dabb D. *Delo Mastera boitsya* [Practice makes perfect]. In: *Vzglyad* [View], 2011, 18 Sep.
15. Dabb D. *Zla khvataet* (It's enough evil) In: *Vzglyad* [View], 2010, 23 Sep.
16. Zhdanovich R. *Voland snova v Moskve* [Woland is in Moscow again]. In: *Novyi Peterburg* [New Petersburg], 2014, 21 Dec.
17. Kara YU. *Rukopisi ne goryat, a kino, uvy, stareet* [Manuscripts don't burn, and cinema, alas, grows old]. In: *Trud-7* [Work-7], 2008, 3 Oct.
18. Katsev A. *Rukopisi ne goryat, ili Ne slomlenniy zhizn'yu Viktor Grossman* [Manuscripts don't burn, or unbroken by life Viktor Grossman]. In: *Evreiskii mir* [Jewish world], 2014, 4 Jan.
19. Kochetkov A. *Chelovecheskii material vtoroi svezhesti* [The human material of the second freshness]. In: *Khvilya*, 2016, March 8.
20. Kulikov V. *Nekhoroshaya kvartira* (Bad apartment). In: *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2013, May 16.
21. *Xenofobiya vtoroi svezhesti* [Elektronnyi resurs] [Xenophobia of the second freshness [E-source]] In: Levada Center [website]]. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/ksenofobiya-vtoroj-svezhesti/> (request date 11.10.2016).
22. Makarov R. *Ne khryukat', dusha gulyaet* [Don't grunt, the soul is having fun]. In: *Obshchaya gazeta* [Obshchaya Newspaper], 1997. March 27th – April 8th.
23. Mel'nikova I. *Konkurs vtoroi svezhesti* [The contest of the second freshness]. In: *Itogi* [Results], 2002, 12 Nov.
24. *Muzhchiny tret'ei svezhesti* [Elektronnyi resurs] [Men of third freshness [E-source]] In: *Blog pol'zovatelya Inamora v Zhivom Zhurnale* [sait] [Blog of user Inamora in LiveJournal [website]]. URL: <http://inamora.livejournal.com/258882.html> (request date 17.09.2016)
25. *Nashi deti: Podrostki* [Elektronnyi resurs] [Our children: Adolescents [E-source]] In: *Forums Eva.ru* [website]. URL: <http://www.eva.ru/static/forums> (request date 12.05.2015)
26. *Ne poslednyaya pervaya svezhest'* [Elektronnyi resurs] [Not the last first freshness [E-source]]. In: Sakhalin regional center of medical prevention [website]]. URL: http://socmp.ru/stati/article_post/ne-poslednyaya-pervaya-svezhest. (request date 04.08.2014)

27. Podrabinek A. Demokratiya второй svezhesti [Elektronnyi resurs]. [Democracy of the second freshness [E-source]]. URL: <http://www.democracy.ru/article.php?id=2145> (request date 25.05.2012)
28. Pyatnitskaya S., Titko A. Voland priekhal v Moskvu (Woland came to Moscow). In: *Komsomol'skaya pravda*, 2016, 13 Jul.
29. Radzikhovskii L. Zhivu ya tut, pochinyayu primus [I live here, mending the primus stove]. In: *Vzglyad* [Opinion], 2010, 15 Jan.
30. *Resursnaya Federatsiya* [Elektronnyi resurs] [The resource Federation [E-source]]. URL: <http://resfed.com/article-413> (request date 15.01.2016)
31. Sadchikov A. Treniya v berlogakh [Dispute in lairs]. In: *Izvestiya* [News], 2003, 10 March.
32. Steshenko A. Timoshenko gotovyat sud'bu Lazarenko [Elektronnyi resurs] [Tymoshenko is being prepared for fate of Lazarenko [E-source]]. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2008/06/20/495869.html> (request date 12.09 2016)
33. Tkachenko A. Khristiane второй svezhesti [Christians of the second freshness] In: *Pravoslavie* [Orthodoxy], 2015, 26 Oct.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;
e-mail: Natasha-segal@mail.ru

Регушевская Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;
e-mail: ree0505891025@mail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya Segal – candidate of Philological Sciences, the associate professor, the associate professor at the departments of the Russian, Slavic and general linguistics of the Vernadsky Crimean federal university;
e-mail: Natasha-segal@mail.ru

Irina Regushevskaya – candidate of Philological Sciences, the associate professor at the departments of of interlingual communications and journalism of Vernadsky Crimean federal university;
e-mail: ree0505891025@mail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Регушевская И.А., Сегал Н.А. Прецедентные единицы со сферой-источником «литература» в масс-медийных текстах (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 31-41.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-31-41

CORRECT REFERENCE

I. Regushevskaya, N. Segal. Precedent units with the sphere source “literature” in mass media texts (on material of the novel by M. Bulgakov “The Master and Margarita”). Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 2, pp. 31-41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-31-41

УДК - 81-112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-42-47

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ВЫЯВЛЕНИЮ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Роговская А.И.*Военный университет Министерства обороны РФ**111033, Москва, Волочаевская улица, д. 3/4, Российская Федерация*

Аннотация: В статье представлен один из этапов подготовки лингвистического диагностирования межэтнической напряжённости методом свободного ассоциативного эксперимента среди инофонов, проходящих обучение на территории РФ и изучающих русский язык в условиях полиэтнического коллектива. Акцентируется внимание на том факте, что своевременное выявление проблем и конфликтов в полиэтническом коллективе, результатом которых может являться снижение желания понять и принять другие культуры, предлагается рассматривать как превентивный способ обеспечения лингвистической безопасности.

Ключевые слова: инофон, образ мира, языковое сознание, параметрический, признаковый, прототипичный, ситуационный, ассоциативный подходы.

TO THE QUESTION OF THE LINGUISTIC APPROACH TO THE IDENTIFICATION OF THE REPRESENTATION OF THE PICTURE OF THE WORLD IN THE INDIVIDUAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

A. Rogovskaya*Military University of the Ministry of defense of Russian Federation**3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, Russian Federation, 111033*

Abstract. The article presents one of the stages of preparation of the linguistic diagnostics of ethnic tensions by the method of free associative experiment among the foreign students studying in Russia and studying Russian language in a multi-ethnic team. The article focuses on the fact that timely detection of problems and conflicts in polyethnic group, which may be a decrease in the desire to understand and accept other cultures, have been suggested as a preventive method of ensuring linguistic security.

Keywords: foreign students, image of the world, linguistic consciousness, parametric, feature, prototypical, situational, associative approaches.

Значение слова как составляющей индивидуального сознания активного изучается с позиций параметрического, признакового, прототипичного, ситуационного и ассоциативного подходов. Разноплановость позиций к изучению данного факта действительности свидетельствует об отсутствии единого кон-

цептуального направления в исследовании этого явления, специфика которого до настоящего времени не выявлена. Все перечисленные подходы анализируют значение слова применительно к сознанию носителя языка, что составляет их общую характеристику. Отличительные показатели подходов состоят в выборе аспекта в значении, который составляет предмет изучения.

В параметрическом подходе предметом анализа (Ч. Огсуд, Е.Ю. Мягкова, В.Ф. Петренко, Е.Н. Колодкина и др.) является коннотативная составляющая значения, которая, как отмечается Ч. Огсудом, описывается через 3 параметра: оценки, силы и активности, посредством метода факторного анализа (1957).

Использование этого подхода к исследованию позволило вычленить формы существования значений в сознании индивида (образы, понятия, символы), содержащие только эмоционально-оценочный компонент [8, с. 78]. При изучении психологической структуры значения слова на основе параметрического подхода исследователями были выявлены семантические нормы носителей языка, посредством которых в сознании кодируются параметры конкретности, образности и эмоциональности [3]. Иными словами, исследования значения слова как способа репрезентации схематизации мира в сознании носителя языка с позиции параметрического подхода позволяет вычленить способы категоризации эмоционального компонента в организации семантического пространства, оставляя вне поля исследования ядерные компонентные схематизации.

Признаковый подход в современной лингвистике акцентирует внима-

ние на наборе признаков, которые характеризуют образ, ассоциируемый со словесным значением. Однако набор признаков вычленяется исследователями с позиции различных оснований и, соответственно, изменяется в произвольном диапазоне, что не позволяет выявить константной доминанты схематизации в сознании, выражающейся через признание значения в соответствии с развитым у индивидов видом памяти [9, с. 227]. Применение признакового подхода позволяет вычленить отдельные параметры схематизации в основном, как отмечается Л. Барсалоу (1992), составляющие понятийный аспект значения, тогда как эмоционально-оценочные компоненты, характерные для структуры значения, исключаются из анализа. Иными словами, данный подход позволяет только частично реконструировать схематизацию мира, закреплённый в сознании носителя языка на основе индивидуально маркированных признаков, из которых исследователь «отбирает» некую совокупность, основываясь на произвольно составленный перечень признаков, не соотносимых с базовыми компонентами схематизации и включающими эмоционально-оценочный компонент значения, посредством которого в индивидуальном сознании кодируется нормативно-оценочный фактор образа культуры конкретного национального и этнического коллектива.

С позиции прототипного подхода (Э. Рош, Лакоф, Тэйлор и др.) вычленяются типичные сочетания признаков и степень их значимости в схематизации мира, на основании которых носителем языка осуществляется категоризация воспринимаемых образов в

понятийном аппарате. Использование данного подхода наиболее широко представлено в исследованиях Э. Рош (1978), результаты которых экспериментально подтвердили гипотезу, согласно которой индивидуальные оценки носителей языка категориальных (типичных) характеристик понятий не соответствуют действительным прототипам (внутренней структуре) схемообразов предметов, представленных в ментальной репрезентации.

Ситуационный (событийный) подход выходит за пределы анализа значения изолированного слова как отражения составляющей схемообразов, используя как основу анализа положение, согласно которому значение слова для носителя языка реализуется только в контексте. В соответствии с такой трактовкой единица анализа принимается не значением слова, а более крупное образование – фрейм, пропозиция, схема, сценарий (Н. Минский, Солсо, Шабес и др.). В каждом из этих объединений вычленяются более мелкие единицы, которые представляют значения слов, объединённые в ассоциации, наборы признаков и т. д. Выход за пределы анализа языкового значения изменяет и предмет изучения, в качестве которого в ситуационном подходе выступают не компоненты, выражающие схемообразов образа мира в индивидуальном сознании, а способ репрезентации знаний о мире, представленных в индивидуальном опыте как схема значений, объединяемых по признакам ассоциации, общности, типичности сем и т. д. При таком подходе репрезентативность образа мира перерастает, как отмечает А.А. Леонтьевым, в неразрывную связь предметного значения с вербальным, исчезая из

поля исследования, акцент переносится на изучение способов репрезентации в сознании знаний о мире (энциклопедических знаний), т.е. картины мира, выработанной в национально-культурной общности [6, с. 268-278].

Ассоциативный подход основывается на положении, согласно которому когнитивная организация индивидуального опыта, включающего схемообразов образа мира, выявляется через ассоциативные связи слова (Дж. Дриз, У. Аусфилд, Дж. Киш, Караулов и др.).

Ассоциативные воспроизведения значений позволяют выявить категориальные значения схемообразов, репрезентирующих образ мира в индивидуальном опыте посредством объединения значений в семантически или тематически связанные группы. Как отмечается А.А. Леонтьевым, факторы, выявленные методом ассоциативного воспроизведения соотносятся с семантическими компонентами слов, что служит доказательством «единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [там же].

Проведённый анализ подходов к исследованию способов лингвистической репрезентологии схемообразов образа мира индивидуального сознания носителя языка свидетельствует о том, что наиболее адекватным методом выявления способов репрезентации схемообразов образа мира в сознании носителя языка как члена определённой национально-культурной общности является ассоциативный подход, основанный на выявленной в психолингвистике общности семантических и ассоциативных характеристик слова.

Двойная функция значения, по определению А.А. Леонтьева, состоит

в том, что является одновременно объектом общественного сознания и в то же время способом индивидуального осознания внеязыковой действительности [5, с. 8-9].

В теории разграничения значения и личностного смысла, созданной А.С. Выготским и разработанной А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией, А.А. Леонтьевым и др., значение слова отражает объективно существующий предмет реальной действительности. «Человек находит уже готовую, исторических сложившуюся систему значений и присваивает её в процессе формирования индивидуального опыта, в результате в сознании индивида формируется соотносённость между предметом социокультурной действительности и значением слова. Однако, как отмечал А.Р. Лурия, помимо предметной соотносённости, слово (его значение) выполняет функцию «выделения отдельных признаков в предмете, обобщения их и введение предмета в известную категорию... Это даёт основание для того, чтобы слово становилось основой обобщения (и тем самым орудием мышления) и средством общения» [7].

Применительно к нашему исследованию трактовка значения в отечественной психолингвистике и его отличие от личностного смысла позволяет сделать следующее заключение.

Как объект общественного сознания значения могут быть соотносены с картиной мира; как составляющая индивидуального сознания – значение суть схемообраз образа мира, вызывающий у индивида эмоционально-оценочное отношение, т. е. личностный смысл (в терминах А.Н. Леонтьева). И с этих позиций эмоционально-кон-

нотативный компонент значения является лингвистическим коррелятом личностного смысла в его трактовке А.Н. Леонтьевым.

Таким образом, индивид через значения слов конкретного языка усваивает национально-культурные составляющие картины мира языковой общности и в то же время формирует личностное отношение к ним, выражаемое в коннотативном значении слов общенационального языка. Успешность межличностного общения, как отмечается А.А. Залевской, обуславливается соотносением индивидуальных картин мира [2, с. 68-69].

В условиях увеличения международной напряжённости, вызванной усилением влияния России на изменение геополитической ситуации изучение индивидуального сознания инофонов посредством свободного ассоциативного эксперимента может рассматриваться как превентивный способ обеспечения лингвистической (или языковой) безопасности, проблема которой «связана не только с самоидентификацией народов, населяющих её территорию, но и с ближайшими соседями по бывшему советскому пространству» [1, с. 69]. Это обуславливается тем, что в странах ближнего зарубежья вот уже более двадцати лет проводится целенаправленная политика по сокращению использования русского языка в сферах государственной политики, экономики, науки, образования и культуры. Достаточно быстрый процесс выживания русского информационного пространства в этих странах может привести к уничтожению многовековых языковых традиций и культуры общества и международных связей [там же].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грицко М.И. Идеи и идеалы. Т. 1. 2011. № 3 (9). С. 63-72.
2. Залевская А.А. Слово как опорный элемент сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание», Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г., М.: Институт языкознания АН СССР, Москва, 1988.
3. Колодкина Е.Н. Оценка и эмоциональность в психологической структуре значения слова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования, Тверь: ТГУ, 1991. С. 89-93.
4. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект / пер. с англ. и нем. М., 1996. С. 143–184.
5. Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 5-20.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997. С. 268-278.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 416 с.
8. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учебное пособие. Смоленск: СГУ, 1997. 400 с.
9. Солсо Р. Л. Когнитивная психология / пер. с англ. М.: Тривола, 1996. 600 с.

REFERENCES

1. Gritsko M.I. *Idei i idealy. T. 1* [Ideas and ideals. Vol. 1]. 2011, no. 3 (9), pp. 63-72. (in Russ.)
2. Zalevskaya A.A. The word as the basic element of consciousness. In: *Tezisy IX Vsesoyuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. "YAzykovoe soznanie"*, Moskva, 30 maya – 2-e iyunya 1988 g. [Proceedings of 9th All-Union Symposium on psycholinguistics and theory of communication. "Linguistic consciousness", Moscow, 30 may – 2 June 1988]. M., Institut yazykoznaniya AN SSSR Publ., Moskva, 1988. (in Russ.)
3. Kolodkina E.H. Assessment and emotionality in the psychological structure of the meaning of a word. In: *Problemy semantiki: psikholingvisticheskie issledovaniya* [Problems of semantics: a psycholinguistic study]. Tver, TGU Publ., 1991. pp. 89-93. (in Russ.)
4. Lakoff Dzh. Cognitive semantics. In: *Yazyk i intellekt* [Language and intelligence] / Transl. from English. and German. M., 1996. pp. 143-184. (in Russ.)
5. Leont'ev A.A. Forms of existence of meaning. In: *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. M., Nauka Publ., 1983. pp. 5-20. (in Russ.)
6. Leont'ev A.A. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics] Moscow, 1997, pp. 268-278. (in Russ.)
7. Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and mind]. Rostov n/D., Feniks, Publ., 1998, 416 p. (in Russ.)
8. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki: uchebnoe posobie* [Basics of psychosemantics: a textbook]. Smolensk, SGU Publ., 1997, 400 p. (In Russ.)
9. Solso R. L. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. M., Trivola Publ., 1996, 600 p. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роговская Александра Ивановна – адъюнкт кафедры языкознания и литературы Военного университета Министерства обороны РФ;
e-mail: rogovskaya72@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra Rogovskaya – associate Professor at the department of linguistics and literature of the Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation; e-mail: rogovskaya72@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Роговская А.И. К вопросу о лингвистическом подходе к выявлению репрезентации картины мира в индивидуальном языковом сознании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 42-47.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-42-47

CORRECT REFERENCE

A. Rogovskaya. To the question of the linguistic approach to the identification of the representation of the picture of the world in the individual linguistic consciousness. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 42-47.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-42-47

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-48-57

ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВЕСНЫХ РЯДОВ, ВКЛЮЧАЮЩИХ СОЧЕТАНИЯ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ОГРАНИЧЕНИЯ)*

Рыкин Е.Ю.*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена особенностям выражения категории оценки в древнерусском тексте. В статье показаны закономерности организации словесного ряда, в состав которого входят специальные оценочные конструкции – сочетания с творительным падежом ограничения. Также автор статьи рассматривает особенности употребления данных сочетаний в текстах, написанных в стиле «плетение словес». На материале отрывков из произведений Епифания Премудрого и Нифонта показаны некоторые закономерности организации текста с помощью сочетаний с творительным ограничением.

Ключевые слова: сочетания с творительным ограничением, словесный ряд, эвалюативный словесный ряд, «плетение словес».

THE EXPRESSION OF EVALUATION IN THE ANCIENT TEXT (ON THE MATERIAL OF VERBAL ROWS THAT CONTAIN COMBINATIONS WITH THE INSTRUMENTAL CASE)

E. Rykin*Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University
87 Gorky St., Vladimir, Russian Federation, 600000*

Abstract. The article is devoted to peculiarities of expression of the category of evaluation in the ancient text. The article shows the patterns of organization of verbal rows, which are composed of a special assessment phrases – combinations that contain the instrumental case restriction. Also the author of the article considers the peculiarities of using data combinations in texts written in the style of “weaving of words”. On the material of excerpts from the works of Epiphanius the Wise and Nifont, some regularities of the organization of the text with the help of instrumental case phrases are shown.

Keywords: combination with the instrumental case, verbal row, evaluative verbal row, “the weaving of words”.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 a1

© Рыкин Е.Ю., 2017.

В нашей статье мы проанализируем особенности выражения оценочно-го значения на материале словесных рядов, в состав которых входят специальные оценочные единицы – сочетания с творительным падежом ограничения. Данные конструкции представляют собой устойчивые сочетания (синкретемы, по терминологии М.В. Пименовой), состоящие из главного компонента – слова со значением качественного признака и зависимого компонента – существительного в форме творительного падежа.

Термин *словесный ряд* первым стал разрабатывать в своих трудах В.В. Виноградов, который считал одной из главных функций словесных рядов организацию композиции текста. В.В. Виноградов писал: «Проблемы грамматического строения произведения тесно связывались с общими задачами изучения композиции как системы динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» [18, с. 48]. А.И. Горшков рассматривал словесный ряд как «последовательность языковых единиц разных ярусов, объединённых композиционной ролью и соотнесённостью с определённой сферой языкового употребления или с определённым приёмом построения текста» [19, с. 5]. Компонентами словесного ряда могут быть слова, словосочетания, различные формы и типы речи.

Необходимо отметить, что в древнерусском тексте используются преимущественно описательные словесные ряды, основанные на перечислении признаков. Компонентами словесного ряда в данном случае выступают синкретемы, связанные между собой соединительной связью или

с помощью бессоюзного способа, что является свидетельством паратаксической системы построения предложений и всего древнерусского текста. Смысловая связь между синтагмами образуется путём подчинения перечисляемых синкретом одному определяемому слову, которое, таким образом, является центром высказывания.

Сочетания с творительным падежом ограничения являются компонентами эвалюативного словесного ряда, который рассматривается как «оценочный, законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, выражающий оценочное значение» [26, с. 24]. В числе компонентов словесного ряда может быть только одно сочетание с творительным падежом ограничения, например: *Бъ же Мстислав дѣбель тѣломъ, чермъномъ лицемъ, великома очима, храбр на рати...* [10, с. 164]. *Таковѣмъ убо братамъ суцимъ царевѣмъ и в злыхъ прѣвѣньствовавашиаго, иже сродствомъ бѣ прѣвѣый, скоплень сий издалеча дѣтотворные уди, человекъ злодела-тель, нравомъ лукав, скверноумен...* [7, с. 310].

В большинстве случаев в состав словесного ряда входит несколько сочетаний с творительным падежом ограничения. Как правило, подобные сочетания в словесном ряду имеют одинаковую или похожую структуру. Например, в представленных ниже предложениях компонентами сочетаний с творительным ограничением являются причастие, образованное от глагола конкретного действия, и абстрактное существительное в творительном падеже: *Ты правдою бѣ облечен, крепостию препоясан, истиною обуть, смысломъ вѣнчанъ и*

милостынею яко гривною и утварю златою красуюся [16, с. 52] ...Но суть **цѣломудриемъ оболчени и правдою поясани, смѣрzeniem украшени** [12, с. 180]. В данных предложениях конкретные признаки, выраженные причастиями, характеризуют абстрактные понятия *правда, крепость, истина, смысл, цѣломудрие, смѣрzenie*. Компоненты представленных словесных рядов являются иносказанием, которое, с точки зрения М.В. Пименовой, происходит с помощью ввода абстрактного понятия в конкретное действие» [27, с. 257].

Сочетания с творительным ограничением, входящие в состав словесного ряда, могут противопоставляться друг другу по разным основаниям (противопоставление, как правило, выражено с помощью союзов *а* и *но*, а также с помощью частицы *же*), наиболее часто противопоставляются телесная и духовная сферы человека. Приведём примеры: *Еще бо ему сущу младу и юну тѣлом, но совершенно добродетелию, пятинадесять лѣтъ, возлюби иноческий чин* [2, с. 358]. *Буди пониженъ главою, высокъ же умом, очи имѣя в земли, умънеи же в небеси* [6, с. 138]. *К сему прииде блаженный Феодосие, младъ сый възрастомъ, разумом же старъ* [8, с. 458]. *Азъ бо одѣнием оскуден есмь, но разумом обилен* [13, с. 278]. В представленных контекстах объектами противопоставления являются *тѣло* и *душа*, *глава* и *ум*, *възраст* и *разум*, *одѣяние* и *разум*. Следует отметить, что первые компоненты данных оппозиций относятся к внешней, телесной сфере человека, а противопоставленные им компоненты имеют отношение к внутреннему миру человека.

Оценочные признаки, выраженные сочетаниями с творительным ограничением, могут сопоставляться друг с другом, например: *Бяху бо обри тѣлом велицъ, а умом горди* [10, с. 30]. *Изыдетъ на дѣсныя страны Седмохолмаго и обряцете челоуѣка <...> взором остра, разумом же кротка, среднѣго верстою* [11, с. 264]. Какая-либо причинно-следственная связь между оценочными сочетаниями может и не присутствовать: *Уже бо видѣ его преподобный Корнилий такового мужа скорбна сердцемъ и дряхла лицемъ* [2, с. 362]. *Яко же сей крѣпкый умомъ и терпеливый душею блаженный и христоролюбивый великий князь Михайло Ярославич свое царство, уметы вмѣнив, остави* [3, с. 68]. *Бѣ же Ростислав мужъ добр на рать, възрастом же лѣтъ и красен лицемъ, милостивъ убогим* [10, с. 180].

В некоторых случаях то или иное сочетание с творительным ограничением выражает более общее основание оценки по сравнению с остальными сочетаниями в составе словесного ряда, что закреплено позиционно – данное сочетание либо начинается словесный ряд, либо его заканчивает. Например, в предложении «*Бѣ бо се князь лицем красенъ, очима светель, взором грозенъ, паче меры храборъ, сердцемъ же легокъ*» [9, с. 170] основание оценки первого сочетания *лицемъ красенъ* (лице) является более общим по отношению к последующим двум. Напротив, в предложении *Бѣше бо кроток нравѣм, и тих смыслѣм, и прост умѣм, и духовныя вся мудрости исполнен* [5, с. 330] общее значение по сравнению с остальными имеет последняя конструкция, находящаяся в конце словесного ряда, – *духовныя вся мудрости исполнен*.

Отметим, что в одном контексте в составе словесного ряда могут использоваться сочетания с творительным ограничением, выражающие разные типы оценок. Например, в предложении «**Красень бѣ взором и чистѣ душою, съврѣшенѣ разумомѣ**» [14, с. 222] употребляются сочетания с эстетическим (*красень взором*), этическим (*чистѣ душою*) и интеллектуальным (*съврѣшенѣ разумомѣ*) основаниями оценки. В «Повести временных лет» при характеристике Изяслава используются конструкции с творительным ограничением, выражающие эстетическую и этическую оценки: *Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красен, тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, кривды не навидя, любя правду* [10, с. 214].

Необходимо отметить, что большое количество сочетаний с творительным ограничением в составе одного словесного ряда мы можем наблюдать в текстах, написанных в стиле «плетение словес».

Основы понимания данного стиля заложена в трудах Д.С. Лихачёва [21, с. 111-129] и С. Матхаузеровой [24, с. 85-90]. По наблюдениям Д.С. Лихачёва, стиль «плетение словес» основан на очень внимательном отношении к звуковой и семантической сторонам слова, а также к его этимологии [22, с. 463]. Определением «плетение словес», как отмечает В.Д. Петрова, принято объединять жития и похвальные слова [25, с. 3]. Хронологически появление стиля «плетение словес» принято относить к концу XIV – нач. XV вв. Наиболее типичным писателем для данного периода, с точки зрения Д.С. Лихачёва, был Епифаний Премудрый. О.П. Лопутько считает, что организующая роль в стиле «плетение

словес» закреплена за повторением в самом широком смысле этого слова [23, с. 193]. Исследователи выделяют следующие лингвистические особенности данного стиля: ритмизация текста, метафоричность, использование метафор, сравнений, эпитетов [17], наличие матричных построений [29, с. 99-112], наличие триад [20, с. 193, 209, 228-229].

Триада, образованная тремя сочетаниями с творительным ограничением, встречается в предложении *Он же, крѣпкий душою, твёрдый верою, смиренный умомъ...* [4, с. 326]. О наличии триады свидетельствует одинаковое построение данных единиц: вслед за полным прилагательным идёт существительное в форме творительного падежа. Кроме того, признак градуируется от сверхъестественного к повседневному (*душа – вера – ум*), а семантическая градация признака, с точки зрения В.В. Колесова, является основным принципом организации триады.

Интересным с точки зрения организации словесного ряда является контекст, речь в котором идёт о церкви, построенной отцом Стефаном: *Не того же ради, имиже чловѣчьскими хытростями утворена или мастерскими козньми и умышлении и догады преухорошена, но преукрашену Божию славою и добродѣтелями предобрену и божественными славословии преизмечтанну и чловѣчьским спасением преупещрену и православия лѣпотою преодѣну* [15]. В данном отрывке мы можем видеть семь сочетаний с творительным падежом ограничения с кратким причастием в качестве главного компонента. Противительный союз *но* разбивает всё

предложение на две части. В первой части отмечается лексико-семантический повтор, представляющий собой два сочетания с творительным падежом ограничения, синонимичные по значению. Кроме того, зависимые компоненты (существительные) в одном из них представлены триадой *козни – умышления – догады*. Кроме лексико-семантического повтора, мы также можем наблюдать и звуковой повтор (созвучие суффиксов и окончаний кратких причастий), который связывает между собой синкретемы первой части.

Вторую часть предложения также организуют фонетические (созвучия приставок, суффиксов и окончаний кратких причастий) и лексические (контекстуальная синонимия сочетаний с творительным ограничением по отношению друг к другу) повторы.

Всё предложение организовано по принципу противопоставления: если в первой части акцентируется внимание читателя на том, что церковь построили люди, то во второй части при описании построенной церкви подчёркивается Божественное начало.

В предложении *«Быше же видѣти его хождением и подобием аггелолѣнными сѣдинами чѣстна, постоу украшена, въздержанием сияя и братолюбием цвѣтѣй, кроток взоромъ, тих хождениемъ, умилен видѣниемъ, смиренъ сердцем, высокъ житиемъ добродѣтельным, почтенъ Божию благодатию»* [4, с. 410] весь словесный ряд представляет собой перечисление сочетаний с творительным ограничением. С нашей точки зрения, в композиционном отношении данный словесный ряд разбивается на три части. В первой части (первые че-

тыре конструкции) содержится характеристика религиозно-нравственных качеств Сергия Радонежского. Следующие три сочетания с творительным ограничением (*кроток взоромъ, тих хождениемъ, умилен видѣниемъ*) указывают на внешние черты святого. В последней части словесного ряда (сочетания *смиренъ сердцем, высокъ житиемъ добродѣтельным* и *почтенъ Божию благодатию*) снова описываются нравственные черты Сергия Радонежского. Средством связи конструкции *смиренъ сердцем* из третьей части со второй частью служит прилагательное, синонимичное стержневым словам предыдущих сочетаний (*смиренъ – кроток – тих – умилен*). Наиболее общей, вбирающей в себя предыдущие характеристики, является сочетание *высокъ житиемъ добродѣтельным*, а последняя конструкция *почтенъ Божию благодатию*, с оттенком значения следствия из всего предыдущего контекста, подводит своеобразный итог всему сказанному.

Словесные ряды в текстах, написанных в стиле «плетение словес», наблюдаются не только в произведениях Епифания Премудрого, но и у других авторов того времени.

Так, в произведении «Житие Антония Римлянина» (XVI в.) монаха Антониева монастыря Нифонта встречается следующий контекст: *Сего горняго свѣта невечернѣго, благожелаемаго трисиятелнаго, безмернаго, неугасимаго, идѣже глас и радость празднующихъ есть, веселящихся дуси и душа праведныхъ, таковаго света вождель видѣти и работати ему сей преподобный старецъ, Божий челоувѣкъ, вѣрный рабъ, подвижникъ Христовъ, страдалецъ Спасовъ, славный в чудесахъ,*

чюдный во иноцечь, дивный житием своим, благоукрашенный нравомъ, цѣломудренный смысломъ, непоколебимый умом, пастве учитель, постникомъ слава и преподабным утверждение, непрелестный наставник, всеблагый наказатель, истинный кормник, благоподатный врач, изящный предстатель, трудолюбный подвижникъ... [1].

В начале словесного ряда мы наблюдаем характеристики религиозных качеств старца: *Божий человекъ, вѣрный раб, подвижникъ Христовъ, страдалец Спасовъ*. Затем следуют два словосочетания, связанных корневым повтором, – *славный в чюдесех, чюдный во иноцечь*. В следующей части словесного ряда используются конструкции с этическим и интеллектуальным основанием оценки, при этом данные оценки являются обобщёнными, вбирающими в себя значения последующих сочетаний с творительным ограничением в представленном словесном ряду. Заключительные оценочные сочетания раскрывают значение предыдущих конструкций.

Таким образом, одной из особенностей употребления сочетаний с

творительным падежом ограничения в древнерусском тексте является использование данных единиц в составе словесных рядов.

Входя в состав словесного ряда, сочетания с творительным ограничением по-разному взаимодействуют друг с другом. С помощью данных сочетаний часто противопоставляются телесная и духовная сферы человека. Сопоставление различных признаков в изучаемых сочетаниях выражается с помощью разных видов оценок. Кроме того, значение одного сочетания с творительным ограничением может носить обобщённый характер по отношению к остальным.

Оценочные конструкции с творительным ограничением используются также в произведениях, написанных в стиле «плетение словес». В данных текстах словесные ряды, построенные с помощью сочетаний с творительным ограничением, организуются с помощью звуковых и лексико-семантических повторов, триад, построенных по принципу градации, а также оценочных характеристик человека с различных точек зрения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамова И.Ю. Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля «плетение словес» (На материале житий XIV-XV вв.): дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 155 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 238 с.
3. Горшков А.И. Русская стилистика: учебн. пособие. М.: Астрель: АСТ, 2001. 367 с.
4. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 294 с.
5. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.
6. Лихачёв Д.С. Предвозрождение в русской литературе // История всемирной литературы (в 9 томах). Том 3. М.: Наука, 1985. С. 100-261.
7. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X-XV вв.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. 226 с.
8. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. 145 с.

9. Петрова В.Д. Язык южнославянского и восточнославянского «плетения словес» (на материале сочинений книжников Тырновской школы и Епифания Премудрого). Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2014. 408 с.
10. Пименова М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
11. Пименова М.В. Устойчивые сравнения и смежные виды семантических сближений в древнерусском тексте // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы VIII Международной конференции. Владимир: ВГТУ, 2009. С. 255-259.
12. Рыкин Е.Ю. Сочетания с творительным ограничением как средство выражения оценки в древнерусском тексте: дисс. ... канд. филол. наук. Владимир, 2014. 196 с.
13. Спивак Д.Л. Матричные построения в стиле «плетения словес» // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 49. СПб.: Изд-во Д. Буланина, 1996. С. 99-112.

ИСТОЧНИКИ:

14. Житие Антония Римлянина [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб.: Наука, 2005. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10572>
15. Житие Кирилла Новоезерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. С. 354-415.
16. Житие Михаила Ярославича Тверского / подгот. текста В.И. Охотниковой и С.А. Семячко, пер. и коммент. С.А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб.: Наука, 1999. С. 68-91.
17. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Художественная литература, 1981. С. 256-429.
18. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII вв. М.: Художественная литература, 1978. С. 305-392.
19. Из «Изборника» 1076 года // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 136-167.
20. Из «Хроники Константина Манассии» // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 268-317.
21. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М.: Художественная литература, 1980. С. 412-623.
22. Летописные повести о монголо-татарском нашествии // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М.: Художественная литература, 1981. С. 132-175.
23. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII вв. М.: Художественная литература, 1978. С. 24-277.
24. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси. 2-ая половина XV века. М.: Художественная литература, 1982. С. 216-267.
25. Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 158-197.
26. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 268-283.
27. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Художественная литература, 1981. С. 208-229.
28. «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана», написанное Епифанием Премудрым [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. СПб.: Наука, 2003. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091>
29. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 26-61.

REFERENCES:

1. Abramova I.YU. *Strukturno-semanticheskaya i sintaksicheskaya organizatsiya agiograficheskikh tekstov stilya «pletenie sloves» (Na materiale zhitii XIV-XV vv.): dis. ... kand. filol. nauk* [Structural-semantic and syntactic organization of hagiographic texts of the style of “weaving of words” (On the lives of the 14-15 centuries): thesis of candidate of Philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2004, 155 p. (In Russ.)
2. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, 238 p. (In Russ.)
3. Gorshkov A.I. *Russkaya stilistika: uchebn. posobie* [Russian stylistics: textbook]. Moscow, Astrel': AST Publ., 2001, 367 p. (In Russ.)
4. Kolesov V.V. *Drevnerusskii literaturnyi yazyk* [The old Russian literary language]. L., LGU Publ., 1989. 294 p. (In Russ.)
5. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [The poetics of old Russian literature]. 3rd ed. Moscow, Nauka Publ., 1979, 360 p. (In Russ.)
6. Likhachev D.S. Prerenaissance in Russian literature. In: *Istoriya vseмирnoi literatury (v 9 tomakh). Tom 3* [History of world literature (9 volumes). Volume 3]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 100-261. (In Russ.)
7. Loput'ko O.P. *Ustoichivaya formula v istorii russkogo literaturnogo yazyka (X-XV vv.)* [Stable formula in the history of the Russian literary language (10-15 centuries)]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2001. 226 p. (In Russ.)
8. Matkhauzerova S. *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* [The old Russian theories of the word's art]. Prague, 1976, 145 p. (In Russ.)
9. Petrova V.D. *Yazyk yuzhnoslavyanskogo i vostochnoslavyanskogo «pleteniya sloves» (na materiale sochinenii knizhnikov Tyrnovskoi shkoly i Epifaniya Premudrogo)* [The language of South Slavic and East Slavic “weaving of words” (On the writings of the scribes of the Tarnovo school and Epiphanius the Wise)]. Cheboksary, Chuvashskii Universitet Publ., 2014. 408 p. (In Russ.)
10. Pimenova M.V. *Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie esteticheskoi otsenki v drevnerusskom tekste* [Decorate with beauty: an expression of aesthetic evaluation in the ancient text]. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Vladimir: VGPU Publ., 2007, 415 p. (In Russ.)
11. Pimenova M.V. Stable comparison and related semantic approaches in the ancient text. In: *Yazykovye kategorii i edinitsy: sintagmaticheskii aspekt: Materialy VIII Mezhdunarodnoi konferentsii* [Language category and units: syntagmatic aspect: materials of the VIII International conference]. Vladimir, VGGU Publ., 2009, pp. 255-259. (In Russ.)
12. Rykin E.YU. *Sochetaniya s tvoritel'nym ogranicheniya kak sredstvo ovirazheniya otsenki v drevnerusskom tekste: dis. ... kand. filol. nauk* [Combinations that contain the instrumental case as a means of expressing evaluations in the ancient text: candidate of Philological Sciences]. Vladimir, 2014, 196 p. (In Russ.)
13. Spivak D.L. Matrix constructions in the style of “weaving of words”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Tom 49* [Proceedings of the Department of the old Russian literature. Volume 49]. Saint-Petersburg, D. Bulanin's Publ., 1996, pp. 99-112. (In Russ.)

SOURCES:

14. The life of Anthony the Roman [E-source]. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 13.* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 13]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10572> (In Russ.)
15. The Life of Cyril Novoezerskii. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library literature of Ancient Russia]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 354-415. (In Russ.)

16. The Life of Michael Yaroslavich of Tver. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 6* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 6] / Text prepared by V. Okhotnikova and S. Semyachko, transl. and comment. by S. Semyachko. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 68-91. (In Russ.)
17. The Life of St. Sergius of Radonezh. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XIV - seredina XV veka.* [Literary monuments of Ancient Russia. 14th – mid 15th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 256-429. (In Russ.)
18. The Life of Theodosius Pechersky. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XI – nachalo XII vv.* [Literary monuments of Ancient Russia. 11th – the beginning of 12th centuries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 305-392. (In Russ.)
19. From the “Izbornik” 1076. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 2* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 2]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 136-167. (In Russ.)
20. From “The Chronicles of Constantine Manasses”. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka* [Literary monuments of Ancient Russia. The end of 15th – first half 16th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1984, pp. 268-317. (In Russ.)
21. Kiev-Pechersk Pathetics. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XII v.* [Literary monuments of Ancient Russia of the 12th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 412-623. (In Russ.)
22. Chronicles of the Mongol-Tatar invasion. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XIII v.* [Literary monuments of Ancient Russia of the 13th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 132-175 (In Russ.).
23. The tale of past years. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XI – nachalo XII vv.* [Literary monuments of Ancient Russia. 11th – beginning of 12th centuries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 24-277. (In Russ.)
24. The story of the capture of Constantinople by the Turks in 1453. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. 2-aya polovina XV veka* [Literary monuments of Ancient Russia. The 2nd half of the 15th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, pp. 216-267. (In Russ.)
25. The lessons and sermons of Kirill of Turov. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 4* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 4]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 158-197. (In Russ.)
26. The Word of Daniel Zatochnik. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 4* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 4]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 268-283. (In Russ.)
27. On the life of Great Prince Dmitry Ivanovich. In: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XIV - seredina XV veka.* [Literary monuments of Ancient Russia. 14th – mid 15th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 208-229. (In Russ.)
28. “On the life and teachings of our Holy father Stephen”, written by Epiphanius the Wise [E-source]. In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 12.* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 12]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2003. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091>. (In Russ.)
29. “Sermon on Law and Grace” by Metropolitan Hilarion In: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 1: XI–XII veka* [Library literature of Ancient Russia. Vol. 1: 11–12th century]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 26-61. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыкин Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: eugeny.rikin@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eugenyi Rykin – candidate of Philological Sciences, senior lecturer at department of the Russian language of Alexander and Nikolay Stoletovs Vladimir State University,
e-mail: eugeny.rikin@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Рыкин Е.Ю. Выражение оценки в древнерусском тексте (на материале словесных рядов, включающих сочетания с творительным ограничением) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 48-57.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-48-57

CORRECT REFERENCE

E. Rykin. The expression of evaluation in the ancient text (on the material of verbal rows that contain combinations with the instrumental case). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 48-57.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-48-57

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-95

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-58-65

ПЬЕСА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ: К ВОПРОСУ О СЦЕНИЧНОСТИ ДРАМЫ

Евдокимова А.С.

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская федерация*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о восприятии литературной критикой пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы» с точки зрения её сценических возможностей. Большую часть занимает анализ особенностей интерпретации пьесы в работах А.Р. Кугеля, А.Л. Волынского, П.Н. Краснова, В.П. Буренина. Приводятся как положительные, так и отрицательные критические оценки различных сторон произведения Толстого – такие, как наличие драматической идеи, художественная логика и психологическая обусловленность поступков героев, соответствие толстовского замысла опыту его сценического воплощения. Пристальное внимание к этой драме со стороны критиков свидетельствует о том, что уже на рубеже XIX–XX вв. появление «Власти тьмы» расценивалось как большое, этапное событие в русской драматургии.

Ключевые слова: «Власть тьмы», драматургия Л.Н. Толстого, русская критика, сценическая интерпретация.

L. TOLSTOY'S PLAY «THE POWER OF DARKNESS» IN LITERARY CRITICISM OF THE 19TH–20TH CENTURIES: TO THE QUESTION OF STAGINESS OF THE DRAMA

A. Evdokimova

*Yesenin Ryazan state University
46, Svobody str., Ryazan, Russian Federation, 390000*

Abstract. The article examines the perception of the literary criticism of the play by L. Tolstoy “The power of darkness” in terms of its scenic possibilities. The analysis is mainly based on the

interpretations of the play in the works of A. Kugel, A. Volynsky, P. Krasnov, V. Burenin's. The article presents both positive and negative critical evaluations of various aspects of Tolstoy's work such as presence of drama idea, art logic and psychological conditioning of characters' actions, compliance of author's plan with experience of its scenic embodiment. Close attention to this drama from critics demonstrates that already at the turn of 19th–20th centuries the appearance of "The power of darkness" was regarded as a big landmark event in the Russian drama.

Keywords: «The power of darkness», Tolstoy's drama, the Russian criticism, scenic interpretation.

За последние пятнадцать лет вышло около двадцати публикаций, посвящённых «Власти тьмы», в журналах и сборниках научных трудов России и зарубежья (см., например: О.Н. Новосельцева [13], С.А. Шульц [15], И.В. Ерохина [6], Т.Б. Ильинская [7], А.А. Далингер [5], Д. Кшицова [11]). Работы основаны на системном принципе с применением сравнительно-типологического, психологического, культурно-исторического и историко-генетического методов. Драма Л.Н. Толстого рассматривается с точки зрения особенностей её историко-культурного контекста, взаимодействия повествовательных и драматических начал, религиозно-нравственных и философских трактовок, особенностей поэтики, сопоставления с творчеством иностранных писателей (например, Д.Б. Шоу и Ю.Г. О'Нила) и восприятия пьесы российскими публицистами и литературными критиками (например, И.Ф. Анненским, Н.С. Лесковым, И.А. Милютиным).

Вместе с тем проблема восприятия критикой «Власти тьмы» с точки зрения её сценичности изучена недостаточно. Помимо этого, по разным причинам вне поля зрения исследователей оказались критические выступления А.Л. Волинского, П.Н. Краснова и

А.Р. Кугеля – оригинальные и неоднозначные по содержанию.

Цель данной статьи – дать аналитический обзор точек зрения этих критиков на соответствие театральной поэтики Л.Н. Толстого требованиям драматического искусства эпохи и ввести их тем самым в актуальный научный оборот.

В.Е. Хализев в своей работе «Драма как род литературы» пишет: «Драма... требует сценического прочтения. Её текст обращён к сцене не только формально (цель высказываний персонажей воспроизводима актёрами), но и внутренне, глубинно, сущностно. <...>. Перевод драмы как словесно-письменного произведения в интонационный и зрелищный ряд знаменует разгадывание её многозначностей, неопределённостей, "подтекстовых смыслов"» [13, с. 229]. Такова особенность всех жанров драматического рода литературы, ориентированного на «специфические условия функционирования текста (живое театральное представление)» [12, с. 49]. Игнорировать законы сцены при написании пьесы практически невозможно, особенно когда речь идёт о реалистическом театре конца XIX в. Л.Н. Толстой создавал драму для сцены, поэтому во время работы над пьесой он не мог не учитывать характерные особенности драматического рода

искусства. В интервью немецкому драматургу О. Блументалю Л.Н. Толстой говорил о том, что свои первые пьесы он писал с целью «освоиться с технической стороной драматических произведений» [2].

Одним из самых строгих критиков, который анализировал «Власть тьмы» с точки зрения её соответствия канонам драматического жанра, выступил редактор журнала «Театр и искусство» А.Р. Кугель в своей статье «“Власть тьмы” как драматическое произведение» (1887 г.). Основной недостаток пьесы критик видел в отсутствии идеи борьбы, волевого акта и самоопределения, т. е. главных элементов, которые являются центром любой драмы с античности. «Драматическая идея “Власти тьмы”, – пишет А.Р. Кугель, – окрашена несомненно фатализмом, и поэтому мне кажется мало пригодной для истинной драмы <...> “Власть тьмы” – совокупность объективных данных, приводящих к греху и преступлению»¹ [9, с. 339]. Критик, обращаясь к истории драмы, пытается доказать непреложность одного из самых важных законов драматургии: с героем должна происходить внутренняя или внешняя борьба; если её нет, значит, нет конфликта, а нет конфликта – нет и драмы. Участь Никиты была предопределена высшим возмездием, которое народная мудрость облекла в пословицу – коготок увяз, всей птичке пропасть. У Л.Н. Толстого, по мнению А.Р. Кугеля, нет ни борьбы, ни протеста, есть стон, из которого «не выкроишь драмы»: «Драма нуждается в энергии <...> Драма – это поток, который течёт в ту или иную сторону, смотря

по уровню почвы, но драма никогда не может быть стоячим болотом» [10, с. 372]. К менее глобальным, но всё же недостаткам критик относил «неправдоподобную настойчивость баб», «ненужное нагромождение ужасов», напрасное введение «провинциализмов» (критик сравнивает толстовское стремление сохранить особенности народного говора с более художественно обусловленным языком драм Островского), «нарушение единства заключительного акта». В конце своей статьи критик сделал вывод, что при всех своих достоинствах пьеса «Власть тьмы» как драматическое произведение «не удовлетворяет многим необходимым требованиям» [10, с. 372].

Многие из выдвинутых А.Р. Кугелем недочётов В.П. Буренин уверенно опроверг в своей статье «Драма гр. Л.Н. Толстого» (1888 г.). Он пытался доказать, что у Л.Н. Толстого все элементы произведения художественно обусловлены. Поведение Анисьи, настойчиво заставляющей Никиту убить ребёнка, вызвано потребностью связать его преступлением и страхом перед возможностью разоблачения. Об ужасающей картине четвёртого действия В.П. Буренин пишет, что «стоит заглянуть в уголовную хронику крестьянской жизни, чтобы отыскать там сколько угодно примеров подобного рода преступлений» [3, с. 199]. Критик находит в языке драмы жизненность и точное воспроизведение действительности, без какого-либо стремления к «изученным драматическим эффектам» [3, с. 187]. Единственное, в чём мог бы согласиться автор статьи с А.Р. Кугелем, – это слабый в морализаторском отношении финал пьесы. В то же время сам В.П. Буренин отмеча-

¹ В цитируемых текстах сохранена авторская орфография и пунктуация.

ет следующие недочёты: недостаточно ясный образ Матрёны, которую в итоге так и не постигает «суд художника», и «ничтожный» образ Никиты.

Критик П.Н. Краснов, наоборот, в образе Никиты видел прорыв, большой шаг в развитии реалистической драмы. В своей статье «“Власть тьмы” на сцене» (1895 г.) он пишет: «Поставить центральным лицом пьесы нравственное ничтожество и показать, что и его существование может заинтересовать и имеет для нас нравственный смысл, если посмотреть на него с известной точки зрения – представляется ещё более смелым нововведением, нежели символистские процессии ангелов и святых в “Ганнеле”» [8, с. 682]. К слову сказать, сопоставление пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы» и «Ганнеле» Г. Гауптмана было очень характерным для русской критики конца века. Во-первых, это связано с тем, что пьесы шли на театральной сцене практически одновременно, во-вторых, идея произведений схожая – борьба света и тьмы, т. е. добра и зла в среде низшего сословия.

Одним из достижений Л.Н. Толстого в области художественно-психологических типов П.Н. Краснов называл образ Анисьи. Критик писал, что, с одной стороны, такая дикая и страстная натура, как она, в мировой драматургии не редкость (например, Медея, Федра и др.), но, с другой, – «у Толстого этот тип впервые выставлен без всяких одухотворяющих черт» [8, с. 681]. Если к героиням классических трагедий, находящимся под властью рока и обреченным на душевные муки, зритель испытывает сострадание, то к «ничтожной» натуре Анисьи никакого сострадания нет, хотя сам характер

выписан удивительно правдоподобно.

Также самые положительные отзывы критиков заслужил отец Никиты, Аким. Вместе с тем, как образ-резонёр философских взглядов Л.Н. Толстого, Аким вызвал неоднозначную реакцию общественности. Приверженцам философии Льва Николаевича Аким с его непротивлением злу представлялся символом доброго и нравственного начала; другие утверждали, что такие люди, как Аким, отказывающиеся бороться с невежеством и несправедливостью, современному обществу даже вредны. Однако жизненная правда образа не подвергалась сомнению. «Обыкновенно подобные добродетельные персонажи, – пишет В.П. Буренин, – особенно в драмах и повестях из крестьянского быта выходят всегда бледными, сочинёнными, ходульными <...> Можно сказать, что после Платона Каратаева из “Войны и мира” гр. Толстой не создавал положительного типа более народного, чем Аким...» [3, с. 179-180]. В то же время В.П. Буренин утверждает, что актёру сыграть на сцене такого непростого персонажа, как Аким, будет очень непросто. По мнению критика, перед исполнителем встанет сложная задача – не перейти тонкую черту, отделяющую правдоподобие от шаржа. Как показала театральная практика, с образом Акима действительно возникали проблемы. Больше всего нареканий со стороны театроведов и критиков заслужили актёры, исполняющие роль Акима и его жены Матрёны. Л.Н. Толстому даже приходилось давать советы по исполнению этих ролей на сцене. Акима, считал Л.Н. Толстой, нужно играть суетливым, жалким, краснеющим мужичонкой, но «вот настает мо-

мент, и Аким раскрывает свою душу, обнаруживая в ней такие перлы, что каждому должно сделаться жутко» [4, с. 303]. По поводу Матрёны писатель говорил, что эту обыкновенную, умную, уверенную в своей правоте старуху не нужно представлять какой-то леди Макбет, как считали многие. По мнению Л.Н. Толстого, ближе всех к правильному пониманию образа Матрёны была актриса О.О. Садовская [4, с. 309].

Ещё одной сильной, но сложной в исполнении сценой считался вариант четвёртого действия – разговор Митрича с Анюткой. Несмотря на гениальность этой сцены, на мастерство, с каким она была написана Л.Н. Толстым (это было отмечено практически всеми критиками, даже такими строгими, как А.Р. Кутель), для театрального её воплощения перед режиссёрами возникали проблемы, связанные, во-первых, с затянутым диалогом при минимальном количестве действия, во-вторых, с поиском актрисы на роль десятилетней Анютки. Буренин, например, очень сомневался, что сыграть эту сцену вообще возможно. Однако постановщики смогли преодолеть эти сложности, и, как правило, именно эта сцена вызывала самый большой восторг у публики.

Некоторым талантливым критикам удалось предвидеть, какое место займёт «Власть тьмы» в процессе зарождения нового театрального искусства и оригинальной современной драматургии. Так, Баранчук подводил итог своему сопоставительному анализу пьес Толстого и Гауптмана следующими словами: «Это только часть целого ряда новых пьес, прокладывающих своё собственное новое русло <...>

Это уже целое поступательное движение, которое делает из театра великую школу» [1, с. 212]. А.Л. Волынский, теоретик символизма, видел в драме Л.Н. Толстого признаки искусства возвышенного, «которое будет органическим соединением религиозно-философских, нравственных и эстетических идей на почве поэтического творчества» [4, с. 314]. И литературные, и театральные критики писали о том, что театру необходима какая-то «обновленческая сила»: «Для нашего театра, захиревшего в последнее время от изобилия дряблых плодов драматической посредственности и рутины, необходимо экстренное оживление» [4, с. 210]; «... для нас, русских, потерявших уже всякий вкус к театру, благодаря крыловскому и коршевскому репертуару, пьесы новых авторов являются своего рода воскресением...» [1, с. 208]. На пьесу Л.Н. Толстого возлагались большие надежды. «Драматический талант Толстого, – писал В.П. Буренин, – выведет на новый путь сценические таланты и даст толчок к пробуждению истинно художественного вкуса публики, он заставит драматическую рутину и посредственность, которые теперь так гордо развешают свой изношенный стяг, сойти со сцены в буквальном значении этого выражения. Появление “Власти тьмы” на сцене и её успех, по-моему, должны иметь значение *события* (выд. автором) для современного русского театра» [3, с. 211].

Итак, большое количество неоднозначных критических откликов на «Власть тьмы» связано с действительной масштабностью и оригинальностью пьесы Л.Н. Толстого. Повышенный интерес со стороны театральной общественности свиде-

тельствует о том, что появление драмы «Власть тьмы» представляло собой крупное, этапное и в чём-то даже поворотное событие в русской драматургии. Интерес к анализу пьесы с точки зрения её сценичности доказывает, что в этом произведении критики видели

проявление принципиально новых форм, оригинальных решений, которые смогут расширить спектр приёмов драматургической литературы, наполнить их новым смыслом и получить своё выражение в современном театре.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранчук. Обо всём // Новое слово. 1895. № 2. С. 183-203.
2. Блументаль у графа Л.Н. Толстого (Корреспонденция из Берлина) // Новое время. 1894. 22 апреля (№ 6517).
3. Буренин В.П. Критические этюды В. Буренина. СПб, 1888. 398 с.
4. Волынский А. Литературные заметки // Северный вестник. 1896. № 1. С. 298-316.
5. Далингер А.А. «Власть тьмы» Л.Н. Толстого и «Разоблачение Бланко Поснета» Д.Б. Шоу: спор о Боге // Русская литература в современном культурном пространстве. Литература о литературе: проблема литературной саморефлексии. Томск, 2010. С. 83-90.
6. Ерохина И.В. «Власть тьмы» Льва Толстого в рецепции Иннокентия Анненского // Л.Н. Толстой: мотивы, стиль, аллюзии: кол. монография / М.Ю. Барабанова и др.; отв. ред. Н.А. Красовская. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2016. С. 95-101.
7. Ильинская Т.Б. «Власть тьмы» – библейское и толстовское в интерпретации Лескова: (Неизвестная статья Лескова «О дурацких обычаях») // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 64-70.
8. Краснов Пл. «Власть тьмы» на сцене // Труд. 1895. № 12, т. 28. С. 679-686.
9. Кугель А. «Власть тьмы» как драматическое произведение // Театр и искусство. 1887. № 18. С. 338-340.
10. Кугель А. «Власть тьмы» как драматическое произведение // Театр и искусство. 1887. № 20. С. 371-372.
11. Кшицова Д. Натурализм в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» // Sb. praci Filoz. fak. Brnenske univ. Literarnevedna slavistica – Studia minora Fac. philos. univ. Brunensis. Ser. slavica litt. Brno, 2010. Roc. 13, N 1/2. С. 55-62.
12. Никонова Н.А. Особенности применения жанровой теории в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 1. С. 48-53.
13. Новосельцева О.Н. Л.Н. Толстой в берлинском журнале писателей-натуралистов «Свободная сцена современной жизни»: 1890-1891 гг.: дисс. ... канд. филол. н. Кострома, 2004. 220 с.
14. Хализев В.Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М.: МГУ, 1986. 260 с.
15. Шульц С.А. Драматургия Л.Н. Толстого в контексте исторической поэтики (герменевтический аспект): дисс. ... д-ра филол. н. Ростов-на-Дону, 2004. 382 с.

REFERENCES

1. Baranchuk. About all. In: *Novoe slovo* [A new word]. 1895, no. 2, pp. 183-203. (In Russ.)
2. Blumenthal at the count L. Tolstoy (Correspondence from Berlin) In: *Novoe vremya*. 1894. 22 *aprelya* [New time. 1894. Aprill 22nd], no. 6517. (In Russ.)
3. Burenin V.P. *Kriticheskie etyudy V. Burenina* [Critical studies by V.Burenin]. Saint-Petersburg, 1888. 398 p. (In Russ.)

4. Volynskii A. Literary notes. In: *Severnyi vestnik* [North Bulletin]. 1896, no. 1, pp. 298-316. (In Russ.)
5. Dalinger A.A. "Power of darkness" by Tolstoy and "Exposing Blanco Posnet" by J. B. Shaw: the dispute about God. In: *Russkaya literatura v sovremennom kul'turnom prostranstve. Literatura o literature: probl. lit. samorefleksii* [Russian literature in modern cultural space. Literature about literature: Problems of lit. self-reflection]. Tomsk, 2010, pp. 83-90. (In Russ.)
6. Erokhina I.V. The power of darkness" by Leo Tolstoy in the reception of Innokenty Annensky. In: *L.N. Tolstoi: motivy, stil', allyuzii: koll. monografiya* [L. N. Tolstoy: motives, style, allusions: collective monograph] / M. Yu. Barabanova and others; resp. ed. N.A. Krasovskaya. Tula, TGPU im. L.N.Tolstogo Publ., 2016. pp. 95-101. (In Russ.)
7. Il'inskaya T.B. "The power of darkness" – the Bible and Tolstoy in Leskov's interpretation. In: *Mir russkogo slova* [World of Russian word]. 2009, no. 4, pp. 64-70. (In Russ.)
8. Krasnov Pl. "The power of darkness" on stage. In: *Trud* [Work]. 1895, no. 12, vol. 28, pp. 679-686. (In Russ.)
9. Kugel' A. "The power of darkness" as a drama. In: *Teatr i iskusstvo* [Theatre and the Arts]. 1887, no. 18, pp. 338-340. (In Russ.)
10. Kugel' A. "The power of darkness" as a drama. In: *Teatr i iskusstvo* [Theatre and the Arts]. 1887, no. 20, pp. 371-372. (In Russ.)
11. Kshitsova D. Naturalism in the drama of L. Tolstoy. In: *Sb. praci Filoz. fak. Brnenske univ. Literarnevedna slavistica – Studia minora Fac. philos. univ. Brunensis. Ser. slavica litt. Brno*, 2010, pp. 55-62. (In Russ.)
12. Nikonova N.A. Features of the application of genre theory in drama. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2013, no. 1, pp. 48-53. (In Russ.)
13. Novosel'tseva O.N. *L.N.Tolstoi v berlinskom zhurnale pisatelei-naturalistov «Svobodnaya stsena sovremennoi zhizni»: 1890-1891 gg.: dis. ... kand. filol. n* [L. Tolstoy in the Berlin journal of writers-naturalists "Free stage of modern life": 1890-1891.: candidate of Philological Sciences thesis]. Kostroma, 2004, 220 p. (In Russ.)
14. Khalizev V.E. *Drama kak rod literatury (poetika, genezis, funktsionirovanie)* [Drama as a kind of literature (poetics, genesis, operation)]. Moscow, MGU, 1986, 260 p. (In Russ.)
15. SHul'ts S.A. *Dramaturgiya L.N.Tolstogo v kontekste istoricheskoi poetiki (germenevticheskii aspekt): dis. ... d-ra filol. n*. [The Drama of L. Tolstoy in the context of historical poetics (the hermeneutic aspect): doctor of Philological Sciences thesis]. Rostov-on-Don, 2004, 382 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евдокимова Анна Сергеевна – аспирант кафедры литературы, техник-лаборант и ассистент кафедры журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
e-mail: evdokimova-anna@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna Evdokimova – 3rd year postgraduate student at the department of Literature, technician-laboratory assistant at the department of Journalism of Yesenin Ryazan state University
e-mail: evdokimova-anna@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Евдокимова А.С. Пьеса Л.Н. Толстого «Власть тьмы» в литературной критике рубежа XIX–XX веков: к вопросу о сценичности драмы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 58-65.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-58-65

CORRECT REFERENCE

A. Evdokimova. L. Tolstoy's play «The power of darkness» in literary criticism of the 19th–20th centuries: to the question of staginess of the drama. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 58-65.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-58-65

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-66-71

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ CREDO АВТОРА В СТИХОТВОРЕНИИ Л. БОРОДИНА «ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА»

Еремеева Ю.А., Щедрина Н.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на примере стихотворения «Психическая атака» рассматривается художественный мир Л.И. Бородин-поэта. Произведение анализируется в контексте историко-биографических сведений об авторе, связях с русской художественной литературой и традициями М. Ломоносова. Определяются главные жизненные ценности, заявленные в стихотворении, говорится о доминирующем образе родины в творчестве поэта.

Ключевые слова: Л. Бородин, автор-герой, образ России, ВСХСОН, белогвардейцы, христианство, патриотизм, «Психическая атака».

IDEOLOGICAL CREDO OF THE AUTHOR IN “PSYCHIC ATTACK” POEM BY LEONID BORODIN

J. Eremeeva

N. Schedrina

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. On the example of the poem “Psychic attack” the article considers the art world of the poet L. Borodin. The poem is analyzed in the context of historical and biographical information about the author and connection with Russian literature. It defines life values, as stated in the poem, deals with the dominant image of Motherland in the works of the poet. The article shows the inheritance of the tradition of M. Lomonosov.

Keywords: L. Borodin, the author-hero, the image of Russia, All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People, whites, Christianity, patriotism, “psychic attack”.

Стихотворение «Психическая атака» Л. Бородин написал во время отбывания первого срока, полученного по статье 70 УК РСФСР («Антивоветская агитация и пропаганда»), за активную деятельность в рядах Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа – «первой после гражданской войны антикоммунистической организации ставившей своей конечной целью своевременное <...> свержение коммунистической власти» [5, с. 70]. Платформа антиправительственного объединения середины XX века потенциально связана с идейными воззрениями Белого движения 1917–1922 годов: будучи приверженцами русской национальной традиции, члены Союза готовы «с оружием в руках

встать на защиту Веры и порабождённого Отечества» [7, с. 38].

Художественные произведения Л. Бородин начал писать в заключении – сначала стихи, позже обратился к прозе. «Тогда, в 1960-е и 1970-е годы, было немало людей, так или иначе столкнувшихся с режимом и почувствовавших на себе его когти», [10, с. 3] – напишет публицист, диссидент И.Р. Шафаревич в предисловии к сборнику стихотворений Л. Бородина «Излом», вышедшем в 1992 году. Говоря о позиции автора, он отмечал, что исходной ценностью писателя «была страна и народ – “Россия” как их собирательный образ» [10, с. 3].

Тема Родины одна из главных в творчестве Л. Бородина. Отличительной чертой лирики писателя является философское осмысление национальной истории: «...Мы ищем нашу Русь! / Нам бабки досоветские / Вложили эту грусть!»; сопричастность страданиям страны: «Мне Русь была не словом спора! / Мне Русь была – судья и мать!»; равнодушие к её доле: «Я знаю: / Россия с Богом, / Хотя и спит к Нему!» (курсив автора).

Кровное родство с судьбой России звучит и в стихотворении «Психическая атака», к которому мы обращаемся. Оно не вошло ни в один из сборников Л. Бородина, но опубликовано в журнале «Поиски» № 3 за 1981 год [4] как произведение неизвестного узника Владимирской тюрьмы. В дальнейшем текст был положен на музыку П. Старчиком и исполнен российским бардом М. Кривошеевым, а в фильме «Я – кукла» – актёром А. Домогаровым на музыку А. Бельчева.

В произведении отразились социальные и духовные перемены в судьбе

России, на фоне которых и звучит признание автобиографического героя¹, максимально приближённого к автору. Человек и время, «сцепление» времени с человеческой судьбой является основным мотивом стихотворения «Психическая атака».

Начальные строфы отсылают нас к событиям в гражданской войны:

Поручик выпьет перед боем,
Глоток вина в походной фляге.
Он через час железным строем
Уйдёт в психической атаке.

Можно предположить, что в начальных строфах содержится отклик на психическую атаку каппелевцев, показанную в советском художественном фильме «Чапаев»: белогвардейцы стройными рядами и презрительным бесстрашием идут на окопы красноармейцев. В стихотворении подчёркивается отчаянная смелость белогвардейцев и трагизм происходящего с Россией:

Вопрос решён. Итог не важен,
За Русь и власть,
за честь и веру,
Идти им полем триста сажень,
Не прикасаясь к револьверу.

¹ В формулировку «автобиографический герой» мы включаем образ автора (по М.М. Бахтину: «автор – носитель напряжённо-активного единства завершённого целого, целого героя и целого произведения, трансгредиентного каждому отдельному моменту его»), героя текста и автора как реально существовавшей личности. Таким образом, автобиографический герой стихотворения находится на границе собственно художественного пространства текста и реальной действительности. См.: [3] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 16.

Л. Бородин в своём произведении утверждает, что сила России в сохранении и укреплении веры. В стихотворении звучит призыв к защите Отечества и служению ему, во все времена вдохновляющий русских людей: «За Русь, за власть, за честь, за веру».

Текст «Психической атаки» восходит к жанру высокой оды М.В. Ломоносова, наследуя важнейшие черты: патриотический пафос, насыщенность внутренней динамикой, гражданственность. Так, в произведении Л. Бородин, как и в «Оде ... на взятие Хотина» М. Ломоносова, подчёркивается отвага, стойкость защитников Отчизны, выполняющих свой священный долг: «Крепит отчества любовь / Сынов российских дух и руку; / Желает всяк пролить всю кровь, / От грозного бодрится звуку» [8, с. 18], – напишет поэт XVIII в.

Эхом отзывается четырёхстопный ямб героических од Ломоносова в стихотворении «Психическая атака» Л. Бородин, написанного четырёхстопным каталектическим ямбом и состоящим из девяти катренов. В гармонической организации произведения – в ритмике, рифме («боем» – строем»; «фляге» – атаке»; «мундиры» – «командиры»; «флагом» – «шагом») – слышится взволнованный голос лирического героя, слитого с автором и передающего его настроение. В строфе пятого катрена Л. Бородин повествует о трагедии России времён гражданской распри, поделившей страну на два лагеря, ведущих братоубийственную войну. Стихотворение помогает осознать, что классовая борьба, пренебрежение духовными ценностями ведёт к непоправимым последствиям:

Красивый жест! –
игра дурная.
А Русь – на Русь!
и брат – на брата?
Добро и зло, земля родная,
Ты перепутала когда-то.

В стихотворении «Психическая атака» два плана изображения: прямой – внешний, повествующий о судьбе России, и глубинный – духовный, помогающий понять последствия произошедшей катастрофы. Поэт заставляет вспомнить ветхозаветное предание об убийстве одного брата другим: «... восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» [Бытие 4:8-12]. Л. Бородин призывает обращаться к истокам – Священному Писанию, духовное наполнение слова для него становится определяющим.

Не случайно стихотворение «Психическая атака» построено по принципу ретроспекции – это создаёт впечатление единения времён, сужает хронологическое время и поясняет текущие события. Перенос сюжета в современную действительность, Л. Бородин переплетает с исторической судьбой России свою судьбу. Поэт акцентирует внимание на том, что прошлое актуально и сегодня, оно коснулось его самого:

Что ж!

Каждый должной смерти ищет,
И не закон мы друг для друга,
Но Русь совсем не стала чище,
Судьба моя тому порука
(курсив мой. – Ю. Е.).

Местоимения *моя, я, мне*, способствуют сближению лирического героя с автором, которому присуще чувство личной ответственности за происходящее:

И я пишу девиз на флаге,
И я иду под новым флагом,
И я – в психической атаке
Немало лет. Безумным шагом.

И я иду по вольной воле,
По той земле, где нивы хмуры.
И мне упасть на том же поле,
Не дошагав до амбразуры
(курсив мой. – Ю. Е.).

Ключевой образ стихотворения воплощён в строфах восьмого и девятого катрена. К личному местоимению я относятся глаголы и глагольные формы, расположенные в восходяще-нисходящей градации: «пишу» – «иду» – «иду» (кульминация) – «упасть» – «не дошагав».

Поэтическая выразительность произведения достигается использованием антитезы («добро» – «зло»), метафоры («железным строем»), лексических повторов («по вольной воле», «флаге» – «флагом», «И я иду под новым флагом» – «И я иду по вольной воле»), ритмом, рифмой («флаге» – «атаке», «флагом» – «шагом», «воле» – «поле») – основных художественных приёмов, которые позволяют услышать биение пульса описываемых событий.

И.П. Михайлова в статье «Первая мировая война в творчестве поэтов Курского края» писала: «Обращает на себя внимание тот факт, что авторы, стремясь понять и объяснить характер военных событий, прежде всего, в пространстве времени и войны видели человека с его раздумьями и радостями, разочарованиями и надеждами» [9]. Стихотворение «Психическая атака», написанное в середине XX века референтом к 1917 г., – трагедийного звучания лирико-философское раздумье о мучительных путях России. Л. Бородин не только остро чувствовал современную эпоху, но также глубоко переживал события прошедших лет. Пройдя жизненный путь в рядах Сопротивления богоборческой коммунистической системе, поэт до последнего часа не отступил от данной им присяги Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа «быть верным сыном Великой России, борьбе за её Возрождение, славу и благосостояние, не щадя усилий, имущества и самой жизни» [6].

«Писатели такого стояния за идею, такого тождества мысли и жизни не только в советской, но и в мировой литературе XX века – наперечёт, – напишет литературный критик Юрий Архипов, – Лоуренс Аравийский, Андре Мальро, Эрнст Юнгер... Кого ещё вспомнить? Разве что любимого поэта Леонида Бородина – Николая Гумилёва. Ни в чём никакой расплывчатости, приблизительности, никакого двоедушия и лукавства в помыслах – ни перед читателем, ни перед собой. Ни перед Богом...» [2].

В.Н. Аношкина-Касаткина в книге «Православные основы русской литературы XIX века» отмечает, что

«личность писателя, творца художественных ценностей, прежде всего оказывается в сфере внимания литературоведа, понимающего свою науку как человековедческую, выявляющую сущностные основы людского моря жизни и, следовательно, вторгающуюся в метафизическую проблематику» [1, с. 3]. Таким образом, на примере стихотворения «Психическая атака», ставшего предметом исследования в

данной статье, выявляются не только мировоззренческие убеждения Л. Бородин, но и философские проблемы памяти, нравственные вопросы, связанные с русской культурой. Можно сделать вывод, что Россия для писателя – это оплот русского национального духа, оплот христианства; утверждать значимость произведения в формировании мировоззрения, опирающегося на национальные корни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аношкина-Касаткина В.Н. Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков дом, 2011. 384 с.
2. Архипов Ю. Ратоборец // Литературная газета. 2013. 10 апр.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986, С. 16.
4. Бородин Л.И. Психическая атака // Свободный московский журнал «Поиски». 1981. № 3. С. 199-201.
5. Бородин Л.И. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. Без выбора. М.: «Москва», 2013. 592 с.
6. Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН) [Электронный ресурс]. URL: <https://vshson.narod.ru/plb.html/> (дата обращения 06.01.2017)
7. Иванов И. Русское подполье. Пути и судьбы социал-христианского движения. М.: «Традиция», 2015. 376 с.
8. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 11 томах. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732-1764 гг. М.-Л.: Академия наук СССР, 1959. 1279 с.
9. Михайлова И.П. Первая мировая война в творчестве поэтов Курского края // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 75–82.
10. Шафаревич И.Р. «Я сын Руси с её грехами и благодатями её...». Предисловие // Бородин Л.И. Изломы. М.: Русло, 1992. 3 с.

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina V.N. Pravoslavnye osnovy russkoi literatury XIX veka [Orthodox foundations of Russian literature of 19th century]. Moscow, Pashkov dom, 2011. 384 p.
2. Arkhipov YU. Ratoborets [The mighty man]. In: *Literaturnaya gazeta* [Literaturnaya Gazeta], 2013, 10 Apr.
3. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity] Moscow, Iskusstvo, 1986. pp. 16
4. Borodin L.I. Psychic attack. In: *Svobodnyi moskovskii zhurnal «Poiski»* [Free Moscow journal "Poiski"]. 1981, no. 3, pp. 199-201.
5. Borodin L.I. *Sobranie sochinenii v 7 tomakh. T. 6. Bez vybora* [Collected works in 7 volumes. Vol. 6. Without a choice]. Moscow, Moskva Publ., 2013. 592 p.

6. *Vserossiiskii Sotsial-Khristianskii Soyuz Osvobozhdeniya Naroda (VSKHSON) [Elektronnyi resurs]*. [All-Russian Social-Christian Union for the liberation of the People (SCUFLOP) [Electronic resource]]. URL: <https://vshson.narod.ru/plb.html/> (request date 06.01.2017)
7. Ivanov I. *Russkoe podpol'e. Puti i sud'by sotsial-khristianskogo dvizheniya* [The Russian underground. The path and fate of the Social-Christian movement]. Moscow, Traditsiya Publ., 2015. 376 p.
8. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenii v 11 tomakh. T. 8. Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi 1732-1764 gg.* [Complete works in 11 volumes. Vol. 8. Poetry, oratorical prose, inscriptions 1732-1764 gg]. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ, 1959. 1279 p.
9. Mikhailova I.P. The 1st World war in the works of poets of Kursk region. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2014. no. 6. pp. 75-82.
10. Shafarevich I.R. "I am the son of Russia, with its sins and graces" Preface. In: *Borodin L.I. Izlomy* [Borodin L. Fractures]. Moscow, Ruslo Publ., 1992. 3 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Еремеева Юлия Александровна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: yul.eremeewa@yandex.ru

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Julia Eremeeva – post-graduate student of the department at the 20th century Russian literature at Moscow Region State University;
e-mail: yul.eremeewa@yandex.ru

Nelli Schedrina – doctor of Philological Sciences, professor at the department of the 20th century Russian literature at Moscow Region State University;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Еремеева Ю.А., Щедрина Н.М. Мировоззренческое credo автора в стихотворении Л. Бородина «Психическая атака» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 66-71.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-66-71

CORRECT REFERENCE

J. Eremeeva, N. Schedrina. Ideological credo of the author in "Psychic attack" poem by Leonid Borodin. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 66-71.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-66-71

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-72-79

ВНОВЬ ПОСТИГАЯ «ДВЕНАДЦАТЬ» А. БЛОКА

Захарова В.Т.*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина**(Мининский университет)**603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье осуществляется анализ сюжетной ситуации поэмы «Двенадцать», связанной с образами красногвардейцев и убийством Катки, что помогает глубже осознать истинную сущность произведения. Через сопоставление различных подходов к её пониманию и оценке выявляются смысловые коннотации, ранее не замеченные в литературоведении. Привлечены документальные свидетельства, помогающие понять и эволюцию отношения А. Блока к октябрьским событиям.

Ключевые слова: поэма «Двенадцать», полемическая направленность, образы красногвардейцев, романтика преобразования, разочарование.

COMPREHENDING «THE TWELVE» BY A. BLOK AGAIN

V. Zakharova*Nizhny Novgorod Kozma Minin State Pedagogical University (Minin University)**1, Ulyanova St., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950*

Abstract. This paper presents the analysis of the narrative situation of the poem «The Twelve», associated with images of Red Guards and the murder of Katka that helps deeper understanding of the true essence of the work. Through the comparison of various approaches to comprehension and evaluation of this situation revealed are meaning connotations that previously were not seen in literary criticism. The author drew documentary evidence that helps to understand the evolution of the view of Alexander Blok on October events.

Keywords: poem «The Twelve», a polemical thrust, the images of the soldiers of the revolution, the romance of transformation, the frustration.

Восприятие поэмы А. Блока «Двенадцать» отечественным литературоведением имеет свою парадоксальную историю. В советской литературе это произведение в течение семи десятилетий занимало почётное место как первая поэма, воспевающая Октябрьскую революцию. Правда, буквально во всех учебниках и научных трудах, ей посвящённых, делался мягкий упрёк поэту, «недопонявшему» революцию и слишком увлечшемуся пафосом разрушения, взвихренной, неуправляемой стихии.

В годы пересмотра исторических и культурных ориентиров акценты в трактовке поэмы контрастно переменились: то, за что упрекали Блока, стало препод-

носиться как свидетельство его прозорливости и постижения истинного смысла революции [9].

Полагаем, что обе эти полярные точки зрения имеют мало общего с истинным смыслом этого произведения – одного из самых загадочных в русской литературе XX века. Ключ же к его разгадке следует искать только в нём самом, и помогает это сделать анализ поэтики, а также косвенные свидетельства: публицистика, переписка и дневниковые записи А. Блока периода создания поэмы. Как верно отмечено Л.А. Смирновой, «многократно острее, болезненнее, самокритичнее и глубже, чем многие другие его современники, воспринял А. Блок время тревожных смещений 1917 г.» [16, с. 357].

Покажем один из возможных путей исследования. Прежде всего, необходимо уяснить, что динамика отношения поэта к революции имела свою романтическую и одновременно конкретно историческую логику. И воплотившиеся в поэме настроения поэта – это настроения именно периода января 1918 года, т.е. первых месяцев революции. Верно понять их помогают воспоминания биографов о том, что события Октября Блок «встретил радостно, с новой верой в очистительную силу революции. Ему казалось, что старый мир действительно рушится, и на смену ему должно явиться нечто новое и прекрасное» [1, с. 172]. Подобными чувствами проникнута и известная статья Блока «Интеллигенция и революция» с призывом «слушать музыке революции», и письма к матери, к жене, с тоской о том, что «ни один интеллигентный человек не разделяет его понимания происходящих событий и их величия» [7, с. 458], с убеж-

дённостью в том, что интеллигенция не имеет права «дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и много знающий революционный народ» [5, с. 444]. Проникнуты поразительным доверием к совершаемому и многие записи Блока в дневниках, венчающиеся очень личностным признанием: «...наша революция» [4, с. 469]. **Следует подчеркнуть, что к подобному восприятию народного волеизъявления Блок шёл всю сознательную жизнь, проникнутую его кровной «темой о России».**

Полагаем, что только исходя из понимания такой гражданской позиции поэта можно понять истинный смысл поэмы «Двенадцать».

Тогда становится ясно, что для красногвардейского патруля, вышедшего в ночь охранять завоевания революции и представляющего собой организованную революционную силу, совершенно неуместны такие обозначения, как «буйная ватага», «анархизирующая вольница», применявшиеся в советский период [15, с. 367]. Ведь с самого начала, в третьей главке, в поэме заявлено: «Как пошли наши ребята в красной гвардии служить...» [3, с. 236]. Правда, перед этим, во второй главке, читаем: «В зубах цигарка, примят картуз, на спину б надо бубновый туз» [3, с. 235]. Однако, если учесть приём многоголосицы, который использует здесь Блок, и ассоциативную связь с предшествующей главкой, то почему не предположить, что такими, почти каторжниками, они видятся именно представителям старого мира, для которых ветер революции враждебен? Мы также должны учитывать и полемическую направленность поэмы: её пафос построен на излюбленном поэ-

том принципе столкновения контрастов: взяты люди, на первый взгляд, даже страшные в своей темноте и неотёсанности, и именно они оказываются достойными для возведения в ранг героев, ибо они – творцы революции. (Об этом убедительно сказано в работах, связанных с проблемой школьного преподавания литературы) [11; 12; 18].

Всё же сегодня такая мысль трудно даётся современному читателю, однако дело обстоит именно так. И доказательство тому в развитии сюжета поэмы, где очень своеобразно представлена эволюция её героев. Связана она, в первую очередь, с историей Петрухи и Катьки, имеющей важнейшее значение для понимания смысла поэмы.

В центре событийного ряда произведения – гибель Катьки, невинной жертвы революции. Исполненные страстью социального мщения («Был Ванька наш – а стал солдат» [3, с. 236]) и проявившие здесь явный анархизм красногвардейцы, устроившие самосуд над Ванькой, не заметили, как в перестрелке погибла Катька. Оторопевший Петька сначала произносит нечто грубовато-самозащитное, да и обстоятельности, эпохальное чувство долга перед революцией как бы закрывают перед нами его истинные чувства: «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!» [3, с. 236].

По сути, Блок открыто подставляет себя под удар со стороны тех кругов интеллигенции, кто видел в революции только её «гримасы». Ведь здесь, на первый взгляд, явно прочитывается мысль о незначительности отдельной человеческой личности перед лицом высокой задачи защиты революции от классовых врагов (и в этом узнаваема

страшная мысль идеологов карающей политики последующих лет). Получается, что Блок, отвечая тогдашним противникам революции, пророчески отвечал и тем, кто исказит её облик, каким он тогда представлялся поэту, в будущем.

Но в чём же заключался его ответ? Он – в понимании произошедшего с Петрухой.

В литературоведении бытовали весьма противоречивые суждения по поводу этой сюжетной линии поэмы. А. Горелов убедительно полемизировал с теми, кто считал чувства и переживания Петьки ошибкой, недостойной бойца (мнение С. Штут, З. Минц), или же приходит к выводу, что Блок свёл личную драму Петрухи «на нет», что «вся эта драматическая история любовных отношений – только каркас поэмы, а не её плоть» (мнение В. Орлова) [10, с. 420].

Петруха, нечаянно убивший Катьку, испытывает тяжкие душевные муки.

Прав А. Пьяных, считавший, что «лирическая исповедь Петрухи обнаружила в нём пробуждение одухотворённого начала» [14, с. 65]. Эту мысль Блоку нужно было утвердить и для того, чтобы романтически-приподнято изобразить любовь простого человека, и для того, чтобы показать высокий смысл революции, как он его тогда понимал. Причём важнейшую роль здесь играет и собирательный образ товарищей Петрухи. Их реакция на его страдания трогательна и человечна.

В исследованиях советских лет понимание этого эпизода было совершенно иным. Пытаясь доказать несущественность драмы Петьки, обычно опирались на слова красногвардейцев:

«Не такое нынче время, чтобы нянчиться с тобой» [3, с. 240]. Но ведь данные слова как раз и свидетельствуют об остроте конкретного исторического момента, а не имеют глобального смысла, что очень важно понять. «Нянчиться» с человеком, сочувствовать его горю – от этого герои Блока не отказываются *совсем*, просто сейчас, в их тяжёлое время, они чувствуют, что это может расслабить их товарища, а впереди – «потяжеле будет бремя...» [3, с. 240].

А дальше в поэме следует один из самых интересных её эпизодов, психологическая тайна которого до сих пор полностью не разгадана. Именно этот эпизод, начинающийся словами «Эх, эх! Позабавиться не грех! Запирайте этажи, нынче будут грабежи!» [3, с. 240], дал основание многим литературоведам утверждать, что Блок «...изображает революцию прежде всего как бушующую стихию, он видит в ней главным образом её внешнюю, разрушительную сторону [17, с. 141].

Но ведь эти строки находятся в определённом психологическом контексте: выражают надсадно-тоскливое, отчаянное настроение Петрухи после убийства Катьки, причём именно настроение, отнюдь не реализующееся в анархическом действии! Более того, под влиянием товарищей оно трансформируется у Петьки в более чёткое осознание революционного долга: «Вперёд, вперёд, рабочий народ!» [3, с. 241]. Докажем это.

Вот первая реакция Петрухи на сочувственно-подбадривающие слова товарищей: «И Петруха замедляет топтливые шаги... Он головку вскидывает, он опять повеселел!...» [3, с. 240]. Если считать на этом страдания Петь-

ки благополучно завершёнными, а всё дальнейшее («Отмыкайте погреба – гуляет нынче голытьба!» [3, с. 240]) – действительным проявлением анархической разнузданности блоковских героев, как это и принято, то выяснится, что при этом искажается самая суть гуманистической мысли поэта, да и глубина проникновения Блока в психологию своих героев окажется не обнаруженной. Но слишком мало стоили бы страдания Петьки, если бы так легко было на них поставить точку. Действительно, поэт принимает бой в невыгодных для себя условиях: он постоянно подставляет себя под удары, и мы, обманутые кажущейся прозрачной «лёгкостью» прочтения, все наносим их...

Присмотримся: всё не так примитивно-просто с Петрухой. Он «повеселел», но как? Его рвущееся наружу отчаяние ищет себе разудалого выхода, воплощающего в себе что-то вроде разинского начала, с его угрозой социального мщения («Уж я ножичком полосну, полосну!» [3, с. 240]), буйного стремления утопить своё горе в вине («Отмыкайте погреба...» [3, с. 240]). И какая же безмерная человеческая тоска прорывается сквозь этот жгучий монолог (а слова эти и есть не что иное, как именно внутренний монолог страдающего Петрухи: «Ох ты, горе-горькое! Скука скучная, смертная!» [3, с. 240]). И образ незабвенной Катьки здесь надо всем: «Выпью кровушку за зазнобушку-чернобровушку... Упокой, Господи, душу рабы твоя...» [3, с. 240].

На гребень высокой эмоциональной волны возносит здесь поэт своего читателя, который должен поверить в силу страдания его героя. Но ещё

раньше он, тонкий психолог, заставил нас, как мы убедились, поверить товарищам Петрухи, их способности поддерживать его в трудное время, ощущая веление высшего долга. Последний они ощущают постоянно. Недаром же в поэме повторяется строгий песенный рефрен: «Вперёд, вперёд, рабочий народ!». Поэтому для нас не должны быть неожиданными слова, которыми открывается предпоследняя, 11-я глава: «...И идут без имени святого все двенадцать – вдаль» [3, с. 242]. Для самого сомневающегося читателя Блок дал здесь слово-«ключик», словно под сказку, чтобы всё стало на свои места, подчеркнув: «все двенадцать...» курсив мой. – В. З.) Именно все! С Петрухой вместе! Однако и по сей день ещё нужно доказывать, что в поэме после нечаянного убийства Катки никого не грабят и не убивают. Даже современное прочтение поэмы, с верными представлениями о духовном перерождении героя, даёт пример «остановки на полпути»: «Но сейчас Петруха чувствует себя уже не как «я», а как «мы» (гуляющая голытьба)» [13].

Сегодняшнее прочтение поэмы во многом осложняется из-за сложившегося восприятия революции благодаря публикациям из потока «возвращённой литературы», среди которых «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Окаянные дни» И. Бунина, «Петербургский дневник» З. Гиппиус, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, «Апокалипсис нового времени» В. Розанова. В связи с этим следует отметить два момента.

Первое: блоковская «осанна» Октябрю имела не только романтическую окраску с утопическими надеждами, но и питалась впечатлениями

конкретно-историческими, современному читателю не вполне известными. Дневники и письма А. Блока 1917 года пестрят заметками о «необычайно образцовом» порядке в Петербурге, поддерживаемым революционным народом. Стоит сослаться и на впечатления многих очевидцев, писавших о бескровности штурма Зимнего, о спокойствии и порядке в городе, продолжавшего свою мирную жизнь с театральными сезонами и ёлками для детей в эту революционную зиму. Так, американская журналистка Бесси Битти, бывшая вместе с Джоном Ридом и Альбертом Рисом Вильямсом в Петрограде в ночь октябрьских событий, писала, в частности: «Этот и следующий день в городе царил абсолютное спокойствие и порядок, какие Россия знала лишь в первые дни мартовской революции, когда всё население находилось в состоянии экзальтации, свободной от всяких эгоистических стремлений. Всем солдатам было разъяснено, что в их руках находится честь новой революции... Им внушали, что необходимо было воздерживаться от всякого насилия и не допускать каких-либо грабежей. На домах были развешаны плакаты, призывавшие принимать меры предосторожности против беспорядков, на всех перекрёстках стояли солдатские патрули» [2, с. 57].

Второе: следует очень внимательно подходить к анализу динамики блоковского отношения к революции после написания поэмы. Факт искреннего, безоглядно-доверчивого, романтически-приподнятого восприятия поэтом Октября не должен вызывать сомнений у чуткого читателя. Но ведь совсем скоро поэт замолчал, замолчал навсегда, не написав уже больше ниче-

го до самой своей смерти, последовавшей спустя три года.

Косвенный ответ на причины его молчания можно найти в россыпях публицистики последних лет. Так, в «Юбилейном приветствии М. Горькому» в марте 1919 г. **отчётливо** **ощути**мы следы разочарования. Блок писал, повторяя слова Гоголя: «Если и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром? Только музыка способна остановить кровопролитие, которое становится тоскливой пошлостью, когда перестаёт быть священным безумием» [8, с. 326]. **Однако надежды поэта, во**очию убедившегося, как далеко зашло «священное безумие», на умиротворяющую роль искусства оказались непрочны.

Уже в июле 1919 г. он напишет в «Чукоккале» поразительное признание, ставшее достоянием читателей только в конце 1980-х годов: «...память моя заржавела, а новых звуков давно не слышно. Все они приглушены для меня, как, вероятно, для всех нас. Я не умею себя заставить вслушиваться, когда чувствую себя схваченным за горло, когда ни одного часа, дня и ночи, свободного от насилия полицейского государства нет, и когда живёшь со сцепленными зубами. Было бы кощунственно и лживо припоминать рассудком звуки в беззвучном пространстве» [6, с. 72].

Вероятно, именно жестокость постигшего поэта разочарования и стоила ему жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бекетова М.А. Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М.А. Воспоминания о Блоке. М.: Правда, 1990. 672 с.
2. Битти Б. Красное сердце // Наше наследие. 1988. №1. С. 51-62.
3. Блок А. Двенадцать // Блок А. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М.: Библиотека «Огонёк», изд-во «Правда», 1971. 414 с.
4. Блок А. Запись в дневнике от 11 января 1918 г. // «Я лучшей доли не искал». Судьба Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М.: Правда, 1988. 560 с.
5. Блок А. Запись в дневнике от 19 июня 1917 г. // «Я лучшей доли не искал». Судьба Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М.: Правда, 1988. 560 с.
6. Блок А. Ответ на стиховедческие вопросы К. Чуковского / Неопубликованные автографы из «Чукоккалы» // Наше наследие, 1989. № 4. С. 69-76.
7. Блок А. Письмо к матери от 19 июня 1917 г. // «Я лучшей доли не искал». Судьба Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М.: Правда, 1988. 560 с.
8. Блок А. Юбилейное приветствие М. Горькому // А. Блок. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905-1921. Л.: Худож. лит, 1982. 462 с.
9. Вильчек В. Эпиграф столетия // Знамя. 1991. № 11. С. 219-229.
10. Горелов А. Проза над соловьиным садом. Л.: Советский писатель, 1973. 608 с.
11. Зуев Н. Пушкинские традиции в последних произведениях А. Блока // Литература в школе. 2002. № 3. С. 17-22.
12. Карпович Н.В. Размышления о поэме А.А. Блока «Двенадцать» // Литература в школе. 2000, № 8. С. 27-30.
13. Подшивалова Е.А. Поэма «Двенадцать» в контексте историософских размышлений А. Блока // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 3. С. 153-165.
14. Пьяных М. Слушайте революции: Поэзия Александра Блока сов. эпохи: пособие для учителя: Анализ поэм «Двенадцать» и «Скифы». М.: Просвещение, 1980. 142 с.

15. Русская советская литература: учебник для 10 класса / под ред. В.А. Ковалёва. Изд. 9-е, дораб. М.: Просвещение, 1885. 400 с.
16. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX – начала XX века: учебник для студентов пед. ин-тов и ун-тов. М.: Лаком-книга, 2001. 383 с.
17. Тимофеев Л.И. Творчество А. Блока. М.: АН СССР, 1963. 199 с.
18. Трубина Л.А. «Верю в Россию»: Историко-философские символы Блока и Белого // Литература в школе. 2001. № 5. С. 19-26.

REFERENCES

1. Beketova M.A. Alexander Blok. Biographical sketch. In: *M.A. Beketova. Vospominaniya o Bloke* [M. Beketova. Memories of Blok]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 672 p. (in Russ.)
2. Bitti B. Red heart. In: *Nashe nasledie* [Our heritage]. 1988, no. 1, pp. 51-62. (in Russ.)
3. Blok A. Twelve. In: *A. Blok. Sobranie sochinenie v 6 t. T. 3* [A. Blok. Collected works in 6 vols. Vol. 3]. Moscow, Ogonek library, Pravda Publ., 1971, 414 p. (in Russ.)
4. Blok A. Journal entry of January 11, 1918. In: *«Ya luchshei doli ne iskal». Sud'ba Bloka v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniyakh* [«I haven't look for a better life»: Blok's fate in letters, journals, memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 560 p. (in Russ.)
5. Blok A. Journal entry of June 19, 1917. In: *«Ya luchshei doli ne iskal». Sud'ba Bloka v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniyakh* [«I haven't look for a better life»: Blok's fate in letters, journals, memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 560 p. (in Russ.)
6. Blok A. The answer to questions of versification by K. Chukovsky. In: Unpublished autographs of "Chukokkala". In: *Nashe nasledie* [Our heritage]. 1989, no. 4, pp. 69-76. (in Russ.)
7. Blok A. Letter to mother dated June 19, 1917. In: *«Ya luchshei doli ne iskal». Sud'ba Bloka v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniyakh* [«I haven't look for a better life»: Blok's fate in letters, journals, memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 560 p. (in Russ.)
8. Blok A. Anniversary greetings to Maxim Gorky In: *A. Blok. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4. Ocherki. Stat'i. Rechi. 1905-1921.* [A. Blok. Collected works in 6 vols. Vol. 4. Essays. Article. Speech. 1905-1921]. L., Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, 462 p. (in Russ.)
9. Viľček V. The epigraph of the century. In: *Znamya* [Banner]. 1991, no. 11, pp. 219-229. (in Russ.)
10. Gorelov A. *Groza nad solov'inym sadom* [Storm over the nightingale's garden]. L., Sovetskii pisatel', 1973, 608 p. (in Russ.)
11. Zuev N. Pushkin's tradition in the latest works of A.Blok. In: *Literatura v shkole* [Literature in school]. 2002, no. 3, pp. 17-22. (in Russ.)
12. Karpovich N.V. Reflections on the A.Blok's poem «Twelve». In: *Literatura v shkole* [Literature in school]. 2000, no. 8, pp. 27-30. (in Russ.)
13. Podshivalova E.A. The poem "Twelve" in the context of historiosophic reflections of Alexander Blok. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. 2008, no. 3, pp. 153-165. (in Russ.)
14. P'yanykh M. *Slushaite revolyutsiyu: Poeziya Aleksandra Bloka sov.epokhi: posobie dlya uchitelya: Analiz poem «Dvenadsat'» i «Skify»* [Listen to the revolution: Alexander Blok's poetry of soviet era: textbook for teacher: analysis of poems «The Twelve» and «Skifs»]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980, 142 p. (in Russ.)
15. Russkaya sovetskaya literatura: uchebnik dlya 10 klassa [Soviet Russian literature: textbook for 10th grade]. Ed. 9th, rev. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1885, 400 p. (in Russ.)
16. Smirnova L.A. *Russkaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka: uchebnik dlya studentov ped. in-tov i un-tov.* [Russian literature of late 19th – early 20th century: a textbook for students of pedagogical institutes and universities]. Moscow, Lakom-kniga Publ., 2001, 383 p. (in Russ.)

17. Timofeev L.I. *Tvorchestvo A.Bloka* [The works of A. Blok]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 199 p. (in Russ.)
18. Trubina L.A. "I believe in Russia": the Historical-philosophical symbols of the Block and White. In: *Literatura v shkole* [Literature in school]. 2001, no. 5, pp. 19-26. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Виктория Трофимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, директор научно-образовательного центра «Аксиология славянских культур»;
e-mail: victoriazaharova95@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria Zakharova – doctor of Philological Sciences, professor at the department of Russian and foreign Philology at Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), director of scientific-educational center «Axiology of Slavic cultures»;
e-mail: victoriazaharova95@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Захарова В.Т. Вновь постигая «Двенадцать» А. Блока // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 72-79.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-72-79

CORRECT REFERENCE

V. Zakharova. Comprehending «The Twelve» by A. Blok again. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 72-79.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-72-79

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-80-88

ФУНКЦИИ ПЕЙЗАЖА В ИЗОБРАЖЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ МИРА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА»

Климчукова В. Н.

Московский государственный областной университет.

105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена прояснению функций пейзажа в художественном мире И.А. Бунина. В рассказе «Сны Чанга» глубокие чувства и переживания героев обрамляют пейзажные картины морской стихии, которые не только отражают психологическое состояние героев, но и выражают философскую, мировоззренческую концепцию автора. Море у Бунина – это некий живой организм, существующий на земле по своим законам, подвластным только высшим силам. Пароход, плывущий по океаническим водам, предстаёт перед нами как крохотная щепочка, не подозревающая о своей ничтожности. Так и человек бессилен перед мощью бытия. Одновременно Буниным утверждается мысль о необходимости духовного развития личности, как единственно возможной силе, противостоящей деградации и распаду.

Ключевые слова: И.А. Бунин, пейзаж, любовь, правда, человеческое бытие, буддизм, христианство, духовность.

LANDSCAPE FUNCTIONS IN THE IMAGE OF WORLD'S CONTRADICTIONS IN I. BUNIN'S STORY "CHANG'S DREAMS"

V. Klimchukova

Moscow Region State University

10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. Article is devoted to clarifying the functions of landscape in I. Bunin's art world. In the story "Chang's Dreams" deep feelings and experiences of characters are framed by landscape patterns of sea elements which not only reflect a psychological state of characters, but also express the philosophical world outlook of the author. The Bunin's sea is a kind of a living organism that exists on the earth by its laws and dependent only on the higher forces. The steamship that floats in oceanic waters, appears to us as the tiny speck which has no idea about its insignificance. Same way is a human powerless before power of life. At the same time Bunin approves thought of need of spiritual development of a personality, as the unique force that resists degradation and decay.

Keywords: I. Bunin, landscape, love, truth, human life, Buddhism, Christianity, spirituality.

Рассказ «Сны Чанга» выделяется из всех произведений, созданных И.А. Буниным в предреволюционный 1916 год. По справедливому замечанию Л.А. Смир-

новой, только этот рассказ, в отличие от других, написанных в данный период, «оваян жаждой передать трагическое противостояние света и тьмы, счастья и горя, красоты и уродства» [4, с. 106].

Произведение посвящено судьбе человека, потерявшего ориентиры, заблудившегося в океане жизни. Единственным спутником капитана остаётся его преданная собака Чанг. Повествование ведётся сквозь призму восприятия животным своего хозяина и мира в целом. Данная манера изложения позволила автору рассказать о всех перипетиях судьбы героя как бы со стороны, но при этом осмыслить всё случившееся изнутри.

Понятие «сон», вынесенное в название произведения, здесь тоже носит особый характер. Так передано состояние Чанга, для которого пребывание во время бодрствования и дрёмы неразрывно соединено с постижением личности хозяина, его философии. Рассказ о настоящем как будто укутан туманом: это и туман над морем, и замутившееся от алкоголя сознание капитана, и «сны» собаки... Сочно, выразительно переданы лишь картины прошлой жизни капитана. Так нарушается обычное представление: минувшее далеко, поэтому призрачно, размыто, день сегодняшний ярок и светел. Повествование усложняется и тем, что о вечных вопросах бытия рассуждают и капитан, и Чанг, и сам автор. Смещение временных пластов, запутанность изложения – свидетельство сложности бытия, невозможности найти героями однозначного ответа на поставленные судьбой вопросы.

Рассказ открывает рассуждение: «Не всё ли равно про кого говорить?

Заслуживает того каждый из живших на земле» [1, с. 549]. Такой зачин согласуется с идейно-философской направленностью произведения, обращённого к осмыслению противоречий земного существования и восприятию некоторых положений даосизма о «единстве жизни». Следует отметить, что в «Снах Чанга» нет однозначной оценки восточной мудрости. Условная форма повествования, когда разумная собака рассуждает о сложных проблемах, усиливает парадоксальность воссозданной атмосферы. Проступают неопределённость, размытость взглядов на сущее. Но автор находит возможность средствами художественной изобразительности дать очевидное, точное его истолкование.

В «Снах Чанга» о древнем учении Востока говорится лишь два раза, причём в оценке самого капитана: «... знаешь ли ты, что такое Тао <...>? Бездна-Праматерь, она же родит и поглощает и, поглощая, снова родит всё сущее в мире, а иначе сказать – тот Путь всего сущего, коему не должно противиться ничто сущее» [1, с. 556]. Главное положение даосизма – всеобщий закон природы, начало, порождающее мир форм. Всё сущее произошло от Дао, чтобы затем, совершив круговорот, снова в него вернуться. Дао – это не только исток, но и конечная цель, завершение бытия.

Непостижимую истину ищет бунинский капитан, запутавшийся в омуте собственных противоречий, в необъяснимых поступках его близких, он всё время мечется между двумя правдами, пытаясь найти абсолютную для себя: «Было когда-то две правды на свете, постоянно сменявших друг друга: первая та, что жизнь несказан-

но прекрасна, а другая – что жизнь мыслима лишь для сумасшедших» [1, с. 551]. Однако такой взгляд тоже поставлен под сомнение автором.

Описываемым событиям в рассказе автор отвёл шесть лет. За этот отрезок времени резко изменилась судьба моряка, а вместе с ней приобрело и другую направленность его мировоззрение. В период своего плавания на корабле он воскликнул: «А как же великолепна жизнь, Боже мой, как великолепна!» [1, с. 557]. Тогда капитан был счастлив, потому что любил, был полностью поглощён этим величайшим из человеческих чувств. Радостное мироощущение передано символическими красками природы. Неоднократно возникают в рассказе чарующие пейзажи. Они насыщены разными, соответственно местности колоритом и деталями, но все передают красоту, силу, величие окружающих человека просторов. Чангу «не то снится, не то думается» ... «Да, помню: хорошо было жить в жаркий полдень в Красном море!.. О, сколько было света, блеска, синевы, лазури!» [1, с. 559]. Во сне чудится собаке «ясное небо летнего утра и быстро идущего из-под трапа, из машинного отделения, капитана, размытого и выбритого, благоухающего свежестью одеколона, с поднятыми по-немецки русыми усами, с сияющим взглядом зорких светлых глаз, во всём тугом и белоснежном» [1, с. 554]. Удивительно светлый пейзаж зримо передаёт восхищение капитана окружающим его миром, своей жизнью и всем сущим на земле. Несказанно радостно и Чангу видеть своего хозяина во всём великолепии: молодого, грациозно идущего, свежего, надушенного, с ясным взором и блеском в глазах.

Передаваемые впечатления от давно ушедшего в прошлое плавания играют, на первый взгляд, чисто содержательную роль, конкретизируют обстановку, в которой находится капитан, его внутреннее состояние. Тем не менее, как часто бывает в произведениях Бунина, в весьма пространных описаниях столько отражено «света, блеска, синевы, лазури», так сияет «ясное небо» или лучи «невысокого солнца», что не остаётся сомнения в том, что везде выражено авторское восхищение редкой земной красотой. Даже аравийской пустыне, где «чёрно-коричневые горы», чьи пики «похожи на горы мёртвой планеты», свойственны радужные детали – здесь всё «засыпано сухим золотом» [1, с. 554-555]. Земля, как часть вселенной, несёт в себе исключительную силу и гармонию. А человек лишь в краткие мгновения счастья замечает природное великолепие, а сам лишён этого высшего совершенства.

Нарастают сомнения в душе главного героя, и по мере их нарастания в сознании возникают совсем иные по колориту картины. Постепенно взгляд капитана покрывается печально-мутной пеленой, что подчёркивает символика вечернего солнца: он «смотрел далеко за море, на закат <...>, на винно-красное, лишённое лучей солнце, которое, коснувшись мутного горизонта, вдруг вытянулось и стало похоже на тёмно-огненную митру. <...> Быстро бежал пароход вдогонку за ним, так и мелькали за бортом гладкие водяные горбы, отливающие сине-лиловой шагренью, но солнце спешило, спешило, – море точно втягивало его» [1, с. 559].

Приближаются страшные перемены в жизни капитана. Его мучитель-

ные переживания по этому поводу воссозданы ассоциацией с заходящим солнцем. Как и оно, главный герой словно погружается в морскую пучину. Наступающий мрак символизирует одиночество и печаль в душе героя; а разбушевавшийся ветер в ночном море – знак приближающейся беды. Однако не только уточнению психологических процессов служит эта сцена.

Нечто безысходное читается в описании видимой капитаном картины. Гармония жизнеутверждающей земной природы вдруг сменилась угрозой неведомой силы, несущей тьму. В подтексте такого пейзажа ощущается прямо не выраженное, но осязаемое противление представлению восточной философии «единства жизни», подчиняющего себе все живые существа. Сам некогда такой гармоничный природный мир несёт в своих глубинах некую адскую энергию. Писатель будто сопоставляет это состояние с душевным переломом капитана и сопереживает ему. Смирения человека с обрушившимся на него горем не было, да и не могло быть. Вот почему в рассказе есть отказ капитана от веры в справедливую милость «Бездны-Прамати». Смена его ощущений отражена в восклицании «как же великолепна жизнь, Боже мой, как великолепна!», которое сменяется противоположным утверждением: «Жутко жить на свете!». Л.А. Смирнова подчеркнула: «В атмосфере распада духовных контактов начинается раздвоение личности, угасание первоначально прекрасного. Ширится в повествовании болезненно выстраданный писателем вывод, вызывая всё новые символические картины смешения сна и действительности в сознании неуверенного в себе

человека, как бы подстерегающий его “слепой и тёмной”, “глухо бунтующей бездны”» [4, с. 108-109]. Думается, личная трагедия капитана представляется автору рассказа общим жестоким законом бытия.

Более того, в самой природной стихии угадываются таинственные силы, притягивающие и одновременно пугающие безграничной мощью. Этот мотив выражен в другом эпизоде, удивительной красочности и глубокого смысла: «Ночь настала, страшная и великолепная. Она была чёрная, тревожная, с беспорядочным ветром и с таким полным светом шумно взметывавшихся вокруг парохода волн, что порою Чанг, бегавший за <...> капитаном, с визгом отскакивал от борта. <...> Ветер с разных сторон сильно и мягко бил из темноты в морду Чанга. Раздувал и охлаждал густой мех на его груди, и, крепко, родственно прижимаясь к капитану, обонял Чанг запах как бы холодной серы, дышал взрытой утробой морских глубин, а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то великой и несказанно свободной силой, и он качался, качался, возбуждённо созерцая эту слепую и тёмную, но стократ живую, глухо бунтующую Бездну» [1, с. 560].

Мрачные, пугающие процессы в «бунтующей Бездне» переданы, на первый взгляд, с опорой на восприятие собаки, а на деле они усилены и весьма усложнены автором: «Чанг <...> видел, как бороздили чёрную плащаницу моря вспыхивающие и гаснущие полосы белого пламени, <...> как оттуда прибегала порою и с грозным шумом вырастала выше борта и заглядывала в каюту страшная живая волна, – некий сказочный змей, весь насквозь светив-

шийся самоцветными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами, и как пароход отталкивал её прочь и ровно бежал дальше, среди тяжёлых и зыбких масс этого довременного, для нас уже чуждого и враждебного естества, называемого океаном...» [1, с. 561-562].

Здесь наиболее убедительно выражена позиция самого писателя. Он увидел в неведомой стихии океана «довременное естество», то есть исконную, вечную опасность для человеческой жизни. Одновременно художник был покорён красотой могучего движения «живой волны» – «сказочного змея, светившегося самоцветными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами». Эти детали эпизода указывают на иное, по сравнению с даосизмом, освещение таинственного бытия «бунтующей Бездны».

А.А. Моторина заметила: «В основе творчества Бунина лежит чувственное восприятие мира и умение точно отобразить воспринятое» [2, с. 86]. Думается, что художнику было важно не только передать фотографическую точность увиденного, но и выразить в картинах окружающего бытия своё представление о мире. Разбушевавшаяся морская стихия, своеобразно обрамляя чувства и переживания героев, помогает читателю постичь философский смысл рассказа «Сны Чанга». Море у Бунина – это некий живой организм, хаотическая энергия, существующая на земле по своим законам, подвластная только высшим силам, далёким от представлений обычного человека. Пароход же представляется ничтожно малым, не подозревающим о своей немогущности перед пастью «Бездны-Праматери».

В рассказе образ океана исполнен особенной художественной выразительности и глубокой философичности. В нём ощущается материнская первооснова, которая непосредственно связана с всеобъемлющим понятием Дао. Это и есть ключ к толкованию двойственного начала морской стихии. Однако у Бунина она доведена до предела – до страшной и грозной силы «Бездны-Праматери». В древнем китайском учении не было столь трагичной трактовки вечного круговорота и столь жадного стремления к прекрасному.

Писатель разграничивает жизнь капитана на два периода: до измены его жены и жизнь после расставания с ней. Брошенный муж стремился понять произошедшие с ним события: «Главная штука ведь в чём? *Когда кого любишь, никакими силами никто не заставит тебя верить, что может не любить тебя тот, кого ты любишь*» [1, с. 557]. Но он так и не смог ответить на поставленные судьбой вопросы. Его единственное верное наблюдение – это признание самому себе в том, что ни он, ни его супруга не раскрыли сущности друг друга. Отсюда и проистекает разочарование, отчаяние, позже озлобленность капитана. Сочувствуя своему герою, Бунин в рассказе обобщает это состояние людей: «Да ведь все мы говорим “не знаю, не понимаю” только в печали; в радости всякое живое существо уверено, что оно всё знает, всё понимает» [1, с. 559].

С потерей любви гаснет душа капитана. Происшедшая драма снова оттенена Буниным средствами пейзажа и соответствующего ему интерьера: «...довольно мрачная улица, на чердаке пятиэтажного дома <...>. Потолок

у Чанга с капитаном низкий, комната большая и холодная, в ней всегда, кроме того, сумрачно: два окна, пробитые в наклонной стене-крыше, невелики и круглы, напоминают корабельные. Между окнами стоит что-то вроде комода, а у стены налево старая железная кровать; вот и всё убранство этого скучного жилища, если не считать камина, из которого всегда дует свежим ветром» [1, с. 550]. Даже погода отражает внутреннее ощущение капитана и безгранично преданного ему пса: «Погода злая, мрачная, много хуже даже той, китайской, когда Чанг с капитаном встретили друг друга. <...> За гаванью, тоже опустевшей, за туманным от снега заливом слабо видны голые степные берега. Мол весь дымится густым серым дымом: море с утра до вечера переваливается через мол пенистыми чревами...» [1, с. 550]. Причина душевного упадка личности ясна: «Вот уже два года, изо дня в день, занимаются Чанг с капитаном тем, что ходят по ресторанам. Там они пьют, закусывают <...> среди шума, табачного дыма и всякого зловония» [1, с. 557]. Капитан, потерявший главный ориентир в жизни – свою любовь, меняет свой курс, но в ложном направлении. Теперь он не плавает по морям, а блуждает по страшному болоту, поглотившему его целиком, а вместе с ним и Чанга. Это болото обывденной жизни называется унынием, которое ежедневно залива-ется водкой до состояния полного забытья. Хочется вспомнить слова священника Константина Островского: «Дух уныния старается опустошить душу, и часто одержимый этим духом усердно предаётся внешней деятельности, а молитвенное общение с Богом ему становится тягостным до отвра-

щения. <...> уныние <...> делает бессмысленной жизнь человека» [3, с. 71]. Именно состояние уныния рождает у капитана «вторую правду жизни», вызванную опьянением. Этот своеобразный уход от реальной действительности помогает ему на какое-то время забыть о своём горе. Однако память у человека отнять нельзя, она пробивается из-под уже замутнённого сознания и не даёт покоя и без того много пережившему сердцу капитана. Во сне он восклицает: «Да, да! “Золотое кольцо в ноздре свиньи – женщина прекрасная!” Трижды прав ты, Соломон Премудрый!» [1, с. 562].

Единственным трезвомыслящим человеком в произведении можно назвать художника – давнего друга спившегося капитана, о котором почти ничего не сказано. Продолжая своё прозябание в низкопробных ресторанах, главный герой в очередной раз уверяет приятеля в том, что «всё это ложь и вздор, чем будто бы живут люди: нет у них ни бога, ни совести, ни разумной цели существования, ни любви, ни дружбы, ни честности, – нет даже простой жалости. Жизнь – скучный, зимний день в грязном кабаке, не более...» [1, с. 558].

Следует отметить, что высказывания капитана о таком существовании применимы только к его собственной жизни, ибо кроме мрачных, серых дней он не только ничего не видел, но и не хотел видеть и что-либо менять. Он отверг постулаты христианства, которые, безусловно, знал, т. к. был крещён, читал Закон Божий, поэтому достаточно легко воспроизводил цитаты из Библии (в тексте рассказа капитан произносит строки из Книги Иова, Книги Екклесиаста, или Проповедни-

ка). Увлечение восточной философией тоже было недолгим, он разочаровался в даосизме, проповедях Будды. Отсюда и безысходная трагедия, которая завершается смертью: «Проснувшись в одно зимнее утро, Чанг поражается великой тишиной, царящей в комнате. Он быстро вскакивает с места, кидается к постели капитана – и видит, что капитан лежит с закинутой головой, с лицом бледным и застывшим, с ресницами полуоткрытыми и неподвижными...» [1, с. 563]. Капитан умирает внезапно, так и не осознав трагичность своего положения. Но сам создатель этого образа открывает подлинную «третью правду», резко отличную и от смутных представлений обречённого человека, и от аскезы восточных верований.

Донести главное обобщение произведения снова помогают острые переживания собаки. На похоронах Чанг, сам чуть живой от горя, провожает капитана в последний путь. Писатель с чувством волнения и сопереживания говорит о неизбежной закономерности угасания всего сущего на земле. Смерть непреодолима, утверждает Бунин, и, отдавая дань памяти своего героя, автор рисует дивную картину, поразившую даже сердце собаки: «перед Чангом полутёмный готический чертог, красные звёзды огней, целый лес тропических растений, высоко вознесённый на чёрный помост гроб из дуба. Чёрная толпа народа, две дивные в своей мраморной красоте и глубином трауре женщины <...>, – а надо всем этим – гул, громы, клир звонко вопиющих о какой-то скорбной радости ангелов, торжество, смятение, величие – и всё собой покрывающие неземные песнопения» [1, с. 563]. Воз-

вышенная, торжественно-скорбная атмосфера словно сопровождает ушедшего. Всё слилось воедино: красота и траур, жизнь и смерть, гибель надежд и мысли о вечном...

Вдруг Чанга будто пронзает чувство и безмерной утраты, и душевного подъёма при виде художника, глаза которого переполнены мукой и одновременно ощущением неразрывной связи с потерявшим самого близкого человека животным: «и глаза их, полные слёз, встречаются в такой любви друг к другу, что всё существо Чанга беззвучно кричит всему миру: ах, нет, нет – есть на земле ещё какая-то, мне неведомая, третья правда!» [1, с. 564]. В финале рассказа усиливается авторский голос, доносящий мысль о том, что любовь – единственная сила, способная сотворить чудо, придать глубокий смысл земному бытию. Бунин убедительно говорит об этом чувстве, как вечном огне, живущем в сердце каждого живого существа, о специфике памяти, в том числе собачьей, способной хранить в себе единение с умирающим человеком: «Если Чанг любит и чувствует капитана, видит его взором памяти, того божественного, чего никто не понимает, значит, ещё с ним капитан; в том безначальном и бесконечном мире, что недоступен Смерти» [1, с. 564]. Л.А. Смирнова выделила основу концептуального видения писателя: «Всем своим творчеством Бунин отстаивал идею коренной перестройки духовного бытия. В “Снах Чанга” это сделано мудрой и уверенной рукой мастера, хотя путь подобного обновления подёрнут как будто непроницаемой тайной. И всё-таки предпринятый спор с вечными постулатами о трагической безысходности человеческой

жизни решается в пользу активизации сознания личности, открытия в её опыте возможностей, пусть недоступных в настоящем, противостоять силам распада. Здесь, равно как и в глубоком анализе слабой воли, шаткости идеалов, сосредоточено значение поиска художника» [4, с. 109].

Путём выстраданной Чангом и художником боли открыта великая истина – мир духовных ценностей, неподвластных законам краткого и обречённого на смерть существования. Здесь выражен главный для автора смысл рассказа. И не просто выражен, а удивительно ярко воплощён сочетанием разнохарактерных проявлений Прекрасного: обилием теней – «крас-

ных звёзд», освещающих помост с гробом капитана, появлением «двух дивных <...> женщин» и «неземным песнопением» погребального обряда. Уход из жизни капитана вызывает не только глубокое сочувствие к нему, но ощущение вины перед отвергнутым любимой, а затем оступившимся человеком. Поистине просветляющим горькую судьбу капитана моментом становится реакция его приятеля художника и Чанга. Острая боль от утраты друга пробуждает нетленную память о нём и неразрывное единение между собой. Мир, который «не доступен Смерти», по Бунину, и составляет эти духовные ценности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И.А. Собр. соч. в 4 томах. Т. 2. М.: Правда, 1988. 592 с.
2. Моторина А.А. Иван Бунин в интерпретации Никиты Михалкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 86-93.
3. Протоиерей Константин Островский. Умереть нам не удастся. Записки и проповеди. Красногорск: Успенский храм, 2001. 240 с.
4. Смирнова Л.А. Прозаики Серебряного века: монография / сост. и послесловие В.А. Скрипкиной. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 360 с.

REFERENCES

1. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. T. 2* [Collected works in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 592 p. (In Russ.)
2. Motorina A.A. Ivan Bunin in the interpretation of Nikita Mikhalkov. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2016, no. 3, pp. 86-93. (In Russ.)
3. Protoierei Konstantin Ostrovskii. *Umeret' nam ne udastsya. Zapiski i propovedi* [We will not be able to die. Notes and sermons]. Krasnogorsk, Uspenskii khram Publ., 2001, 240 p. (In Russ.)
4. Smirnova L.A. *Prozaiki Serebryanogo veka: monografiya* [Prose writers of the Silver century: monograph]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2014, 360 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климчукова Вера Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русской литературы XX века Московского государственного областного университета;

e-mail: klim.vn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera Klimchukova – candidate of Philological Sciences, head of the department of the Russian literature of the twentieth century at Moscow Region State University;
e-mail: klim.vn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Климчукова В.Н. Функции пейзажа в изображении противоречий мира в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 80-88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-80-88

CORRECT REFERENCE

V. Klimchukova. Landscape functions in the image of world's contradictions in I. Bunin's story "Chang's dreams". *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 80-88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-80-88

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96

ОБРАЗ СОПУТСТВУЮЩЕГО ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОЙ ПРИХОДСКОЙ ПРОЗЕ: ФУНКЦИИ И ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ

Леонов И.С.

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена феномену приходской прозы XXI века, в частности, специфике её персонажной системы. В рамках предлагаемой модели взаимодействия «пастырь – паства» выделяется особый тип *сопутствующего* персонажа, исследуются его функции и приёмы создания в произведениях современных православных писателей. Анализ базируется на материале очерков и рассказов протоиерея Александра Шантаева (цикл «Асина память»).

Ключевые слова: православная художественная литература, приходская проза, Александр Шантаев, персонаж.

THE IMAGE OF THE *COMPANION* CHARACTER IN THE MODERN PARISH PROSE: THE FUNCTIONS AND METHODS OF CREATING

I. Leonov

Pushkin State Russian Language Institute
6, Academician Volgin str., Moscow, Russian Federation, 117485

Abstract. The article reveals the phenomenon of the parish prose of the 21st century, in particular, the specifics of the system of its characters. In the frame of the model of “pastor – congregation” interaction, a special type of “companion” character is identified. The author analyzes its function in the narrative and the techniques of creation in the works of contemporary Orthodox writers. The analysis is based on the essays and stories of Archpriest Alexander Shantaev (The cycle “Asya’s memory”).

Keywords: Orthodox fiction, parish prose, Alexander Shantaev, character.

В настоящее время отмечается особый интерес филологической общественности к литературному творчеству православных священнослужителей. В научных работах (диссертациях, монографиях, статьях) поднимается вопрос о специфике данного течения современного литературного процесса, его идейно-тематическом и художественном своеобразии. Учёными предлагаются различные термины для обозначения исследуемого явления: «православная проза» [3], «иерейская проза» [1], «проза священников» [4] и т. д. Кроме того, анализируются типы сюжетов православной литературы, среди которых М.С. Краснякова выделяет паломнический, монастырский и семейно-бытовой [2]. Диссертаци-

© Леонов И.С., 2017.

онное исследование С.М. Червоненко [4] посвящено малым жанровым формам православной литературы и опирается на прозу священников Ярослава Шипова, Александра Дьяченко, архимандрита Тихона Шевкунова и др.

В наименьшей степени изученным следует признать одно из важнейших явлений православной художественной литературы сегодняшнего дня – приходскую прозу. Речь идёт об очерках и рассказах сельских священнослужителей, в которых отражается уникальный опыт знакомства и постепенного познания ими особой реальности – российской глубинки. Приходская литература включает не только произведения о сугубо внутренних церковных проблемах. По мнению писателя, этнографа, протоиерея Александра Шантаева, «Церковный приход по своей оси представляет участие верных в совершении главного и первейшего христианского Таинства – Евхаристии, а всеми прочими сторонами и гранями распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры» [6, с. 11].

Основной задачей настоящей работы является рассмотрение феномена приходской литературы через отражение специфических черт её персонажной системы. Основное внимание будет сфокусировано на модели взаимодействия «пастырь – паства», сосуществующей наряду с другими, например, «пастырь – пастырь», «пастырь – односельчанин», «пастырь – случайный знакомый» и др. Следует отметить, что образ священника-рассказчика является центральным во всех упомянутых моделях: именно его восприятие людей, общества, событий

передаётся в приходских очерках и рассказах.

В современной приходской прозе существует большое количество произведений, в которых изображаются ближайшие помощники священника из числа мирян, имеющих определённый круг обязанностей в храме. Речь идёт не просто о верующих односельчанах рассказчика и даже не о постоянных прихожанах, а именно о тех людях, которые постоянно находятся рядом с пастырем как во время совершения последним священнодействий, так и в быту. К таким персонажам относятся церковницы Липа, Нина, Галина-слепая, Катерина Платоновна, мальчик Тёма (цикл А. Шантаева «Асина память»), пономарь Алексей Семёныч, бабка Наталка, (А. Лисняк «Сашина философия» и другие рассказы) и др. С помощью этих персонажей раскрываются психологические и ментальные особенности современных церковных людей, показана специфика их взаимодействия как со священником, так и мирянами, вынужденными в той или иной ситуации обращаться к помощи церковного сообщества.

Настоящее исследование базируется на произведениях протоиерея Александра Шантаева, вошедших в сборник «Асина память» [5], однако же в перспективе может быть расширено за счёт обращения к литературному творчеству иных православных авторов.

Анализ ряда произведений показывает, что в приходской прозе формируется особый персонажный тип – *сопутствующий*. Речь идёт о человеке, регулярно или эпизодически сопровождающем священника к месту совершения надомной требы и помогающем

во время её исполнения. Предлагаемое название данного типа связано с рассказом А. Шантаева «В Петрово», в котором оно впервые встречается, при этом используются кавычки: «сопутствующая батюшке», по-своему деликатная, хотя и не в меру любопытная бабка, Нина как бы мимоходом интересуется, живы ли мои родители...» [5, с. 135].

Образ сопутствующего раскрывается наиболее полно на следующих этапах: а) совместный с рассказчиком выход за пределы храмового пространства (например, по дороге к дому причастника или покойного), б) совершение таинства или обряда, в) возвращение в храм.

Наиболее информативным в плане раскрытия внутреннего мира сопутствующего следует признать первый этап. Именно здесь происходит своеобразное знакомство читателя с персонажем, показ его наиболее характерных внешних и внутренних черт, с помощью которых создаётся портрет современного общества российской глубинки. Этот процесс включает следующие элементы:

- портретная характеристика;
- указание на черты характера, особенности поведения и мировоззрения;
- речевая характеристика;
- обращение к прошлому персонажа;
- определение места в своеобразной «иерархии» служителей церкви.

Так, при изображении сквозного персонажа цикла «Асина память» Галины-слепой, автор использует контраст, подчёркивающий разницу между внешним и внутренним обликом женщины: «Эта Галина – мешковатая, широкая в плечах, с грубыми от чёрной работы руками, но с нежной и

даже временами плаксивой душой...» [5, с. 150]. В процессе описания сопутствующей Нины писатель обращает внимание на её манеру говорить, а также на свойственные ей невербальные особенности, что, по его мнению, связано с региональными традициями: «Выговор здешних жителей, владимирских и ярославских, по-особому окающий, с напевным обертонем гласных и характерным растягиванием междометий... <...> При сдержанном северном характере и малоподвижной мимике эта голосовая модуляция выражает силу простосердечных страстей, скрываемых за чинностью манер» [5, с. 135]. Также сопутствующую характеризует едва скрываемое желание быть «на одной волне» со священником, попытка предугадать и заранее озвучить его мысли, связанные с оценкой прошлого и настоящего. При этом реплики и выводы собеседницы заранее угадываются повествователем: «Она, *конечно же* (курсив наш. – И. Л.), сокрушалась: «Сколько всего порушили!» – вздыхала о том, как в юности отходили от Бога, как не берегли то, что имели» [5, с. 134-135].

Стремление быть «на одной волне» с пастырем раскрывается и через критическую оценку состояния современного общества, научно-технического прогресса и т. д.: «Вот спутник американцы запустили на другую планету. Разве Господь за это похвалит?» [5, с. 135]. При этом автор акцентирует внимание на чертах поведения женщины, свойственных не столько церковным старушкам, сколько пожилому поколению в целом. Речь идёт о внимании к приметам и предзнаменованиям. Так, обращая внимание на небывалый урожай рябины, Нина замечает: «Вот,

Господь наказывает природе готовить запасы птице на прокорм. Зима будет тя-я-жёлая!» [5, с. 135]. **Ей же принадлежит** реплика об изменениях климата, которые она связывает с духовным состоянием человека и общества: «А где-то, забыла, три метра снегу выпало. Что в народе, то и в погоде...» [5, с. 135]. Кроме того, изображая поведение Нины, автор акцентирует внимание читателей на психологических и поведенческих особенностях целого поколения: «Всю дорогу до деревни мы с Ниной занимали себя разговорами, поскольку любой бабке долгое молчание в тягость...» [5, с. 134].

В отдельных произведениях приходской литературы наблюдается обращение к прошлому сопутствующего персонажа, знакомство с его судьбой и непростым, как правило, путём к обретению веры. Так в произведении «Злая невеста» сопутствующая старушка Липа «делилась старинными своими воспоминаниями, как не хотела с юности выходить замуж (...), да судьба и родители заставили» [5, с. 27]. Рассказ Липы образует своеобразный вставной сюжет произведения, реализуемый на этапе перехода персонажей из привычного церковного в секулярное пространство, в котором священнику предстоит столкнуться с сильными духовными переживаниями. Функция данного сюжета – показать судьбу русской женщины, раскрыть особенности её характера, драматизм семейных отношений. Центральным событием в жизни Липы, с духовной точки зрения, можно считать нарушение обета безбрачия, с которым пожилая женщина связывает череду несчастий, выпавших на долю её детей: «Ах, не надо было слушать родителей, не была бы

замужем, не родила бы деток, и не мучились бы они... Позатот год дочку на заводе сократили, сын на машине, что дороги чистит, – работа тяжёлая, а платят мало» [5, с. 27]. **Сокрушаясь о детях**, Липа явно забывает о себе, хотя и на её долю выпало множество испытаний, например, жизнь с мужем – обладателем буйного нрава: «О нём говорит добродушно: – Он у меня задиристый был, но отходчивый» [5, с. 27].

Неоднократно А. Шантаев обращает внимание на особенность русского пожилого человека усматривать во многих жизненных обстоятельствах различные символы, воспринимаемые им как некий сакральный знак констатирующего или предупреждающего характера. В рассказе «Злая невеста» читатель находит подтверждение этому: так, упавшую со стены икону Божией Матери Липа воспринимает в контексте нарушенного обета: «Не сохранила обета, и разбилась икона надвое. Двое детей и родилось...» [5, с. 28].

Важным элементом раскрытия образа сопутствующего персонажа становится указание на занимаемое им место в церковной «иерархии». Следует оговориться, что под иерархией понимается не система взаимодействия лиц, наделённых духовным саном, а негласная «иерархия» работников храма (как правило, пожилых женщин), имеющих определённый круг обязанностей на приходе: уборка, уход за подсвечниками, приготовление просфор и т. д. Отметим, что изображаемые в цикле А. Шантаева «Асина память» церковницы занимают достаточно скромное место в этой системе: так Галина-слепая упоминается как простая уборщица, а Липа «четвёртый десяток прислуживает при церкви, а так и не

сумела закрепится за постоянным местом – все гоняли её «старшие» бабки...» [5, с. 26].

Значительно меняется функция сопутствующего персонажа на этапе совершения обрядовых действий вне храмового пространства. Речь идёт о посещении священником и его помощником больного или умирающего человека с целью совершить над ним положенные священнодействия (соборование, исповедь, причащение), а также о ситуации надомного отпевания или панихиды по покойному. В подобном случае любые разговоры, выходящие за рамки обрядовых действий, становятся неуместными, что делает невозможным дальнейшее раскрытие внутреннего мира сопутствующего персонажа. Однако же в данном контексте с помощью кратких реплик и комментариев помощник проливает свет на судьбу умирающего человека и его ближайших родственников. Таким образом, на данном этапе повествования происходит смена акцентов с личности сопутствующего на внутренний мир и обстоятельства жизни адресата обрядовых действий. Это становится возможным благодаря особой посреднической позиции, которую занимает человек, прислуживающий священнику. С одной стороны, он относится к числу мирян, что делает его ближе к односельчанам, а также принадлежит деревенскому пространству, в котором родился и / или прожил большое количество лет. С другой, – очевидна принадлежность сопутствующего церковному миру: он помогает священнику при совершении обрядовых действий, иногда берёт на себя хлопоты по организации надомной требы, участвует в поддержании бытовой сто-

роны приходской жизни, лично знает священника и имеет возможность часто общаться с ним. И, наконец, в доме умирающего он появляется вместе с пастырем и таким же образом покидает его жилище. При этом становится очевидным, что в обычной жизни, вне богослужебно-обрядового контекста, сопутствующий может быть приятелем или соседом умирающего человека, знать его семью, обстоятельства жизни его ближайших родственников. Так, в рассказе «Сирота» помогающая священнику Галина-слепая обращается к умирающей старухе Наталье: «Я с Николаем твоим в школе вместе училась <...> Помню его, ох, бедовый был!» [5, с. 153].

Комментирующая роль сопутствующего персонажа осуществляется и в процессе совместного беглого просмотра интерьера комнаты, где лежит больной человек, а также находящихся в ней портретов и фотографий. Для творчества А. Шантаева характерно внимание к подобным деталям: с их помощью рассказчик пытается выстроить отдельные эпизоды жизни адресата обрядовых действий, своеобразно «познакомиться» с его живыми и умершими родственниками. В произведении «Сирота» во время совершения таинства пастырь время от времени бросает взгляд на фотокарточки, что не остаётся незамеченным со стороны Галины, которая кратко комментирует их содержание, подтверждая или дополняя впечатления повествователя: «Ещё на одной фотографии – белокрысы солдат в форме <...> Вид бойкий и даже залихватский, в углу рта зажата папироса. – Сидел в тюрьме за драку, а вернувшись, умер от рака желудка, продолжает коммен-

тировать Галина, проследив за моим взглядом» [5, с. 153].

В ряде случаев реплики сопровождающего персонажа могут способствовать своеобразному приращению смысла, возникновению в произведении дополнительных мотивов. Так, взгляд повествователя на фотографию человека, «знающего себе цену и явно довольного собой» [5, с. 153], вызывает следующий комментарий церковной уборщицы: «Умер от сердечного приступа в восемьдесят четвёртом году» [5, с. 153]. Таким образом, в тексте возникает мотив зыбкости человеческого существования, неминуемого финала, который может наступить в любой момент в том числе и для успешного и уверенного в себе человека.

Изображение сопровождающего персонажа на этапе возвращения после совершённых обрядовых действий встречается в приходской литературе гораздо реже, однако же играет немаловажную роль. Так, в прозе А. Шантаева упоминается о ряде неожиданных комических эпизодов, которые случаются со священником и его спутником на обратном пути. Рассказ «Сирота» завершается изображением борьбы Галины с напавшей на неё козой и шутивым препирательством с рассказчиком. При этом последний явно любит и умиляется, глядя на свою спутницу, пожелавшую проявить несвойственную ей строгость по отношению к животному: «– Ах ты, дура такая! – смешно сердится Галина, ухватывает козу за рога и отводит в подъезд. – Сиди там, раз не умеешь себя вести как положено. Вот, батюшка, сейчас бы она нам накозыряла! – Не нам, а вам, – посмеиваюсь. – Я бы от неё убежал. Мы шутиво препираемся

и уходим» [5, с. 155]. В рассказе «Похоронили», возвращающийся после панихиды священник пересказывает своему спутнику мальчику-пономарю Тёме содержание странного сна, в котором ему пришлось отпевать самого себя. Рассказ завершается шутивым комментарием ребёнка: «Вы, батюшка, уже так наотпевались, что вам только похороны и снятся!» [5, с. 145]. Таким образом, на этапе возвращения персонажи в какой-то степени лишаются строгости и степенности, связанной с обрядовым характером ситуации. В этот момент в них начинает проявляться детское, порой игровое начало, свойственное любому человеку. Подобный переход от серьёзного к шутивому раскрывает многие психологические грани пастыря и его ближайшего окружения – людей, постоянно сталкивающихся с человеческими бедами, болезнями и смертью.

Очевидно, что в контексте приходской литературы можно говорить о соединении двух векторов: сакрального (вертикального) и житейского (горизонтального). Первый связан с метафизической глубиной таинства и выражается через отдельные указания на обрядовые действия, цитирование фрагментов молитв и песнопений, реплики священника и умирающего, произносимые в процессе исповеди. Горизонтальный вектор находит своё отражение в бытовых деталях, особенностях интерьера, а также проявляется через комментирующие фразы сопровождающего персонажа, занимающего в текстах приходской литературы посредническую позицию между священником и сообществом мирян.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каплан В.М. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? // Фома. 2010. № 1 (81). С. 21-24.
2. Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 22 с.
3. Леонов И.С., Корепанова В.А. Поэтика православной прозы XXI века. М-Ярославль: Ремдер, 2011. 122 с.
4. Червоненко С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990-2000-х годов: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2013. 22 с.
5. Шантаев А. Асина память: рассказы из российской глубинки. М.: Никая, 2015. 256 с.
6. Шантаев А. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М.: Благо, 2004. 240 с.

REFERENCES

1. Kaplan V.M. Priestly prose. Will it become a literary phenomenon? In: *Foma* [Thomas]. 2010, no. 1 (81), pp. 21-24. (In Russ.)
2. Krasnyakova M.S. *Sovremennaya pravoslavnaya proza: genezis, osnovnye motivy, tipologiya syuzhetov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Orthodox prose: Genesis, the main motives, typology of plots: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Voronezh, 2016, 22 p. (In Russ.)
3. Leonov I.S., Korepanova V.A. *Poetika pravoslavnoi prozy XXI veka* [The Orthodox poetics of prose of the 21st century]. Moscow-Yaroslavl, Remder Publ., 2011, 122 p. (In Russ.)
4. Chervonenko S.M. *Dukhovno-nravstvennye aspekty tvorchestva pisatelei-svyashchennosluzhitelei: malye zhanry russkoi prozy 1990-2000-kh godov: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [The spiritual and moral aspects of creativity of writers-clergy: small genres of Russian prose 1990-2000s: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences, Moscow, 2013, 22 p. (In Russ.)
5. Shantaev A. *Asina Pamyat': rasskazy iz rossiiskoi glubinki* [Asya's memory: stories from Russian heartland]. Moscow, Nikeya Publ., 2015, 256 p.
6. Shantaev A. *Svyashchennik. Koldun'i. Smert'. Etnograficheskie ocherki sel'skogo prikhoda* [Priest. Witches. Death. Ethnographic sketches of a country parish]. Moscow, Blago Publ., 2004, 240 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонов Иван Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: mamif.lis@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan Leonov – candidate of Philological Sciences, associated professor, associated professor at the department of World literature of Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: mamif.lis@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Леонов И.С. Образ *сопутствующего* персонажа в современной приходской прозе: функции и приёмы создания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 89-96.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96

CORRECT REFERENCE

I. Leonov. The image of the *companion* character in the modern parish prose: the functions and methods of creating. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 89-96.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96

УДК 82-31

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-97-107

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Э.ХЕМИНГУЭЯ И Л. ТОЛСТОГО

Маркушевская Л.П., Процуто М.В.

*Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
190005, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул. д. 5, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье авторы стремятся проанализировать, что сближает двух великих мастеров слова, живших в разные эпохи, на разных континентах, имеющих разное философское мировоззрение и понимание того, как участие в войне влияет на личность и судьбу отдельного человека и целого народа. Исследуются и сопоставляются наиболее частотные стилистические приёмы, используемые авторами (художественная деталь, внутренний монолог, динамика портретного изображения) для более полного раскрытия образов своих героев.

Ключевые слова: внутренний мир, художественная деталь, метафора, динамика портретного изображения, природные явления, внутренний монолог.

THE IMAGE OF A MAN AT WAR IN THE WORKS OF HEMINGWAY AND L. TOLSTOY

L. Markushevskaya, M. Protsuto

*Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
5, 2-th Krasnoarmeyskaya street, St. Petersburg, Russian Federation, 190005*

Abstract. In this article, the authors try to identify what brings together two great writers with such different philosophy outlook, writers who lived at different times in different continents in understanding what war is, how it affects the personality and destiny of a man and a whole nation. The most frequent stylistic devices used by the authors (artistic detail, internal monologue, portrait image dynamics) are examined and compared for more complete disclosure of the images of their characters.

Keywords: inner world, an act, patriotism, character, victory, philosophy, battle, landscape, artistic detail, dynamic portrait, bilingualism of narration, internal monologue.

В XX веке трудно было бы в мире найти писателя, который не обращался бы к теме изображения человека на войне, где проявляются такие человеческие черты характера, как патриотизм и предательство, героизм и трусость, милосердие и жестокость.

Среди выдающихся русских писателей, оказавших большое влияние на процесс развития мировой литературы особое место занимает Лев Николаевич Толстой.

Могучее влияние Толстого, раздвинув границы Европы, пересекая океан, достигло и американского континента. С творчеством Толстого в США начали знакомиться в 80-е годы XIX века. Один из первых пропагандистов творчества Толстого в Америке У.Д. Гоуэллс вспоминает, как по-иному пошёл процесс формирования его мировоззрения после знакомства с творчеством Толстого: «Толстой оказал влияние на меня не только в эстетическом отношении, но также и в этической сфере, так, что я никогда не смогу снова увидеть жизнь такой, какой она представлялась мне до того, как я его узнал» [11, с. 164].

Творчество Л. Толстого, творчество выдающихся русских писателей доказывало противоестественность, беспочвенность теории существования «литературы для литературы», учило относиться к литературе как к оружию в борьбе с социальным злом.

Влияние русских писателей и, в первую очередь, Толстого сказалось, прежде всего, на развитии американского романа. Американский писатель Э. Хемингуэй знакомится с творчеством русских писателей в 20-е годы. В то время он жил в Париже, много путешествовал, жадно впитывая впечатления дня, а ночью перед ним раскрывался «другой мир, который дарили русские (писатели). Сначала русские, а потом все остальные» [9, т. 4, с. 472].

Именно русская литература показала Хемингуэю, как нужно раскрывать правду жизни.

Советские читатели знакомятся с творчеством Хемингуэя в 30-годы. В отличие от зарубежной критики, которая часто подчёркивала, что писатель переживает творческий кризис, совет-

ское литературоведение в основном не разделяло этих взглядов, видя в его произведениях знание жизни, трудолюбие, правдивость изображения.

Хемингуэй, зачастую относившийся к критике весьма неуважительно, ценил советского литературоведа И. Кашкина, считая его своим лучшим критиком и переводчиком.

В Советском Союзе об Э. Хемингуэе написано много, но литературоведами сделано сравнительно мало в исследовании взаимосвязей Хемингуэя и русских писателей, хотя этот вопрос подымался ещё в 30-е годы И. Кашкиным, говорившим о необходимости изучения взаимосвязей Хемингуэя и русских писателей, в частности Хемингуэя и Толстого, Хемингуэя и Чехова [3, № 7, с. 199].

При анализе литературного наследия американского писателя неизбежно стало очевидным влияние русской литературы на формирование его творческого метода, определило связь с творчеством Льва Толстого.

По меткому замечанию Ю. Олеши, «Уже само стремление Э. Хемингуэя разрушить литературные каноны стоит в какой-то зависимости от творчества автора “Войны и мира”». Большой писатель не подражает, но где-то на дне того или иного произведения писателя всегда увидишь свет того, ушедшего. Так порой на дне творчества Хемингуэя видишь свет Толстого – «Казаков», «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», «Фальшивого купона»... Если сказать точнее, то этот свет есть любовь Хемингуэя к Толстому» [6, с. 480].

Толстой, как никто, сумел понять и показать духовный мир русского солдата. Автор «Войны и мира» был одновременно художником, историком-ис-

следователем, воплотившим в едином художественном синтезе важнейшие события в истории своей страны.

Э. Хемингуэй, расходясь с Толстым в некоторых философских вопросах, с большим уважением писал о нём как об авторе «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», испытавшем на себе все тяготы войны и заставившем его задуматься о том огромном преимуществе, которое даёт писателю военный опыт.

Л. Толстой – очевидец войны, человек, принимавший в ней участие, в своих произведениях развенчивал романтическое представление о войне, показывал войну «не с музыкой и барабанным боем..., а в настоящем её выражении: в крови, в страданиях, в смерти» [8, т. 2, с. 95].

Пройдёт чуть больше 60 лет, и другой 19-летний юноша будет рваться на фронт от газетной романтики войны, чтобы во всём разобраться самому, всё увидеть, всё понять. В санитарном отряде, который США направляли в итальянскую армию, он, увидев бесцельную бойню, не сможет остаться равнодушным к этому преступлению, поведает об этом всему миру.

Оба писателя расскажут о всём античеловеческом, противогуманном, бессмысленном и бесцельном, что несёт в себе война. И для обоих писателей основой их творчества станет изображение в произведениях правды жизни. Они будут писать правду, только правду, какой бы жестокой и страшной она ни была.

«Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красе его и который всегда был, есть и будет – правда», – пишет в «Севастополь-

ских рассказах» Л. Толстой [8, с.110].

Э. Хемингуэй продолжит и разовьёт эту мысль в предисловии к антологии «Люди на войне».

«...Когда хороший писатель творит, у него есть достаточно времени и достаточный кругозор для того, чтобы получилась абсолютная правда» [4, с. 407].

«Севастопольские рассказы», в которых вскрыта бессмысленность войны, и в то же время показаны героизм и самоотверженность русских воинов, послужили Л.Н. Толстому ступенью к народной эпосе – «Войне и миру», изображению войны справедливой во имя защиты родины. Первые произведения Э. Хемингуэя о войне свидетельствовали о сложном пути, пройденном писателем, прежде чем он разобрался в войнах, участником которых был сам. Произойдёт сложная эволюция его мировоззрения от полного отрицания войны после 1914-1917 гг., от образа Джека Барнса («Фиеста», 1926), Фредерика Генри («Прощай, оружие!», 1929) он придёт к пониманию того, что есть войны освободительные, и остаться в стороне от них равносильно преступлению, сделает попытку разобраться в новом участнике войны (Ф. Роллинг «Пятая колонна», 1938) и придёт к изображению войны народной в романе «По ком звонит колокол» (1940).

Антимилитаристский пафос сочетается у Хемингуэя с гуманистическим пониманием того, что бывают в жизни ситуации, когда человек, если он хочет остаться человеком, обязан сражаться на войне, обязан в силу своего внутреннего долга, в силу нравственной ответственности за судьбы Родины и всего человечества.

В романе «По ком звонит колокол» изображён новый герой, участник

справедливой войны, отражены изменения в мировоззрении писателя. Так как именно в этом романе Хемингуэй ближе всего подошёл к толстовской теме народной войны, попытаемся провести некоторые наблюдения над идейной проблематикой и художественными особенностями романов «По ком звонит колокол» и «Война и мир», чтобы выяснить то, в чём проявилась близость Хемингуэя к толстовским реалистическим традициям.

Обоих писателей сближает понимание необходимости борьбы справедливой, реалистичность изображения, преломление событий в истории человечества через восприятие отдельной личности, её рядовых участников, вера в человека, изображение войны народной, войны партизанской.

Оба прозаика противопоставляют в своих романах ужасам войны любовь, дружбу, способность человека сохранять духовное мужество и стойкость в самых неблагоприятных обстоятельствах. Вслед за Толстым Хемингуэй видел основной путь преодоления индивидуалистической замкнутости и психологической обособленности человека в воспитании нравственной ответственности, духовной общности людей.

«Чтобы произведение было хорошее, – говорил Л. Толстой, – надо любить в нём главную мысль. В «Войне и мире» я любил мысль народную». Как «кредо» обоих произведений звучит мысль Толстого о том, что «...личность получает полноту самоосуществления, сливаясь со всенародным действием» [2, с. 37].

Л. Толстой противопоставляет индивидуализму и разобщению стихию общности, при которой каждый до-

полняет другого и все вместе образуют нечто единое. «Должно и нужно защищать Родину от врагов в войнах справедливых, войнах защитнических, но никогда нельзя заставить человека полюбить убийство как ремесло, это противоречит самой сущности человека».

Мучительная борьба происходит в сознании Николая Ростова после поединка с французским офицером. Ростову надолго запомнилось его «...белокурое, молодое с голубыми глазами лицо, не вражеское лицо, а самое простое, комнатное лицо. За что же мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне дали Георгиевский крест. Ничего, ничего не понимаю», – «мучительно» думает Николай Ростов [8, с. 22].

«Война – это гнусность», – говорит Роберт Джордан. Он борется за свободу Испании, выполняет задание командования, но само по себе убийство никогда не радует его, он делает это во имя спасения Республики.

Героям Толстого и Хемингуэя присуща страстная вера в правоту своего дела, в победу над врагом. Андрей Болконский не сомневается в том, что французы будут изгнаны из России, семья Ростовых уверена, что она вновь вернётся в Москву, а героизм солдат и офицеров, батареи Тушина, полков Багратиона, партизанское движение служат подтверждением этому.

Джордан – американец, но он пришёл защищать Испанию, стал антифашистом с тех пор, как понял, что такое фашизм. Он знает, что поражение – это гибель, и если война будет проиграна, тогда не будет ни революции, ни Республики.

Но есть вещи, которые мешают ведению справедливой войны, противостоят народному героизму. Это за-

кулисные интриги в штабе Кутузова, сведение личных счётов генералами, бездарность некоторых полководцев, трусость полковника Миранды, болезненная подозрительность Марти, цинизм штабного офицера и многое другое.

Тяжёлое поражение при Аустерлице помогает Андрею Болконскому понять, что успех в сражении зависит, главным образом, от настроения и духа войска, а не от генералов, составляющих планы сражений.

Глядя на синее небо, Андрей Болконский забывает о человеческой суете, происходит как бы слияние его с природой, появляется вера в счастье, в возможность жизни.

Такое же прекрасное синее небо с плывущими облаками, как символ ещё не познанной жизни, видит и умирающий Эль Сордо. Отряду Глухого пришлось первому принять бой. Гибель неизбежна. Страха нет. Есть только нежелание умирать. Глухой – крестьянин, и в его представлении жизнь связана с такими родными и близкими сердцу картинами: «...Но жить – это значило нива, колеблющаяся под ветром на склоне холма. Жить – значило ястреб в небе... Жить – значило крутые лошадиные бока... и холм, и долина, и река, и деревья вдоль берега, и дальний конец долины, и горы позади» [9, с. 130].

Оба писателя, Хемингуэй и Толстой, умеют передать то, как чувствует умирающий, а не просто описывают его чувство.

В свои последние минуты Эль Сордо знает, что в стволе пулемета ещё есть патроны, и он может стрелять, а у Республики будет меньше врагов.

Раненый Фернандо остаётся под ярким солнцем, расположившись так,

чтобы можно было, стреляя, помочь товарищу.

Мёртвый Ансельмо, чью сущность Джордан с первой встречи определил как «надёжен», кажется ему таким маленьким и старым, что непонятно, как Ансельмо мог справляться с трудными заданиями, стоять в метель на посту.

Героизм Ансельмо имеет нравственный характер. Он перестаёт молиться Богу, считая, что бесчестно в такой ситуации просить что-то для себя. За все время войны Ансельмо молится 2 раза. Первый раз он молится за душу погибающего Эль Сордо, которому не имеет права прийти на помощь, вторая его молитва напоминает молитву Володи Козельцева перед первым боем. И Ансельмо, и Володя не считают себя вправе просить лёгкой смерти для себя. Они лишь просят Бога укрепить их силы, чтобы достойно вести себя во время боя. Ансельмо своим героизмом, честностью, самоотверженностью напоминает Тихона Щербатого и других народных героев у Л. Толстого. Он сознаёт величие дела, в котором участвует, свою роль в нём, так как он и его товарищи не сами по себе, а часть республики.

Американец Роберт Джордан, подобно одному из героев испанских рассказов Хемингуэя и Филиппу из 5-й колонны, прибыл в Испанию, потому что в жизни бывают моменты, когда стоять в стороне – это преступление. Здесь, в отряде, Джордан постоянно ощущает своё единство с миром, нет чувства горького одиночества и потерянности. Человек, участвующий в общем деле, выполняющий трудное задание, должен всё подчинить разуму. Тревога не лучше страха, она только труднее. Джордан выполняет задание командования, но сам погибает.

В романе Хемингуэя, как и в «Войне и мире», гибель героев не придаёт произведениям пессимистического звучания, произведения оптимистичны, дело, за которое борется герой, не погибло, оно находит новых сторонников. Отряд уменьшился, но он уходит и будет воевать, в отряд придут новые люди. К тому же нельзя сказать о Джордане, что он погиб безвозвратно. С отрядом уходит Мария, любимая Джордана, ставшая его вторым «я».

Мария – это продолжение жизни Джордана, его идей, мыслей, желаний. Во имя любви, веры и общего дела Мария уходит с отрядом: это своеобразная победа над собой, трудная и болезненная готовность к жизни, когда всеми мыслями, всеми чувствами она стремится умереть рядом с любимым человеком.

Любовь в романе – наиболее поэтическая и лирическая нота. Она родилась в трудное для героев время, и ей отведено всего 70 часов. Но Джордан знает, что эти 70 часов стоят всей человеческой жизни. Любовь не отделяет его и Марию от мира, любовь помогает ещё острее, ярче воспринимать всё окружающее. Любовь в сознании Джордана неотделима от жизни, всего, чем он дорожил, перед чем преклонялся.

Джордан и Мария находят друг в друге то, что их особо привлекает и чего, возможно, не хватает каждому из них в отдельности. Марию поражает интеллект Джордана, широта его кругозора, богатство духовной жизни. Джордану в Марии дороги её чистота и непосредственность, близость к природе и цельность.

И если Пьеру Безухову нужна была дружба с Платоном Каратаевым, плен,

«опрощение», чтобы лучше понять людей, почувствовать новое, не испытанное им чувство радости и крепости жизни, то у Джордана любовь к Марии, простой испанской девушке, помогает быстрее понять испанских партизан, и чем больше он находится среди них, тем считает их лучше.

Любовь Марии для Джордана – это солнце, осветившее внезапно всё вокруг. Солнце доминирует в произведении, оно просвечивается сквозь деревья, согревает усеянную еловыми иголками землю.

Не в тёмное ничто уходят Эль Сордо и его товарищи, Джордан. Яркое солнце освещает дорогу, по которой движется отряд Пилар, его лучи согревают Марию, уносящую в сердце свою любовь.

Зелёный дуб – этот природный символ в романе «Война и мир» также знаменует возвращение князя Андрея к жизни, к любви. Природа показана не в статике, а всё в ней думает, чувствует, радуется и страдает. Природа в романах Л. Толстого одухотворена, она выражает теснейшую связь с человеком, его настроениями, переживаниями, мыслями.

Освобождающемуся от иллюзий князю Андрею кажется, что от жизни ждать уже нечего, она окончена в 31 год. Позади и мечта о подвиге, и увлечение хозяйством, и женитьба, и военная карьера. Князь Андрей сравнивает себя со старым, обломанным дубом, не желающим ни весны, ни солнца. Неожиданная встреча с Наташей Ростовой заставляет князя почувствовать, что жизнь вовсе не кончилась в 31 год, что нельзя жить, отгородившись от всех, только в своём внутреннем мире. Оживший, залитый солнцем лес

и старый дуб, на котором появились молодые зелёные листья, гармонируют с внутренним пробуждением и обновлением, произошедшим в душе князя Андрея.

Любовь Пьера к Наташе-девочке, Наташе-девушке, вначале неосознанная, затем всё крепнущая, заставляет Пьера полнее ощутить жизнь, своё место в ней, возможность личного счастья. После возвращения с Бородинского поля Пьер духовно меняется, приходит к выводу, к которому ранее пришёл Болконский.

На Бородинском поле Пьер увидел истинный героизм солдат, победителей войны 1812 года. Сопоставляя себя с простыми людьми, Пьер ощущает ложность многих своих прежних убеждений. Простые люди не говорят громких, красивых слов, они воюют, отдают Родине свои жизни. Только один герой в романе достоин величественных, красивых слов – это русский народ, выполняющий свой долг. Такие слова, как «спасение отечества», «священный долг» нужно ставить рядом с этим героем, тогда они зазвучат в полную силу. И для Хемингуэя слова в романе «По ком звонит колокол» приобретают иной смысл. Те слова, которых автор избегал в романе «Прощай, оружие», считая их обесцененными, с новой силой, в новом освещении, с новым смыслом зазвучали в романе «По ком звонит колокол». Слова приобрели второе рождение, нет пустых разговоров, за которыми скрываются наболевшие, невысказанные мысли, нет умалчивания, есть высокая библейская лексика, староанглийское местоимение «thee», торжественная интонация. Уже сам эпиграф настраивает читателя на высокий поэтический лад.

«Если надо, мы выполним свой долг», – говорит Ансельмо, и Джордан, которому высокие слова противны, как и лейтенанту Генри, должен признать, что они отлично звучат по-испански, что словам соответствует дело.

Об этих мыслях, о чувстве долга, которого Джордан не испытывал никогда ранее, мы узнаём из его внутреннего монолога. Одним из первых писателей-психологов, рассказавших миру о движениях человеческой души, мыслях и чувствах, был Л.Н. Толстой, широко использовавший приём внутреннего монолога в своих произведениях. Из внутреннего монолога мы узнаём о горе Наташи после её разрыва с князем Андреем, о силе её чувств и отчаяния, о мыслях и ощущениях Николая Ростова во время Шенграбенского сражения.

Толстой – мастер передачи «смутных» ощущений, тех тревожащих, взволнованных чувств, которые наблюдаются в душе человека или перед принятием важного решения, или в минуту смертельной опасности.

Если в романе «Прощай, оружие!» Хемингуэя мы встречаем небольшое количество монологов (роман в основном построен на диалогах), то в романе «По ком звонит колокол» внутренний монолог – один из основных приёмов психологического раскрытия диалектики души. Герой в романе не только действует, чувствует и воспринимает жизнь, но и даёт действительности общественно-политическую оценку, размышляя о цели жизни. И увеличение количества внутренних монологов идёт от постоянного анализа героем своих поступков, своих чувств, своих слов. Внутренние монологи следуют после каждого разговора с бойцами

из отряда, после распоряжений командования. Из внутренних монологов Джордана мы узнаём о его жизни, о боях в Мадриде, об отеле Гейлорд, о принятии Джорданом на время войны дисциплины коммунистов, как единой партии, достойной уважения.

Иногда Джордан начинает мечтать, как он уедет с Марией в Мадрид и Америку, но тут же обрывает себя, так как мечты расслабляют, заставляют жить далеко отсюда, и поэтому нужно вовремя себя одернуть, точно знать счёт времени, отпущенный тебе на борьбу, на любовь, на жизнь.

Иногда эпическое повествование в романе переходит в лирический монолог, который не обращён к какому-то собеседнику. Джордан общается с Джорданом, иногда спорит с ним, что-то ему доказывает, порицает или хвалит, и переход от *он* к *ты* настолько естественен, что его можно и не заметить.

В последнем монологе автор особенно близко подходит к своему герою, не сливаясь, однако, с ним. Автор на стороне Джордана, его поступка, его решений, но горечь, боль о человеке прорываются в слове *счастье*, наполненном печально-торжественным смыслом, и в том, что этот солнечный, прекрасный день унесёт ещё две жизни. Такое же голубое небо с плывущими большими белыми облаками, которое смотрело на князя Андрея при Аустерлице и на отряд Эль Сордо, видит теперь Джордан.

Автор у Хемингуэя часто близок своему герою, но никогда не сливается с ним в одно целое. Автор знает гораздо больше и о самих событиях, о переходе Андреасом линии фронта, о штабе, о встрече с Карковым, Гольцем. Джордан верит в то, что следующее

наступление будет более удачным, Хемингуэй же знает, что наступления не будет, что война с фашизмом продолжится на европейском континенте. Не все из поколения Джордана доживут до победы, но путь к ней будут прокладывать все они.

Автор и герой в «Войне и мире» тоже не сливаются в одно целое, хотя свои мысли Толстой вкладывает в уста А. Болконского о бессмысленности существования светского общества и в уста Пьера – о простоте и счастье, и в сознание Тушина и Тимохина – о героизме русского воина.

Большое место в произведениях писателей играет и пейзаж.

Роман «По ком звонит колокол» начинается описанием деталей расположения старой и новой лесопилки. Они обрисованы с необыкновенной точностью, ни в чём нет романтизации. За точностью этих деталей стоят жизни людей.

Как и у Толстого, природа у Хемингуэя имеет непосредственное отношение к делам и судьбам людей: туман, поднявшийся над землёй при Аустерлицком сражении, влияет на его исход. Снег, выпавший в горах в мае месяце, демаскирует отряд Эль Сордо, способствует его гибели.

В исследуемом романе Э. Хемингуэй употребил такую последовательность времён, которую позже посчитают «пятым измерением». Действие разворачивается в настоящем времени: «он лежал на земле», в прошедшем: «он был здесь в 1933 г.», в недавнем прошлом – позавчера он разговаривал с Гольцем в штабе и получил приказ. Четвёртое измерение – будущее, условное будущее (поездка с Марией в Мадрид и Америку).

И есть вневременное, вечное, которое звучит уже в эпиграфе к роману: «каждый человек есть часть материка». Переход из одного времени в другое стремителен и незаметен, как и переход от третьего лица к первому. Мгновенность перехода создаёт всё ускоряющийся темп времени в романе.

В конце романа, когда раненый Джордан поджидает врагов, время в его лихорадочном восприятии движется медленно и быстро в восприятии читателей.

Оба писателя – мастера художественной детали, что особо наглядно демонстрируют портреты их героев. Для обоих писателей характерно, что портреты даны не в статике, а в динамике, с изменениями, происходящими во внутреннем мире героев, меняются и их портреты (Наташа Ростова, Мария, Ансельмо).

Одной из особенностей художественного мастерства Л. Толстого в «Войне и мире» является наличие двух языковых планов: русского и французского. Французская речь, введённая в русский роман, помогает воссоздать отношения, характеры, обстановку, дух высшего света.

Две языковые стихии встречаются и в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол». Джордан не только говорит

по-испански, но даже думает на этом языке. Иногда мысль высказана по-английски и тут же переводится по-испански. И хотя некоторые критики [10] отрицают глубокое знание Хемингуэем испанского языка, испанизмы в его произведении играют очень важную роль, они усиливают впечатление, передачу национального колорита, дают возможность читателю глубже понять внутренний мир, мысли и чувства героев.

Итак, перед нами два романа о войне. Их авторы показали Человека на войне, этот Человек пришёл на войну в разное время, под влиянием различных обстоятельств, но есть то, что роднит, сближает их: патриотизм, честность, вера в справедливость дела, которому служишь, вера в человеческую личность, проявление в решительную минуту самого прекрасного, что заложено в ней, поклонение только Правде. И в этом младший писатель-американец испытал на себе силу старшего – русского писателя Л.Н. Толстого. «Чем крупнее, чем талантливее художник, тем более активно, критически относится он к достижениям предшественника, тем более способен к творческой переработке этих достижений» [5]. Э. Хемингуэй и был тем художником, который творчески подошёл к великому наследию Толстого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балонова М.Г. Проблема героя в позднем творчестве Э. Хемингуэя (40-50-е гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002.
2. Дневники С.А. Толстой, 1860-1891 гг. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928. 37 с.
3. Кашкин И. Переключка через океан // Красная новь. 1939. № 7. С. 199.
4. Лидский Ю.Я. Творчество Э. Хемингуэя. Киев: Наукова думка, 1978. 407 с.
5. Неупокоева М.И. Проблемы взаимосвязи и взаимовлияния национальных культур // Взаимосвязи национальных культур. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
6. Олеша Ю. Читая Хемингуэя. М.: Гослитиздат, 1965. 480 с.
7. Оруджева И.Г. Проблема адекватной передачи метафоры Э. Хемингуэя в русских переводах // Молодой учёный. 2014. № 4. С. 1220-1224.

8. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 томах. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1962. 95 с.
9. Хемингуэй Э. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1961. 472 с.
10. Borea Arturo. Not Spain but: New-York: Hemingway The Literary reputation of Hemingway in Europe, 1985.
11. Howells W.D. Criticism and Fiction and Other Essays. New-York: University Press, 1959. 164 p.
12. Hemingway E., Kozlenko W. Man at War: The Best War Stories of all the Time. New-York: Crown Publishers, 1942. 24 p.
13. Pheelps W.L. Essays on Russian Novelists. New-York: The Macmillan Co, 1941. 253 p.

REFERENCES

1. Balonova M.G. *Problema geroya v pozdnem tvorchestve E. Khemingueya (40-50-e gg): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [The problem of the hero in the later works of E. Hemingway (40-50s): abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2002. (In Russ.)
2. Dnevnik S.A. *Tolstoi 1860-1891 gg.* [Tolstoy in 1860-1891]. Moscow, M. i S.Sabashnikovy Publ., 1928. 37 p. (In Russ.)
3. Kashkin I. Roll across the ocean. In: *Krasnaya nov'.* 1939. no. 7. pp. 199. (In Russ.)
4. Lidskii YU.YA. *Tvorchestvo E.KHemingueya* [Works of E. Hemingway]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978. 407 p. (In Russ.)
5. Neupokoeva M.I. Problems of interrelations and mutual influence of national cultures. In: *Vzaimosvyazi natsional'nykh kul'tur* [Relationships of national cultures]. Moscow, AS USSR Publ., 1961. (In Russ.)
6. Olesha YU. *Chitaya Khemingueya* [Reading Hemingway]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1965. 480 p. (In Russ.)
7. Orudzheva I.G. The problem of adequate translation of E. Hemingway metaphors in Russian translations. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. 2014, no. 4, pp. 1220-1224. (In Russ.)
8. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenii v 20 tomakh. T. 2* [Collected works in 20 volumes. Vol. 2]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962. 95 p. (In Russ.)
9. Kheminguei E. *Sochineniya v 4-kh tomakh. T. 4* [Works in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961. 472 p. (In Russ.)
10. Borea Arturo. Not Spain but: New-York: Hemingway The Literary reputation of Hemingway in Europe, 1985.
11. Howells W.D. Criticism and Fiction and Other Essays. New-York: University Press, 1959. 164 p.
12. Hemingway E., Kozlenko W. Man at War: The Best War Stories of all the Time. New-York: Crown Publishers, 1942. 24 p.
13. Pheelps W.L. Essays on Russian Novelists. New-York: The Macmillan Co, 1941. 253 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Процута Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
e-mail: protsuto@mail.ru

Маркушевская Лариса Петровна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
e-mail: Larma2110@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina Protsuto – candidate of Pedagogical Sciences, the head of foreign languages Department at Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
e-mail: protsuto@mail.ru

Larisa Marhushevskaya – candidate of Philological Sciences, professor, professor at the foreign languages Department in Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
e-mail: Larma2110@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Маркушевская Л.П., Процута М.В. Изображение человека на войне в творчестве Э. Хемингуэя и Л. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 97-107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-97-107

CORRECT REFERENCE

L. Markushevskaya, M. Protsuto. The image of a man at war in the works of Hemingway and L. Tolstoy. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 97-107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-97-107

УДК 821.111 (73) «XVII/XVIII»

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-108-115

ВИДИМЫЙ И НЕВИДИМЫЙ МИР В КОНЦЕПЦИИ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Мишина Л.А.*Российский государственный социальный университет
129226, г. Москва, ул. В. Пика, 4, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена одному из важных богословских и философских вопросов американского пуританизма – представлению о видимом и невидимом мире. В контексте американской литературы XVII – начала XVIII вв. рассмотрены такие значительные её произведения, как «История поселения в Плимуте» У. Брэдфорда и переведённые на русский язык автором статьи «Дневник» С. Сьюолла, «Размышления» Э. Брэдстрит, «Судный день» М. Уигглсуорта. В статье выявлены формы проявления видимого и невидимого мира и сделан вывод о тесном взаимодействии этих сфер в американском национальном сознании и американской литературе XVII – начала XVIII вв.

Ключевые слова: пуританизм, видимый мир, повседневность, религиозность и деловитость, невидимый мир.

VISIBLE AND INVISIBLE WORLD IN THE CONCEPTION OF AMERICAN AUTHORS OF THE 17TH – THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURIES

L. Mishina*Russian State Social University
4, W. Pieck Str., Moscow, Russian Federation, 129226*

Abstract. The article is devoted to one of the important philosophical and theological questions of American puritanism – an understanding of visible and invisible world. Such important works as «Of Plymouth plantation» by W. Bradford and translated into Russian by the author of the article «Diary» by S. Sewall, «Contemplations» by A. Bradstreet, «The Day of Doom» by M. Wigglesworth are researched in the context the 17th – beginning of the 18th centuries American literature. The article reveals the forms of the manifestation of visible and invisible worlds and concludes that these spheres are closely interrelated in the American national consciousness and the 17th – beginning of the 18th centuries.

Keywords: puritanism, visible world, reality, religiousness and business, invisible world.

Американская литература XVII–начала XVIII вв. остаётся практически не переведённой на русский язык и недостаточно исследованной. Между тем значение её как начального этапа в истории американской национальной литературы велико. «Первые поселенцы Америки не стремились к созданию монументальных художественных полотен – они запечатлевали процесс формирования

новой нации прежде всего путём обобщения опыта реально существовавшей личности или коллектива, используя в основном документальные и художественно-документальные жанры литературы» [2, с. 3]. Американские авторы этого периода имели чётко разработанную концепцию, в которой сочетались религиозные, богословские, философские и эстетические взгляды. Это приводило к тому, что многие понятия и ценности формировались на стыке полюсов: «духовного и материального, идеального и реального, религиозного и гражданского» [4, с. 10]. Ряд может быть продолжен: земное и духовное время [3], видимый и невидимый мир.

Известно, что «первоначальный план заселения Новой Англии был продиктован чисто экономическими интересами» [6, р. 147], однако этот план в основном реализовали люди духовные, те, кем владели устремления свободно исповедовать на новых землях гонимую в Англии веру – пуританство. Религиозную страстность, подвижничество, жертвенность пилигримов и пуритан фиксируют в своих произведениях Эдвард Джонсон «Чудесное провидение Сионского спасителя в Новой Англии» (E. Johnson. *Wonder-Working Providence of Sion's Savior*, 1654), Джон Уинтроп «Образец христианского милосердия» (J. Winthrop. *A Model of Christian Charity*, 1630), Уильям Брэдфорд «История поселения в Плимуте» (W. Bradford. *Of Plymouth Plantation*, 1630), Коттон Мэзер «Великие деяния Христа в Америке» (C. Mather. *Magnalia Christi Americana*, 1702).

Доминирующее положение религиозного начала во многом опре-

деляет представление ранних американских авторов о видимом и невидимом. Видимое – это прежде всего повседневность, а также красота окружающего мира, воссозданная в поэзии. Невидимое – это мир библейских героев и событий, интерпретированных в соответствии с замыслом и целями поселенцев, а также случаи мистицизма, колдовства, в частности, печально известное сэйлемское «ведьмовство», что становится темой книги Коттона Мэзера «Чудеса невидимого мира» (*The Wonders of the Invisible World*).

Повседневность в американской литературе XVII – начала XVIII вв. представлена во всех ракурсах: личном, общественном, церковном, политическом, бытовом. Своеобразной энциклопедией повседневности может быть названа книга Уильяма Брэдфорда «История поселения в Плимуте», в которой изложены события из жизни Плимутского поселения на протяжении почти тридцати лет. Брэдфордом, вдохновителем и организатором всех начинаний в колонии, не только воссозданы основополагающие для поселенцев процессы – сев, сбор и хранение урожая, строительство домов, укреплений, пушной и рыболовный промыслы, но нарисована картина постоянного и упорного преодоления колонистами преград, будь то суровые условия существования, стихийные бедствия, внутренние конфликты или тяжбы с пайщиками. Повседневность пронизана постоянным ощущением Бога и других сил небесных. Знаменитая фраза Брэдфорда «Господь посетил нас бедствием» свидетельствует о том, что ни одна минута человеческой жизни и ни одно событие в ней не мыслились вне присутствия Бога.

Жизнь поселений мыслилась американскими авторами XVII – начала XVIII вв. в контексте библейской истории. Новоанглийских лидеров они сравнивают с Моисеем, Иаковом, Иовом, Соломоном, Иосифом, Неемией, Давидом. Евангелия, Послания и Деяния апостолов служат ориентиром в решении социальных, политических, нравственных, бытовых проблем. Текст Библии цитируется, пересказывается, подразумевается не только в богословских сочинениях и проповедях, но и в описаниях, трактатах, дневниках.

Запечатлеть и осмыслить события был призван жанр дневника. В истории американской литературы остались дневники Джона Уинтропа, Томаса Шепарда (Th. Shepard), Сэмюэля Сьюолла (S. Sewall), Коттона Мэзера. «Дневник» (Diary), начатый в 1673 г. и законченный в 1729 г., является основным произведением С. Сьюолла, хотя, как отмечают исследователи, он не имел намерений публиковать рукопись. Выпускник Гарварда, Сьюолл сделал успешную карьеру в бизнесе, политике и юриспруденции. Его личная жизнь также была наполненной: будучи трижды женат, он имел в браке с первой женой четырнадцать детей [11, р. 65]. В «Дневнике» Сьюолла запечатлены все стороны его богатой событиями жизни, но наибольшую известность имеют записи за октябрь-ноябрь 1720 г., когда вторично овдовевший Сьюолл активно ухаживает за вдовой Д. Уинтропа. Описание взаимоотношений с мадам Уинтроп настолько детально и достоверно, что может быть рассмотрено как набросок психологического романа, но предмет нашего исследования – воссоздание Сьюоллом

повседневности. Анализ текста позволяет определить в этой сфере две доминирующие черты: религиозность и деловитость.

Религиозность в ракурсе повседневности имеет многочисленные формы выражения. Одна из них – защита пуританской церковной организации от посягательств английской официальной церкви, англиканской. Сторонники конгрегационализма, в целях экономии средств, отрицали общенациональную церковь; в Новой Англии были распространены автономно существовавшие поместные общины – конгрегации. Запись в «Дневнике» Сьюолла от 21 декабря 1686 г. фиксирует ситуацию конфликта интересов: королевский губернатор настаивал на использовании дома собраний для литургического богослужения, представители конгрегаций отказались, считая, что это «не по совести» [9, р. 66].

Если в богословских трактатах и проповедях догматические вопросы пуританизма получали глубокую теоретическую проработку, то в повседневной жизни они воплощались в конкретных ситуациях. Показательная информация, датированная 12 ноября 1685 г.: «Священники города обратились в суд с жалобой на учителя танцев, который назначил танцевальное мероприятие на то время, когда должна была состояться лекция; они также передали его слова о том, что с помощью одной пьесы можно добиться большего эффекта, чем это сделают проповеди м-ра Уилларда или чтение Ветхого Завета. М-р Муди сказал, что сейчас для Новой Англии не время танцевать. М-р Мэзер, выступая против танцев, обратился к истории вопроса» [9, р. 66].

Известно, что у пуритан все виды художественной культуры были подчинены теологии, а на театральные зрелища существовал категорический запрет. В этой ситуации слова учителя танцев о преимуществе пьес перед поучениями известного проповедника и даже чтением Ветхого Завета звучат крайне смело. Выпадом против общепринятых норм было и назначение учителем танцев культурного мероприятия одновременно с проведением публичной проповеди, или «лекции». Афористично звучит заявление священника м-ра Муди о том, что сейчас для Новой Англии не время танцевать. Священник имел в виду величие замысла переселения на новые земли и необходимость мобилизовать силы на его воплощение. Жалоба в суд получила такой резонанс, что в обсуждение включился один из крупнейших богословских и церковных авторитетов Инкрис Мэзер, отец Коттона Мэзера.

Повседневность в описании Сьюолла пронизана религиозностью. Богословские сочинения и проповеди считаются лучшим подарком; как знак особого внимания они фигурируют даже в любовных взаимоотношениях. Регулярно посещая м-м Уинтроп в течение двух месяцев, Сьюолл преподнёс ей в качестве презентов книгу С. Уилларда «Живительный источник, или Великие достоинства Евангелия, которые Христос раскрывает перед грешными людьми», проповедь местного священника м-ра Мэйхью, книгу английского пуританского богослова В. Престона «О церковном браке и церковной поддержке». Дожидаясь возлюбленную, автор дневника читает книгу проповедей английского пуританского священника Р. Сиббса «Сострадание»,

Послания апостола Павла к Галатам и Ефесянам, 103-й псалом [9, р. 70, 71]. Собранный в доме Уинтропов небольшой круг гостей обсуждает изложенную Моисеем историю Исаака, а объясняя Сьюоллу свой отказ выйти за него замуж, м-м Уинтроп цитирует апостола Павла, утверждавшего, что одинокая жизнь лучше семейной [9, р. 71].

Лейтмотивом в «Дневнике» Сьюолла становится не только постоянная апелляция к религиозному чувству, но и фиксация малейших трат. Деловитость и рачительность суть сердцевина протестантской этики, однако сосредоточенность Сьюолла на деньгах заставляет вспомнить цитируемую составителями книги «Литература Соединённых Штатов. Антология и история» характеристику Сьюолла, которая принадлежит В.Л. Паррингтону, – «он имел религиозную концепцию лавочника» [11, р. 66]. Для «Дневника» характерны записи подобного рода: «Октябрь 6... Вскоре после 6-и пошёл к мадам Уинтроп. Её не было дома. Я дал служанке Саре Чикеринг 2 доллара, истопнице 1 доллар. Потом появилась няня, я дал ей 18 пенсов» [9, р. 68]. Приведённая здесь информация свидетельствует не только о щепетильности Сьюолла, но и его щедрости, а также о стремлении поддерживать имидж благодетеля. «Дневник», однако, пестрит перечислением денежных сумм, которое не несёт подобной нагрузки: о подаренной м-м Уинтроп книге Д. Престона становится известно, что она куплена на распродаже за 6 долларов [9, р. 69], а принесённые возлюбленной полфунта засахаренного миндаля были приобретены по 3 доллара за фунт [9, р. 71]. Уважительное, а в некоторых случаях даже излишне ува-

жительное отношение к деньгам проистекало из незыблемой пуританской истины: «Бог любит трудолюбивых». Деловитости и рачительности первых поселенцев Т. Свит посвящает исследование «Американские георгики. Экономика и окружающая среда в ранней американской литературе» [10].

Повседневность – важнейшая, но не единственная составляющая видимого мира. Красота и мощь природы, небесные светила так же отчётливо явлены человеку, как его жилище, корабль или лавка. Совместить будничные хлопоты и восхищение миром удавалось лишь поэтическим душам. Среди таких исключительных личностей была и Энн Брэдстрит (**A. Bradstreet**), которая вместе с родителями и мужем, под духовным руководством Д. Уинтропа, прибыла в Новый Свет в 1630 г. на знаменитом корабле «Арабелла». Примерная жена, домохозяйка и мать восьмерых детей, Энн Брэдстрит в то же время была эмансипированной женщиной и посвятила свою жизнь не только кухне, детям и церкви. Она писала стихи, письма, вела дневник, который демонстрирует её эрудицию, любовь к мужу и детям, силу характера и способность выбрать правильную линию поведения в сложной ситуации: пуританские требования к женщине были строги [5, p. 208].

В поэмах Э. Брэдстрит «Четыре элемента», «Четыре возраста человека», «Четыре темперамента», «Четыре сезона в году» нашли отражение новые научные идеи из области психологии, физики, физиологии, естественных наук. Лучшим сочинением поэтессы считаются «Размышления» (*Contemplations*), где тема природы – одна из основных. «Наряду с Библией и мгно-

вениями прямого божественного откровения природа была для пуритан третьим каналом связи Бога с человеком» [4, p. 188].

Поэтесса видит красоту в привычных пейзажах:

Наступило время осени,

Когда Фебу хочется на часок задержаться в постели.

Все деревья в богатом одеянии, но не кичатся им,

А с достоинством держат свои золотые головы.

Их листва и плоды кажутся нарисованными, но они настоящие,

Зелёные, красные, жёлтые, пёстрые.

Я покорена этим восхитительным зрелищем [3, p. 215].

Через природу человек в поэзии Э. Брэдстрит познаёт Бога:

Я знаю, на какой вопрос мне хотелось бы знать ответ:

«Если всё так совершенно здесь, внизу,

То как же великолепен Он, пребывающий в вышине?»

Я уверена, Он есть добро, мудрость, слава, свет,

Поэтому созданный им мир столь прекрасен.

Здесь больше небесного, чем земного, даже холод и тьма незаметны

[3, p. 215]. (Перевод автора).

Особое восхищение Э. Брэдстрит вызывает солнце. Поток сравнений, эпитетов, метафор, анафоров в описании солнца неиссякаем. Однако поэтическое восприятие мира сопряжено у Э. Брэдстрит с научным. Обращённые к солнцу слова поэтессы «Ты – душа мира, ты всевидящее око» представляют собой не только метафору, но и отражение идей гелиоцентрической системы мира. Научные познания ле-

жат и в основе фраз «Твой ежегодный маршрут, твой годовой и ежегодный маршрут... тобою созданы четыре сезона» [3, р. 216]. «Пуритане жили в век Фрэнсиса Бэкона, в век «новой науки» и основания в 1662 г. Королевского научного общества...но их научные взгляды не были в конфликте с религиозными» [8, р. 188].

Наглядным и осязаемым, предстает невидимый мир в первом американском бестселлере – поэме священника Мичела Уигглсуорта «Судный день» (M. Wigglesworth. The Day of Doom, 1662). Предостережения грешникам, звучавшие в Евангелиях, Посланиях апостолов, Откровениях Иоанна Богослова, приобрели новые краски в поэтическом изложении и имели сильное психологическое воздействие на читателей:

И в полночь вспыхнул свет,
Ночь, превративший в день.
По миру прокатилось грохотанье,
И ужас воцарился на земле.
Покинул сон людей
Их дрогнули сердца,
И затряслись тела от страха,
Был жутким рёв стихий [12, р. 226].
И слабые, и сильные рыдали,
Одежду разрывая на себе.
Глаза для слёз горючих не жалели
В великом потрясении они.

Вой, стоны, крики раздавались,
И ужас мир объял.

Стеная, обезумевшие люди
Искали, как быстрее себя убить
[12, р. 228]. (Перевод автора).

Приведённые переводы двух стансов из двухсот двадцати четырёх дают представление о стиле поэмы. Глубокая вера и богатое воображение позволили автору создать у читателя эффект присутствия и осознать библейские пророчества как возможную реальность.

Видимый и невидимый мир в сознании американских авторов XVII–XVIII вв. оказываются тесно связаны. Повседневность одухотворена глубокой религиозностью. В поэтических произведениях образ формируется из элементов как сокровенного, так и научного знания. Невидимый мир в представлении раннеамериканских интеллектуалов настолько чётко и понятен, что его можно назвать видимым, но видимым духовными очами.

Американской литературе XVII–начала XVIII вв. ещё предстоит завоевать своё место в мировом литературном процессе. Имея европейские корни, американская словесность этого периода в то же время несёт в себе черты национального образа мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История литературы США. Т. 1. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. М., 1997.
2. Мишина Л.А. Жанр автобиографии в истории американской литературы. Чебоксары, 2010. 147 с.
3. Мишина Л.А. Земное и духовное время в американской литературе XVII в. // Вестник Чувашиского университета. 2014. № 4. С. 199–206.
4. Церковский А.Л. Духовно-нравственный потенциал и художественные особенности американской прозы XVII в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2015. 25 с.
5. American Literature Survey. Ed. by M.R. Stern and S.L. Gross. Vol. I. Colonial and Federal to 1800. B. 2. N.Y., 1962. 420 p.

6. Armstrong C. Writing North America in the seventeenth century. Burlington, 2007. 226 p.
7. Bradstreet A. Contemplations. In: American Literature Survey. Vol. I. Op. cit. pp. 215-217.
8. Elliot E. The Dream of the christian utopia. In: The Cambridge History of American Literature. S. Bercovitch, Gen.Ed. Vol.I. 1590-1820. Cambridge, 1994. pp. 183-200.
9. Sewall S. Diary. In: The Literature of the United States. An Anthology and a History. W. Blair, Th.Hernberger. R. Stewart. Vol. I. Chicago-N.Y., 1953. pp. 66-72.
10. Sweet T. American Georgics. Economy and Environment in Early American Literature. Philad., 2002. 222 p.
11. The Literature of the United States. The Anthology and a History. Op.cit. 452 p.
12. Wigglesworth M. The Day of Doom. In: American Literature Survey. Vol. I. Op. cit. pp. 225-239.

REFERENCES

1. *Istoriya literatury SSHA. T. 1. Literatura kolonial'nogo perioda i epokhi Voiny za nezavisimost'. XVII-XVIII vv.* [History of literature of the United States. Vol. 1. Literature of the colonial period and the era of the war of independence. XVII-XVIIIth centuries]. Moscow, 1997. (In Russ.)
2. Mishina L.A. *Zhanr avtobiografii v istorii amerikanskoi literatury* [The genre of autobiography in the history of American literature]. Cheboksary, 2010, 147 p. (In Russ.)
3. Mishina L.A. Earthly and spiritual time in American literature of the 17th century. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2014, no. 4, pp. 199-206. (In Russ.)
4. Tserkovskii A.L. *Dukhovno-nravstvennyi potentsial i khudozhestvennye osobennosti amerikanskoi prozy XVII v.: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Spiritually-moral potential and artistic features of American prose of the 17th century: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Minsk, 2015, 25 p. (In Russ.)
5. American Literature Survey. Ed. by M.R. Stern and S.L. Gross. Vol. I. Colonial and Federal to 1800. B. 2. N.Y., 1962, 420 p.
6. Armstrong C. Writing North America in the seventeenth century. Burlington, 2007, 226 p.
7. Bradstreet A. Contemplations. In: American Literature Survey. Vol. I. Op. cit., pp. 215-217.
8. Elliot E. The Dream of the christian utopia. In: The Cambridge History of American Literature. S. Bercovitch, Gen. Ed. Vol. I. 1590-1820. Cambridge, 1994, pp. 183-200.
9. Sewall S. Diary. In: The Literature of the United States. An Anthology and a History. W. Blair, Th. Hernberger. R. Stewart. Vol. I. Chicago-N.Y., 1953, pp. 66-72.
10. Sweet T. American Georgics. Economy and Environment in Early American Literature. Philad., 2002, 222 p.
11. The Literature of the United States. The Anthology and a History. Op.cit., 452 p.
12. Wigglesworth M. The Day of Doom. In: American Literature Survey. Vol. I. Op. cit., pp. 225-239.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мишина Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Российского государственного социального университета;
e-mail: fraumischina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa Mishina – doctor of Philological Sciences, professor of the Russian language and literature department of Russian State Social University;
e-mail: fraumischina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Мишина Л.А. Видимый и невидимый мир в концепции американских авторов XVII – начала XVIII вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 108-115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-108-115

CORRECT REFERENCE

L. Mishina. Visible and invisible world in the conception of the 17th – the beginning of the 18th centuries American authors. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 108-115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-108-115

УДК 821.161.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-116-123

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ К ИМЕНАМ ЛИТЕРАТОРОВ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО

Силаева М.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматривается функциональное разнообразие и значимость апелляций В. Маяковского к именам писателей и поэтов. Анализируются ассоциации, рождённые негативным отношением к Художнику или поклонением перед его талантом, философским обобщением картины мира литератора или интересом к его художественному методу. Особое внимание направлено к истокам соотнесения деталей и явлений. Делаются выводы о позиции раннего Маяковского по отношению к наследию классиков и писателей-современников.

Ключевые слова: Маяковский, ассоциация, гиперболизация, художественное воплощение, культура.

PECULIAR REFERENCE TO WRITERS' NAMES IN EARLY WORKS OF VLADIMIR MAYAKOVSKY

M. Silaeva*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. In the article, the functional diversity and significance of V. Mayakovsky's reference to the names of writers and poets is considered. The article analyzes associations born of a negative attitude towards the Artist or worship of his talent, a philosophical generalization of the world of the writer or interest in his artistic method. Particular attention is paid to the origins of the correlation of details and phenomena. Conclusions are drawn about the position of the early Mayakovsky in relation to the heritage of classics and contemporary writers.

Keywords: Mayakovsky, association, hyperbolization, artistic embodiment, culture.

В раннем творчестве В. Маяковского истоки положительно или отрицательно окрашенной апелляции к творчеству Художников разных эпох были неоднозначными. Период рубежа XIX – XX веков остался в истории русской литературы временем необыкновенно насыщенной культурной жизни. Несмотря на это, Маяковский подчёркивал очевидное несоответствие между необходимыми преобразованиями в сфере прекрасного и тем продуктом, который предлагала творческая интеллигенция. Отражение этого диссонанса легло в основу обращения поэта к именам писателей в своём творчестве. В маяковедении (в начале XXI

века) стали появляться работы, авторы которых успешно вписывали наследие поэта в контекст общей философской мысли порубежной эпохи [4], однако без анализа апелляции к именам и творениям литераторов. В книге Д. Быкова [2] будто бы осуществлена такая попытка – с привлечением богатого биографического материала, но без соотнесения теоретических постулатов, особенностей мировосприятия авторов. Выводы, основанные только на личностном восприятии творческими индивидуальностями друг друга, кажутся уязвимыми. Необходимым видится анализировать истоки апелляции к именам великих не только как к носителям определённых черт характера, но и как к основателям идей, программ; важно рассматривать их поступки и место в культурном пространстве своего времени. Всё это помогает Маяковскому найти ещё один путь отражения новых философских откровений.

Часто поэт обращается к именам литераторов для того, чтобы отобразить разные стороны человеческой натуры: «В каждом юноше порох Маринетти, / в каждом старце мудрость Гюго» [5, с. 187]. Так, в поэме «Война и мир» Маяковский рисует будущее, рождённое мировым катарсисом. Не случайно в контексте представления о новом мире упоминается имя предводителя итальянских футуристов, восхвалявшего войну, Ф.Т. Маринетти. В его образе сосредоточена максимальная энергия, страсть к обновлению, безудержность в отстаивании своих принципов. Контрастным выглядит обращение к миру Гюго. Его мир ассоциируется со степенным, мудрым постижением жизни, погружением в

самые отдалённые трагические уголки подсознания. Всё творчество писателя проникнуто любовью к человечеству и сопереживанием ему. Так Маяковский создаёт образ нового человека, рождённого очистительной силой страдания, сотканного из противоположных черт: безудержности и степенности, воинственности и мудрости. Подобные контрасты были свойственны лирическому герою поэта. Внешнее умиротворение и болезненный танец нервов, внутреннее отчаяние и спокойствие покойника (в поэме «Облако в штанах»). Однако теперь, создавая образ героя будущего, Маяковский проявляет и своё собственное отношение к тому или иному деятелю литературы. В данном случае привязанность Маринетти к миру войны оценивается поэтом негативно.

Знаменитые «Гимны» Маяковского содержат отрицательно-обличительную характеристику персонажей. Обращение к представителям-создателям высокой культуры, её нетленных ценностей усиливает приземлённость, всеобщую деградацию представителей «нового» общества. Обыватели журналистского дна уничтожаются Маяковским на фоне абсолюта великих имён: «Но если просочится в газетной сети / о том, как велик был Пушкин или Дант, / кажется, будто разлагается в газете / громадный жирный официант» [5, с. 80].

В подвижно-эмоциональном мире Маяковского отрицательные стороны действительности обличались подтекстово. И чем более ярко были представлены высокие образцы, тем увереннее обличались исчерпавшие себя опустошённые реалии сегодняшнего дня. В стихотворении «Надоело» будто

бы без опоры на предыдущий контекст и без связи с последующим называются всем известные имена: «Анненский, Тютчев, Фет». Так обозначен абсолют недостижимого. Предъявляя к окружающему миру столь высокие запросы, герой замечает отсутствие людей вокруг. Никто не может соответствовать уровню духовности, человечности мира культуры. Поэтому в трактате и кинематографе «старательно работает над телячьей ножкой / загадочнейшее существо». Особенно одиноко становится герою в мире, где «нет людей». Подобная устрашающая картина может иметь и политический подтекст, так как любое историческое потрясение обусловлено духовным обнищанием: «помните: / в 1916 году / из Петрограда исчезли красивые люди» [5, с. 140]. Петербург с первых упоминаний в литературных источниках снискал славу и города-вдохновения, и столицы мира мёртвых. «Туман, с кровавым лицом каннибала, / жевал невкусных людей», а «с неба смотрела какая-то дрянь». Эта «дрянь» оглядывает город «величественно, как Лев Толстой» [5, с. 61]. Для Маяковского важно проставить акцент на спокойном самоутверждении разрушительной стихии. Обращение к имени Толстого здесь нужно как к вершине, чьё величие непоколебимо. Отсюда ещё более трагичной становится картина происходящего. Власть зла приближается к абсолюту.

Однако имена великих не всегда раскрывают трагический подтекст времени. Часто картины природы ассоциируются у Маяковского с элементами художественного мира того или иного автора. «А там, где кончается звёздочки точка, / месяц улыбается и

заверчен, как / будто на небе строчка / из Аверченко» [5, с. 89]. Безусловно, здесь есть и подтекстовая связь между природой и искусством, которая заключается в способности творить.

Земное и духовное сливается и в стихотворении «Себе, любимому, посвящает эти строки автор». Привлечение имён Данта и Петрарки нужно Маяковскому для глубины оксюморона, лежащего в основе произведения: «Если б быть мне косноязычным, / как Дант / или Петрарка!» [5, с. 152].

Последующие строчки построены по тому же принципу: «Если б был я / маленький, / как Великий океан»; «О, если б я нищ был! / Как миллиардер!»; «О, если б был я / тихий, / как гром»; «О, если б был я / тусклый, / как солнце» [5, с. 152-153]. Подобные несоотносимые сравнения обостряют центральный мотив лирики Маяковского – одиночество – и невозможность достижения искомой гармонии, способной осчастливить человечество. На «Спаситель-любовь» уповаet героиня во всех поэмах поэта, однако, служа ей, нигде её не находит. В одном ряду в стихотворении представлены океан, Дант, Петрарка, гром и пр., что очередной раз убеждает в равнозначности величия природы и искусства для становления человека.

Однако не всегда обращение к именам писателей служило формой философского обобщения. Иногда поэту было необходимо высказать своё отрицательное отношение к собратьям по перу. Маяковский энергично и прямолинейно не принимал убеждений некоторых деятелей литературы (иногда за оторванность творчества от реалий жизни, иногда за увлечение подражанием ярким личностям). В поэме

«Облако в штанах» обвинение направлено против «присосавшихся бесплатным приложением к каждой двуспальной кровати». Далее звучит пафосная провокация: «Что мне до Фауста, / феерией ракет / скользящего с Мефистофелем в небесном паркете! / Я знаю – / гвоздь у меня в сапоге / кошмарней, чем фантазия у Гёте!» [5, с. 107]. На пути повсеместного осуждения Маяковский пренебрежительно отзывается о поэтах античности, искажает личность французского поэта Вийона, который явно ощущал трагическую сущность судьбы человека, но вместе с тем умел всецело отдаваться радостям бытия. Сложность и одарённость натуры Вийона не помешали Маяковскому написать о нём следующие строки: «А знаете, / если не писал, / разбоем / занимался Франсуа Виллон» [5, с. 218].

Гении прошлых веков представляются в ранней лирике поэта пренебрежительно. Истоки этой гневной силы таятся в бунтарском начале футуриста – разрушить «тысячелетнее «Прежде» («Революция. Поэтохроника») [5, с. 222]. Наиболее однозначные и, как правило, несправедливые оценки литераторов прошлого и настоящего рождаются у Маяковского в период с 1915 по 1918 годы, время исторических потрясений и катастроф, с одной стороны, и отчаянной, энергичной веры в революцию духа – с другой.

14 ноября 1916 года погиб бельгийский поэт Э. Верхарн. Эта трагедия послужила поводом для написания стихотворения «Мрак». Маяковский обобщает произошедшее до всецелого оскудения литературы, падения нравов, нивелирования звания писателя: «Сегодня на Верхарна обиделись небеса. / Думает небо – / дай / зашибу

его! / Господи, / кому теперь писать? / Неужели Шебуеву?» [5, с. 144]. Н. Шебуев – представитель бульварной прессы – становится образом «лжеписателя», который только отдаляет человека от искусства: «от чтения их / в сердце заводится мокрица / и мозг зарастает густейшим волосом»; они «дрянью заначиняют / чемоданы душ»; от дряни «мысль иссушится в мелкий порошок», «останется смерть одна лишь ей» [5, с. 144-145]. Так, обращаясь к столь разным именам, Маяковский оттеняет низкий культурный уровень современности.

Однако Маяковский живо реагировал и на конкретные поступки своих современников. Энергия отклика поэта на различные события общественной и культурной жизни была невероятна. В духе Маяковского ярко отвечать на любые проявления, как ему казалось, несправедливости или недостойного поведения. Тогда поэт, подобно своему любимому герою Дон Кихоту, брал в руки карандаш-копье и принимался отстаивать свои представления о Прекрасном. Так, Маяковский заподозрил В. Брюсова в желании победить или «переписать» Пушкина. Появление «Египетских ночей» виделось Маяковскому незаконным: «Разбоя след затерян прочно / во тьме египетских ночей» [5, с. 149].

Нельзя назвать отношения Маяковского к Брюсову простым. В автобиографии «Я сам» он выделил по «формальной новизне» сочинения А. Белого, К. Бальмонта; Брюсова среди них не было [6, с. 451]. В статье «Не бабочки, а Александр Македонский» (1914) в адрес Брюсова было сказано об устарелых «аршинчиках», с которыми тот будто бы подходит «к сегод-

нышним событиям» [5, с. 364]; в статье «Штатская шрапнель» (1914) Маяковский позволил себе едкие замечания по поводу неуместного стиля стихов о войне. Адресовано это саркастическое послание было Бальмонту, Брюсову и Городецкому [5, с. 354]. С другой стороны – взгляды на культуру, в частности, искусство, у Маяковского и Брюсова были соотносимы. В статье В. Брюсова «Ключи тайн» (1904) заявлено: «...искусство никогда не производило, а всегда преображало действительность», и главное здесь – «мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений». В финале звучат выводы, естественные для эпохи рубежа веков: «История нового искусства есть прежде всего история его освобождения», «Ныне искусство наконец свободно», и потому содержит в себе «страшный динамит», отсутствующий во всех «ломах науки», «топорах общественной жизни» [1, с. 80, 92, 93]. Маяковский в докладе «О новой поэзии» (1912) так же выводит неоспоримый постулат: «Философия искусства – непосредственная интуиция»; «живопись и поэзия первые осознали свою свободу»; «поэтическая концепция» обусловлена словом, «его фонетической стороной, мифом, символом» [5, с. 365].

Очевидно, что идейное сближение Маяковского с поэтами-современниками ещё не гарантировало его поддержки во всех их начинаниях. Проверить на себе категоричность суждений поэта смог не только Учитель символизма. Так, в тетраптихе «Облако в штанах» встречаем: «А из сигарного дыма / ликёрной рюмкой / вытягивалось пропитое лицо Северянина» [5, с. 110].

Личные отношения с Северяниным были трудными, поскольку Маяковский не принимал идеи, выдвинутой Северяниным, – поставить во главу творчества исполненное авторское «я», не принимал поклонения «вселенской душе», не принимал и пафосного поведения Северянина. Физическое отторжение основателя эгофутуристов привело к тому, что Маяковский обобщил в лице Северянина образ поэта, живущего в своём мире, не желающего делить радости и скорби с народом. Не случайно именно в стихотворении «Вам!», направленном на осуждение всех, кто не желает видеть, как «багровой крови лилась и лилась струя», завершает образ «недолюдей» имя Северянина: «вы измазанной в котлете губой / похотливо напеваеете Северянина!» [5, с. 73]. В результате – яркий завершённый образ «невозвратных» душ, за счёт абсолютного себялюбия находящихся на грани человеческого. Безусловно, Маяковскому не была близка вселенная «грёзового царства». А русская поэзия Серебряного века без признаний Северянина утратила бы одну из оригинальных мелодий своего многоструйного целого. Но необходимо отметить, что даже эти неправильные обвинения в адрес предводителя эгофутуристов рождались у Маяковского под воздействием его неукротимой потребности переделать жизнь, очистить сознание человека, поднять его духовно. Доказательством тому служит его заметка «Поэзовечер Игоря Северянина» (1914), в которой он настаивает на вреде, исходящем от раскованности ассоциативного мышления Северянина. Есть версия, суть которой сводится к тому, что в образе «серенького поэта» («Облако в шта-

нах») Маяковский зашифровал фигуру поэта Рюрика Ивнева, обличённого Маяковским в излишнем подражании Северянину. И вновь очевидно неприятие личностных качеств Ивнева, за которыми Маяковский не может оценить очевидный талант поэта.

Наиболее популярным становится приём создания образа с помощью ассоциации с художественным миром писателя. Например, ужасы войны отражены в соотнесении с «Божественной комедией» Данте: «Дантова ада кошмаром намаранней, / громогласие меди грохотом изоржав, / дрожа за Париж, / последним / на Марне / ядром отбивается Жоффри» [5, с. 170].

Ни у Маяковского, ни у Данте нет чистилища, нет и рая. Есть только ожидание скорого приближения смерти. Напряжение усиливается с помощью звукового диссонанса: шум, грохот, звон.

Однако есть примеры, когда Маяковский не изменяет значения используемого им образа, а, наоборот, концентрирует его. Так, в поэме «Война и мир» чистота, непорочность и сила начала новой жизни, без войны, усилена неожиданным скрытым сравнением: «День раскрылся такой, / что сказки Андерсена / щенками ползали у него в ногах» [5, с. 184].

Имя датского писателя задействовано для того, чтобы показать масштабы перемен в новом обществе. Гений всемирно известного сказочника не уничтожён, он принимает и отдаёт должное возможностям «нового человека».

Глубину проникновения в реалии действительности Маяковскому помогает достичь гиперболизация образа писателя. «Похоронный марш» плача

сливается «в один / сплошной изрыдавшийся Гаршин» [5, с. 96]. Обращение к Всеволоду Гаршину отражает страдание вселенского масштаба. Также и в поэме «Флейта-позвоночник»: поэт обращается к небесам с риторическим вопросом: «Какому небесному Гофману / выдумалась ты, проклятая?!» [5, с. 121]. Бесконечные и едва переносимые страдания лирического героя максимально укрупняются за счёт ассоциации со зловещим миром немецкого писателя. Это приём прямого использования ассоциации.

В поэме «Человек» (глава «Вознесение Маяковского») автор представляет образ Демона; в описании нет ничего, что роднило бы его с образом из христианской литературы, художественной (поэма М.Ю. Лермонтова) или живописного искусства (полотна М.А. Врубеля): «Пойте теперь / о новом – пойте – Демоне / в американском пиджаке / и блеске жёлтых ботинок» [5, с. 203].

Но Маяковский, обращая внимание на способность врага мимикрировать в обществе, в котором ему необходимо остаться, идёт тропами, уже открытыми А. Данте, И.В. Гёте, М.Ю. Лермонтовым, Л. Андреевым, В. Брюсовым и М. Булгаковым. Однако при этом Маяковский проставляет мощный акцент не на самом демоне, а на тех, кто не замечает его нечистой сути. Ему (Демону) так легко удаётся проникнуть в жизнь каждого человека потому, что мир людей ждёт не Спасителя – увы, он открыт приходу Демона. Не случайно образ такого мира представлен мыслёмко и достоверно: «церковь в закате. Крест огарком» [5, с. 202].

Но как бы ни были драматичны или неразрешимы конфликты современ-

ной действительности, Маяковский всегда чаял неотвратимой революции духа. Он искренне верил в победу заложенной в человеке потребности в любви, торжество бытия над бытом, преображение сознания. В своих мечтах поэт опирался на культурное наследие человечества. Кричащие, обу-

словленные временем историческим и личностным параграфы манифеста «Пощёчина общественному вкусу» были проработаны в сторону приятия и достойного наследования русской классики. На этом пути В. Маяковский сделал немало философских обобщений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брюсов В. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975. 656 с.
2. Быков Д.Д. Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия, 2016. 832 с.
3. Катанян В.А. Распечатанная бутылка. Н. Новгород: Деком, 1999. 348 с.
4. Кацис Л.Ф. В. Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М.: Язык русской культуры, 2000. 775 с.
5. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Госиздат Худож. лит., 1955. 464 с.
6. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 3. М.: Госиздат Худож. лит., 1955. 656 с.

REFERENCES

1. Bryusov V. *Sobranie sochinenii v 7-mi tomakh. T.6* [Collected works in 7 volumes. Vol. 6]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, 656 p. (in Russ.)
2. Bykov D.D. *Trinadtsatiy apostol. Mayakovskii: Tragediya-buff v shesti deistviyakh* [Thirteenth Apostle. Mayakovsky: a Tragedy-bouffe in six actions]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016, 832 p. (in Russ.)
3. Katanyan V.A. *Raspechatannaya butylka* [Opened bottle]. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 1999, 348 p. (in Russ.)
4. Katsis L.F. V. *Mayakovskii: Poet v intellektual'nom kontekste epokhi* [Mayakovsky: a Poet in the intellectual context of the era]. Moscow, Yazyk russkoi kul'tury Publ., 2000, 775 p. (in Russ.)
5. Mayakovskii V.V. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 1* [Complete works in 13 volumes. Vol. 1]. Moscow, Gosizdat KHudozh.lit. Publ., 1955, 464 p. (in Russ.)
6. Mayakovskii V.V. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 3* [Complete works in 13 volumes. Vol. 3]. Moscow, Gosizdat KHudozh.lit. Publ., 1955, 656 p. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Силаева Марина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;

e-mail: silaevamv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Silaeva – candidate of Philological Sciences, associate professor at the department of the Russian literature 20 c. of Moscow Region State University;
e-mail: silaevamv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Силаева М.В. Особенности обращения к именам литераторов в ранней лирике В. Маяковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 116-123.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-116-123

CORRECT REFERENCE

M. Silaeva. Peculiar reference to writers' names in early works of Vladimir Mayakovsky. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 116-123.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-116-123

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-124-130

ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В ПОЭЗИИ О.СЕДАКОВОЙ*

Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественных особенностей пространства детства в творчестве ярчайшего представителя современной русской поэзии – Ольги Седаковой. Топос детства рассматривается комплексно и системно, в единстве основных тем, мотивов и образов поэзии Седаковой, что позволяет раскрыть специфику её художественного мышления, мифопоэтическую природу её лирики. Художественная семантика пространства детства проанализирована с учётом динамики творчества поэта, в широком контексте литературной и фольклорной традиции.

Ключевые слова: художественное пространство, топос, мифопоэтика, фольклор, образ, мотив.

THE SPACE OF CHILDHOOD IN THE POETRY OF O. SEDAKOVA

N. Tropkina, N. Ryabtseva

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27, V. Lenin pr., Volgograd, Russian Federation, 400066*

Abstract. The article is devoted to the artistic features of the space of childhood in the works of the brightest representative of the modern Russian poetry – Olga Sedakova. Topos of childhood is considered comprehensively and systematically, in the unity of the main themes, motifs and images of the poetry of Sedakova, which allows to reveal the specifics of its artistic thinking, mytho-poetic nature of its lyrics. Artistic semantics space of childhood is analysed taking into account the dynamics of the poet in the wider context of literary and folklore traditions.

Keywords: art space, topos, mythopoetic, folklore, image, motive.

Классификация пространственных моделей и образов может основываться на различных признаках, в их числе «гендерные (обнаруживаются типы пространства мужского и женского), возрастные – пространства детства, зрелости, старости; пространства особых состояний» [9, с. 163]. Пространство детства – одна из наиболее значимых составляющих антропологического пространства в литературе. Мы рассматриваем топос детства в поэзии Ольги Седаковой. Смысловым центром её художественного мира является образ ребёнка и сопутствующий ему образно-тематический комплекс, генетически связанный с феноменом

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 16-04-00382 «Научное наследие Д.Н. Медриша»).

© Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е., 2017.

детства: *возраст, рождение, жизнь, смерть, отец, мать* и др. Образ ребёнка в поэзии Седаковой тяготеет к культурно-мифологическим обобщениям. Топос детства в её стихах в определённой степени лишён геокультурной и исторической конкретики: психофизические, эмоциональные, возрастные признаки детства получают в её поэзии символическое осмысление. «Метафизическая поэзия» [6] (С.С. Аверинцев) О. Седаковой – это продолжение вечной истории о пути человека к Богу, и тоpos детства в творчестве поэта может быть осмыслен не столько в контексте социально-исторической реальности, сколько в семантической парадигме культурной традиции. В связи с этим образ ребёнка и связанный с ним мотивный комплекс семьи и дома эксплицируют у Седаковой архетипическую модель человеческого бытия, понимаемую в свете христианской аксиологии и представления о двуединной духовно-телесной природе человека. Лирический герой у Седаковой постигает осуществление своего «здесь-бытия» в «пространстве-между», на границе «горнего» и «дольнего». Ребёнок в этом смысле реализует у поэта идею души, образа Божия в человеке («знаю, что душа – младенец, / младенец до последнего часа» [7]). Топос детства воплощает образ духовной цельности личности в противовес миру взрослых с его болезненной рефлексией.

Экзистенциальная природа топоса детства в стихах Седаковой раскрывается в образной антиномии «сад-Эдем» – «сад мироздания», поэтому в её творчестве тема детства чаще всего соотносится с мифологемой сада. Инвариантным признаком топоса сада

в стихах Седаковой становится его экзистенциальная природа: сад – это пограничное пространство между метафизическим миром и отражённой земной реальностью. При этом реализуется архетипический сюжет возвращения души в райский сад – к родному дому, к Отцу, к утраченному раю. Опираясь на библейскую образность, автор выстраивает лирический сюжет духовного пути героя от «раннего детства» – блаженного сна в «золотой постели» [6] – к грехопадению и изгнанию из рая. Лирический герой Седаковой обречён на участь «блудного сына» – скитальца, страждущего в поисках утраченного Эдема. В одном из её ранних стихотворений «Неужели, Мария, только рамы скрипят...» (1973) художественная семантика топоса сада амбивалентна: «заповеданный сад» как символ вневременной гармонии и сад мироздания как пространство боли и страдания, утрат и забвения. «Неужели, Мария, только рамы скрипят, / только стёкла болят и трепещут? / Если это не сад – / разреши мне назад, / в тишину, где задуманы вещи» [6]. Граница двух топосов маркирована образом окна как онтологического рубежа [см.: 2], что является метафорой связи человеческого и Божественного, телесного и духовного. Восхождение души от тьмы к свету мыслится лирической героиней как путь искупления греха через боль и страдания.

В цикле «Старые песни» (1980–1981 гг.) тоpos сада-Эдема актуализирован в пространстве родовой памяти души о блаженной гармонии бытия, что прямо соотносится с пространством детства и порождает устойчивое обращение к образу «играющего ребёнка». Мотив игры воссоздаёт

атмосферу гармонии человеческого бытия в Вечности. В стихотворении «Играющий ребёнок» это апелляция к евангельской и к античной традиции, к изречению Гераклита: «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки: царство (над миром) принадлежит ребёнку» [5]. Лейтмотив игры воплощает идею таинственного высшего знания ребёнка о мире. Метафизическая природа этого знания подчёркивается сравнением детского предчувствия как высшего дара с «неслышимой музыкой», звучащей в «белой комнате» («Прекрасно в этой неслышимой музыке, в комнате белой» [7]). Примечательно, что топос ребёнка изолирован, непроницаем для суетного мира. Художественная функция замкнутости и непроницаемости границ мира детства оказывается семантически значимой. Детская ипостась человека, его духовная сущность закрыта от внешнего пространства обыденной суетной реальности, трансцендентна миру, о чём свидетельствует комплекс визуальных мотивов: зрения / знания – слепоты / неведения: «Мы не видим лица. Мы глядим на него, как из двери / мать поглядела – и тут же спокойно уходит: / и он играет. Белый луч на полу, / – Он ещё поиграет, / я успею доделать, что нужно» [7]. «Нераздельность – неслиянность» топосов Матери и Ребёнка отражает связь с библейской символикой. Спокойный взгляд матери и характерная символика света и цвета восходят к иконописной традиции с присущими ей принципами сотворения образа как «посредника» между миром видимым и миром невидимым, воплощающим «идею созерцаемого вечного смысла, то есть явленной духовной сущности»

[10, с. 144]. Топос детства с учётом этой параллели, как и иконописный образ, выражает трансцендентную реальность личности, постигаемую только «внутренним зрением».

Атемпоральность детского топоса маркирована образной оппозицией «время / судьба» – «игра / вечность». Вместе с тем тайное знание о сущности бытия сближает в поэзии Седаковой образы ребёнка и старухи (старика), которые в мифопоэтической модели пространства воспроизводят идею цикличности времени и целостности мира. Детский топос в поэтическом мире Седаковой как топос экзистенциальный по своей природе сосуществует на границе реального и ирреального, разомкнут для мира метафизического, поэтому мир живых и мир мёртвых не изолированы друг от друга, а сосуществуют в едином пространстве вечного («Бог же не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у него все живы») (Мф. 22: 23, 28-32). В евангельском ключе метафоризируется у Седаковой тема памяти как связи живущих с ушедшими. В стихотворении «Горная колыбельная» единство образов живых и мёртвых порождает контаминацию топоса детства с танатологическим и онейрическим пространством: «В ореховых зарослях много пустых колыбелей. / Умершие стали детьми и хотят, чтобы с ними сидели...» [6]. Семантическое родство указанных топосов поддерживается древнейшими архаическими представлениями, зафиксированными в фольклорных источниках. Рецепция топоса детства в свете мифопоэтических категорий, переосмысленных в русле христианских традиций, у Седаковой во многом обусловлена исследовательским инте-

ресом автора к данной теме. Итогом научных разысканий Седаковой стала изданная в 2004 г. монография «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» [8]. Семантический мифокомплекс погребального обряда, связанный с образом «спящего ребёнка», актуализируется в поэзии Седаковой в обращении к жанру колыбельной песни, основу которой, по архаическим обрядовым представлениям, составляет метафора «смерть – сон». Возникает единое пространство памяти, пограничное между жизнью и смертью.

В стихотворении «Третья тетрадь» (цикл «Старые песни») тоpos памяти репрезентирован уже в посвящении к тексту – «Памяти бабушки Дарьи Семёновны Седаковой», а структурно текст представляет собой монолог умершей бабушки, обращённый к внучке. И бабушка, и внучка созерцают то, что незримо и неведомо для других: «из сада видно мелкую реку, / в реке видно каждую рыбу» [6]. Особую значимость в стихотворении обретают визуальные образы, представленные в виде семантической цепочки: «видеть – знать – помнить – верить». Это связано с мотивами слепоты / зрения. В монографии Д.Н. Медриша эти мотивы рассматриваются в контексте сюжета об ослеплении зодчих / мастеров [см.: 3]. Как отмечает в названной выше монографии Седакова, в номинальной обрядовой символике «опозиции здешнего / потустороннего, близкого / далёкого отодвинуты более актуальной для данной системы оппозицией видимого-невидимого и, соответственно, ведомого / неведомого...» [8, с. 40]. В стихотворении Седаковой мотив *вИденья* как высшего знания

маркирован образом «больных глаз», имплицитно реализуя семантику слепоты как внутреннего зрения, дарующего тайное знание, высшую мудрость: «Что же я такое сотворила, / что свеча моя горит не ясно, / мигает, как глаза больные, / бессонные тусклые очи?» [6]. Этот мотивный комплекс проецируется на антропологическое пространство возраста, но не детства, а старости как времени утраты зрения и обретения высшей мудрости, что было рассмотрено нами ранее в статье «Визуальная апперцепция пространства в русской поэзии второй половины XX в.» [см.: 4].

Мотив пути, организующий лирический сюжет стихотворения, сближает два библейских топоса – Сад-Эдем и вертеп со спящим младенцем. Таким образом автор акцентирует внимание на двух знаковых точках в христианской картине мира, которые в финале лирического сюжета воплощаются в образе «души-младенца». Визуальная метафора «видение / знание» в заключительных строках стихотворения «Третья тетрадь» актуализирует мотив веры как высшего знания: «и знаю странные вещи: / знаю, что душа – младенец, / младенец до последнего часа. / Всему, всему она верит / и спит в разбойничьем вертепе» [6].

Образ странника, скитальца относится у Седаковой к архетипу «блудного сына». Путь в данном контексте осмыслен как метафора духовных испытаний героя, поиска Вечного Дома, возвращения души в Святую обитель. В стихотворении-канцоне «Возвращение блудного сына» образ «души-младенца» трансформируется в образ «поэта-ребёнка» и интерпретируется в свете библейских, литературных и

культурных ассоциаций. Топос детства соотносится в стихотворении с патографическим пространством и мотивом слепоты, что в свою очередь является аллюзией на известный сюжет картины Рембрандта «Возвращение блудного сына». Но в отличие от полотна живописца, на котором слепой отец обнимает сына, в тексте Седаковой слепцом изображен сам блудный сын. «Поэт-ребёнок», томящийся в жару скарлатины, видит себя, как в кривом зеркале, героем сказки Гауфа «Карлик Нос». В сказке Гауфа маленький Яков смотрит в зеркало, не узнавая своего уродливого лица. Мотив слепоты / болезни и образ зеркала у Седаковой проецируются на изображение внутреннего мира блудного сына – поэта с душою ребёнка. Тернистый путь души пролегает от мнимого дома, воплощённого в образе заколдованного леса («идёт, идёт. Репей, болиголов, трёхлетняя крещенская крапива» [6]) к истинному Дому в обители Отца. Выздоровление блудного сына, его пробуждение от наваждения, от власти тьмы и греха – искажённой личности души – в финале текста прочитывается как возвращение к детско-

му состоянию обожения, к обретению утраченного Эдема: «И милует, и гладит колыбель. / И кажется, и движется купель: / – Где б ни был ты – ты был, как луч в луче, / в горячем плаче на моём плече» [6]. Это соотносится с гуманистической традицией русской поэзии, основанной на «эмоциональном сопереживании и христианском осознании необходимости и неизбежности страданий для человека и его прощения во имя любви к ближнему и самому Божественному бытию, исполненному высокой красоты» [1, с. 30].

Таким образом, топос сада как символическое воплощение детского пространства в поэзии Седаковой отражает ключевые аспекты поэтической философии автора, основу которой составляет идея вечного бытия, преосуществлённого в жизни Духа. Художественная семантика пространства детства, выявленная нами в творчестве Седаковой, может быть в дальнейшем рассмотрена в двух аспектах: другие пространственные модели в творчестве поэта, а также типы и модели пространства в современной поэзии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аношкина-Касаткина В.Н. Романтический психологизм М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология». 2013. № 1. С. 24-30.
2. Жолковский А.К., Щеглова Ю.К. Место окна в поэтическом мире Пастернака // Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приёмы – Текст / предисл. М.Л. Гаспарова. М.: АО Изд. группа «Прогресс», 1996. С. 209-239.
3. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. 175 с.
4. Рябцева Н.Е., Тропкина Н.Е. Визуальная апперцепция пространства в русской поэзии второй половины XX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2014. №5 (90). С. 140-144.
5. Сборник цитат, афоризмов, выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://zestword.ru/aforizmy/> (дата обращения: 07.11.2016).

6. Седакова О. Стихи / составление А. Великановой. Вступительная статья С. Аверинцева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-05.html> (дата обращения: 15.11.2016).
7. Седакова Ольга. Стихи из разных книг [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/olga-sedakova-stihi-iz-raznyh-knig> (дата обращения: 15.11.2016).
8. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования). М.: Индик, 2004. 320 с.
9. Тропкина Н.Е. Типы и модели пространства в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серии Педагогические науки. Филологические науки. Социально-экономические науки и искусство. 2011. № 8 (62). С. 161-165.
10. Флоренский П.А. Иконостас / авт. вступ. статей игумен. Андроник (Трубачёв) и др.; Подгот. текста и коммент. А.Г. Дунаева. М.: Искусство, 1995. 254 с.

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina V.N. Romantic psychology of M. Lermontov and Tyutchev. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2013, no. 1, pp. 24-30. (In Russ.)
2. Zholkovskii A.K., Shcheglova YU.K. Role of a window in the poetic world of Pasternak. In: *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst* [Works on the poetics of expressiveness: Invariants – Topic – Methods – Text] / Foreword. by M. L. Gasparov. M., АО «Progress» Publ. group, 1996, pp. 209-239. (In Russ.)
3. Medrish D.N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki* [Literature and folk tradition. Poetics]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1980, 175 p. (In Russ.)
4. Ryabtseva N.E., Tropkina N.E. Visual apperception of space in the Russian poetry of the second half of the 20th century. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences]. 2014, no. 5 (90), pp. 140-144. (In Russ.)
5. *Sbornik tsitat, aforizmov, vyrazhenii* [Elektronnyi resurs]. [Collection of quotations, aphorisms, expressions [E-source]]. URL: <http://zestword.ru/aforizmy/> (request date 07.11.2016) (In Russ.)
6. Sedakova O.A. *Stikhi* [Elektronnyi resurs]. [Poems [E-source]] / Preparation by A. Velikanova. Introduction by S. Averintsev. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-05.html> (request date 15.11.2016) (In Russ.)
7. Sedakova O.A. *Stikhi iz raznykh knig* [Elektronnyi resurs]. [Verses from different books [E-source]]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/olga-sedakova-stihi-iz-raznyh-knig> (request date 15.11.2016) (In Russ.)
8. Sedakova O.A. *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennye issledovaniya) [The poetics of ritual. The funeral rites of the Eastern and southern Slavs (Traditional spiritual culture of the Slavs. Modern research)]. Moscow, Indrik Publ., 2004, 320 p. (In Russ.)
9. Tropkina N.E. Types and models of space in the Russian poetry of the second half of 20th – beginning of 21st century. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serii Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i iskusstvo* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. A series of Pedagogical Sciences. Philological Sciences. Socio-economic Sciences and Art]. 2011, no. 8 (62), pp. 161-165. (In Russ.)

10. Florenskii P.A. Ikonostas [Iconostasis] / Ed. introd. articles by Abbot. Andronik (Trubachev), etc.; Ed. text and comments. by A. G. Dunayev. Moscow, Iskusstvo, 1995, 254 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тропкина Надежда Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики её преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: netropkina@mail.ru

Рябцева Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики её преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda Tropkina – doctor of Philological Sciences, Professor, department of literature and methods of teaching, Volgograd state social pedagogical University;
e-mail: netropkina@mail.ru

Natalya Ryabtseva – candidate of Philological Sciences, associate professor, department of literature and methods of teaching, Volgograd state social pedagogical University;
e-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Пространство детства в поэзии О. Седаковой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 124-130.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-124-130

CORRECT REFERENCE

N. Tropkina, N. Ryabtseva. The space of childhood in the poetry of O. Sedakova. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 124-130.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-124-130

УДК 82-145

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-131-135

ИСТОРИЯ В ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА

Шаховская Н.Н.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме реконструкции авторской историософии Александра Семёновича Кушнера при помощи анализа его стихотворений, эссе и интервью. Лиризация и автобиографизм рассматриваются как ключевые приёмы воплощения в художественном тексте взглядов поэта на исторический процесс. В статье уделено внимание авторской философии восприятия времени и событий, взглядам А.С. Кушнера на логику истории, мифологизацию прошлого, а также представлениям о детализации и интонации как способах воплощения «духа времени» в лирической поэзии.

Ключевые слова: А.С. Кушнер, русская литература, поэзия, история, автобиографизм, лиризм.

HISTORY IN THE LIRYCAL POEMS OF ALEKSANDER KUSHNER

N. Shakhovskaya

Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. This article is devoted to the reconstruction of the Alexander Kushner's philosophy of history by analyzing his poems, essays and interviews. Lyricism and autobiographism are seen as key techniques in the art text creation of the poet's views on the historical process. In the article, the attention is paid to philosophy of perception of time and events, A. Kouchner's views on history's logic, past mythologization, and also ideas of specification and intonation as ways of the embodiment of "Zeitgeist" in lyrical poetry.

Keywords: A. Kushner, Russian literature, poetry, history, autobiographism, lyricism.

Александр Семёнович Кушнер – поэт-петербуржец, лауреат множества престижных российских и зарубежных литературных премий. Стихи его переведены на полтора десятка иностранных языков. Начав свою творческую деятельность в 1960-е годы, он опубликовал более пятидесяти авторских сборников, включающих лирические стихотворения для взрослых и детей, заметки и эссе о литературе.

Предисловия к книгам Кушнера писали Д.С. Лихачёв, В.С. Шефнер, И.А. Бродский.¹ В разное время о творчестве Кушнера высказывались литературоведы и

© Шаховская Н.Н., 2017.

¹ И. Бродский так отзывался о его творчестве: «Александр Кушнер – один из лучших лирических поэтов XX в., и его имени суждено стоять в ряду имён, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский».

критики Л.Я. Гинзбург, Т.А. Бек, И.О. Шайтанов, А.Ю. Арьев, Л.А. Аннинский, М.Ф. Пьяных, С.И. Чупринин, И.Б. Роднянская, А.Г. Машевский и др. В последнее десятилетие его поэзия стала предметом диссертационных исследований, в которых намечаются пути её монографического изучения.

В эссе и интервью поэт неоднократно называет одну из своих главных творческих целей – восстановление преемственной связи с литературной традицией, которая была прервана катастрофами начала XX в., отодвинувшими, по словам М.Н. Эпштейна, «XIX век – век нашей классики – в легендарное прошлое» [9, с. 26]. Обратившись к текстам стихотворений Кушнера, обнаруживаем, что его интересует не только история литературы, но и история России, всеобщая история. Часто поэт находится «в поисках утраченного времени», ведя своего рода поэтическое летописание, например, в стихотворении 1994 г. «Нечто вроде прустовского романа...»:

Нечто вроде прустовского романа,
Только на языке другом и не в прозе,
А в стихах, – вот чем я занят был...
[6, с. 666].

Выбор малой жанровой формы усиливает реконструкцию историософии поэта: небольшой объём текста не позволяет высказаться развёрнуто, к тому же, как говорит сам Кушнер, лирическое стихотворение – «не философский трактат, где всё логически выверено, одна мысль развивает другую, и между ними есть преемственность. В стихах не надо искать логики. Бывает, одно стихотворение противоречит другому, подчас даже опровергает его» [3].

Важно отметить, что в стихах Кушнера отражён взгляд не стороннего

равнодушного наблюдателя, а рядового человека. Утверждая ценность и прелесть частной жизни, личной истории¹, поэт не вырывает свою судьбу из контекста всеобщей – поколения, страны. Это связано, в частности, со взглядами Кушнера на предназначение поэта, идущими вразрез с романтической трактовкой: поэт не противопоставит толпе, его удел – не пророчество, а тихий упорный труд, ничем не хуже и не лучше любого другого. Об этом, в частности, стихотворение 2000 г. «Было время понять, что шахтёры...»:

...И бухгалтер, отчёт годовой
Составляя, и помощи скорой
Врач — рискуют своей головой.
Было время понять, что *поэта*
Жизнь не горше, не слаще, чем эта:
Так же ствол её плодоносящ,
Если только она не либретто
С себялюбцем, укутанным в плащ
[5, с. 50]. (Здесь и далее курсив наш. – Н. Ш.)

Или в другом стихотворении:
Земная жизнь... Среди её даров
Один из лучших – стройный лад стихов.
Не заносись! Ты скромным занят делом [5, с. 68].

Как отмечал Д.С. Лихачёв, в поэзии Кушнера «любой жест, любое действие может быть присвоено читателем, на которого, как на своего двойника, хочется походить автор» [7, с. 8].

Кушнер сознательно сторонится публицистичности, считая, что «на злобу дня» можно высказаться вне лирического текста. Сосредоточенность на личном опыте, интерес к индивидуаль-

¹ «Сквозь любое десятилетие, любой год человеку просвечивает, кроме вечности, его собственное время. Оно состоит из его любви, из прочитанного, из встреч, разговоров с людьми, впечатлений... Время у каждого своё, собственное» [3].

ному, частному существованию, «интимный разговор» (выражение А. Кушнера) для него более характерны. Говоря о невероятной популярности поэзии в 1960-е годы, чтении стихов с эстрады и обращении к «злобе дня», поэт отмечает: «Так вот, может быть, популярность эта – от отсутствия свободы слова в стране, отсутствия честной и свободной публицистики, журналистики, – и тогда поэзия подменяет их собой и занимается не своим делом. Публицистика противопоставлена поэзии, через несколько лет шумного успеха громко-голосые стихи умирают» [8].

Поэт отмечает, что лирические стихи способны передать читателю «дух времени»: «Книга стихов, ограниченная определённым отрезком времени, даёт сконцентрированный сгусток этого времени, закрепляет его суть» [4, с. 47]. Достигается это как при помощи многократно отмечаемой литературоведами скрупулёзной внимательности Кушнера к приметам времени и места, сознательного насыщения текста деталями и мелочами, так и при помощи неизбежно проникающей в текст особой, свойственной определённой литературной эпохе интонации: «На фотографиях понятно – причёска, фасон платья, в стихах всё гораздо сложнее, но покажите мне стихотворение незнакомого поэта XIX века – и я скажу, что это XIX век или 20-е годы XX века. Время вещественно, оно откладывается, живёт в стихах» [2].

Говоря об истории, Кушнер избегает её мифологизации: для него не существует ни «золотой эпохи», ни «века железного», о чём он говорит в стихотворении 2014 г. «Да, прекрасная затея...»:

Сколько слёз! Ничто не мило.

Отвечает Галилей:

«Боже мой, всегда так было!
Иногда ещё страшней» [5, с. 8].

Человек не может выбрать время, в котором ему жить, но в его силах выбрать, как жить, – подчёркивает поэт и отдаёт предпочтение стоическому мировосприятию. Об этом – его программное стихотворение 1976 г. «Времена не выбирают...»

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем кланяться и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять... [6, с. 206].

Кушнер подчёркивает важность умения находить вдохновение в окружающей действительности, в не сразу заметных и, казалось бы, незначительных вещах:

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка... [6, с. 206].

Говоря о XX в., его ужасе и трагизме, Кушнер постоянно вторит одной из самых известных своих строчек – «Времена не выбирают» – утверждая важность пережитого и бесконечную ценность личного опыта, времени как судьбы:

...обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время – это испытанье.
Не завидуй никому» [6, с. 206].

Обозначив доминанты трагизма XX в., Кушнер, тем не менее, склонен к оптимистичному взгляду на логику исторического процесса: да, многое в прошлом ужасно, но мир – верит поэт – меняется, понемногу становясь лучше, о чём он утверждает в стихотворении 2004 г. «Мир становится лучше, – так нам говорит Далай-Лама...»:

Мир становится лучше, – так нам
говорит Далай-Лама.

Постепенно и медленно, еле заметно, упрямо,

Несмотря на все ужасы, как он ни мрачен, ни мглист,

Мир становится лучше, и я в этом смысле – буддист.

<...>

Незаметно для нас. Незаметно для нас? Почему же?

Далай-Лама глядит – и становится ясно, что хуже

Было раньше, чем нынче, – ещё бы, ему ли не знать!

А иначе зачем бы рождаться опять и опять... [6, с. 649].

Кушнер отказывается от крупных эпических жанров, считая поэму устаревшей, и сосредоточивает своё внимание на книге стихов, которая, по его

словам, «даёт возможность поэту, не обращаясь к условным персонажам, создать последовательное повествование о собственной жизни, закрепить в стихах процесс, историю развития своей души, а следовательно, и души своего современника. <...> это возможность лирического поэта в обход большого жанра создать связный рассказ о времени» [3, с. 47]. В малой жанровой форме через автобиографизм, лиризацию увиденного и пережитого поэт выражает своё отношение к истории – личной, отечественной, всеобщей. Анализ его стихотворений в сопоставлении с текстами эссе и интервью ведёт к постижению авторской историософии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бродский И.А. Поэтический вечер А.С. Кушнера. Вступительное слово. 1988 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aaFum1MnpHA/> (дата обращения: 19.12.2016)
2. Вольтская Т.А., Парамонов Б.М. Желание быть голландцем [Интервью с А.С. Кушнером] [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 14 сентября 2016 [сайт]. URL: <http://www.svoboda.org/a/27984337.html/> (дата обращения: 20.12.2016)
3. Выжutowич В.В. «Я скатерть белую прославил на столе...» [Интервью с А.С. Кушнером] [Электронный ресурс] // Российская газета. 4 сентября 2009 [сайт]. URL: <https://rg.ru/2009/09/04/kushner.html/> (дата обращения: 20.12.2016)
4. Кушнер А.С. Аполлон в снегу: Заметки на полях. М.: Советский писатель. 1991. 512 с.
5. Кушнер А.С. Земное притяжение. М.: Время, 2015. 96 с.
6. Кушнер А.С. Избранное. М.: Время, 2015. 270 с.
7. Кушнер А.С. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1986. 302 с.
8. Маркарян О.Э. Александр Кушнер: «Пруст – это книга стихов». [Интервью с А.С. Кушнером] [Электронный ресурс] // Rara Avis. 14 сентября 2016 [сайт]. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/aleksandr_kushner_prust_ehto_kniga_stihov/ (дата обращения: 20.12.2016)
9. Эпштейн М.Н. Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 480 с.

REFERENCES

1. Brodskii I.A. *Poeticheskii vecher A.S. Kushnera. Vstupitel'noe slovo*. 1988 [Elektronnyi resurs]. [Poetic evening by A. Kushner. The opening remarks. 1988 [E-source]]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aaFum1MnpHA/> (request date 19.12.2016) (In Russ.)
2. Vol'tskaya T.A., Paramonov B.M. The desire to be the Dutchman [Interview with A. Kushner] [E-source]]. In: *Radio «Svoboda». 14 sentyabrya 2016* [sait]. [Radio "Freedom". September 14,

- 2016 [website]]. URL: <http://www.svoboda.org/a/27984337.html/> (request date 20.12.2016) (In Russ.)
3. Vyzhutovich V.V. «I glorified a white cloth on a table...» [Interview with A. Kushner] [E-source]. In: *Rossiiskaya gazeta. 4 sentyabrya 2009* [sait]. [Russian newspaper. 4 September 2009 [website]]. URL: <https://rg.ru/2009/09/04/kushner.html/> (request date 20.12.2016) (In Russ.)
 4. Kushner A.S. *Apollon v snegu: Zametki na polyakh* [Apollo in the snow: Notes on the margins]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 512 p. (In Russ.)
 5. Kushner A.S. *Zemnoe prityazhenie* [Gravity]. Moscow, Vremya Publ., 2015. 96 p. (In Russ.)
 6. Kushner A.S. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Vremya Publ., 2015. 270 p.
 7. Kushner A.S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 302 p. (In Russ.)
 8. Markaryan O.E. Alexander Kushner: "Proust is a book of poems." [Interview with A. Kushner] [E-source]. In: *Rara Avis. 14 sentyabrya 2016* [sait]. [Rara Avis. September 14, 2016 [website]]. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/aleksandr_kushner_prust_ehto_kniga_stihov/ (request date 20.12.2016) (In Russ.)
 9. Epshtein M.N. *Poeziya i sverkhpoeziya: O mnogoobrazii tvorcheskikh mirov* [Poetry and superpoetry: the diversity of creative worlds]. SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 480 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаховская Наталия Никитична – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: shakhovskaya.nataliya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya Shakhovskaya – post-graduate student of department of the 20th century Russian literature at Moscow Region State University;
e-mail: shakhovskaya.nataliya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Шаховская Н.Н. История в лирических стихотворениях Александра Кушнера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 131-135.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-131-135

CORRECT REFERENCE

N. Shakhovskaya. History in the lyrical poems of Aleksander Kushner. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 131-135.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-131-135

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-136-138

КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАММАТИКА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Герасименко Н.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

COMMUNICATIVE GRAMMAR: RESULTS AND PROSPECTS

N. Gerasimenko

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Коммуникативная грамматика занимает в современном языкознании важное место, потому что отражает один из актуальных научных путей: от текста – к языку, от коммуникативного функционирования – к речевому выражению. Так изучается и описывается язык, что позволяет теории приобретать объяснительную силу. «Залог последовательности и объяснительной силы концептуальных построений мы видим в поиске ответа на три вопроса: *о чём? как? для чего?* [выд. авт.] на всех ступенях анализа. Это поиск взаимообусловленного единства трёх характеристик языковых явлений: значения, формы и функции (не предпрещающий направленности *от... к...*)» [1, с. 3]. Истоки коммуникативного направления в лингвистике находятся в классическом русском языкознании, уже оперировавшем понятиями формы, значения и функции языковой единицы, на что указывают сами авторы «Коммуникативной грамматики»: «Коммуникативная грамматика» выросла на фундаменте отечественной науки, впитав богатства позитивных знаний предшествующих грамматик, отобрав из них то, что не вступает в противоречие с материалом, то, что представляется органичным с единой точки зрения коммуникативного назначения и использования русского языка» [1, с. 3]. Однако это направление в ходе своего развития внесло в современную лингвистику вклад, который трудно переоценить. Работы выдающегося современного лингвиста, одного из основателей коммуникативного направления в грамматике, доктора филологических наук Г.А. Золотовой стали методологической основой для многих научных исследований в области грамматики в целом, частеречной грамматики, проблем художественного текста, автора и персонажа и т. д.

Бесценным для науки и языковедческой практики является созданный Г.А. Золотовой «Синтаксический словарь» [2], аналогов которого не существует до сих пор. В основе словаря лежит стройная и глубокая теория синтаксемы как минимальной единицы синтаксиса. С опорой на эту теорию описаны основные именные синтаксемы русского языка, реализующиеся в трёх функциях: «I. Самостоятельное, изолированное употребление единицы. II. Употребление единицы в качестве компонента предложения. III. Присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания» [2, с. 4]. Большую роль в развитии и углублении теории Г.А. Золотовой сыграли многочисленные работы её учеников, создавших под руководством учителя научную школу.

17 февраля 2017 г. на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова состоялась конференция, посвящённая 50-летию научной школы Галины Александровны Золотовой. В конференции приняли участие ученики и коллеги Г.А. Золотовой, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты не только МГУ имени М.В. Ломоносова, но и других вузов.

В ходе конференции обсуждались проблемы современной лингвистики на широком поле – от древнерусских речевых тактик в докладе В.С. Савельева (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Древнерусские речевые тактики: косвенные речевые акты в речи персонажей «Повести временных лет» до традиционных проблем грамматики и практики её преподавания в докладах И.В. Касмарской (МГЛУ)

«Ещё раз об односоставных предложениях»; Ю.В. Роговневой (ГИРЯ имени А.С. Пушкина) «Состав модели предложения и его актуальное членение»; О.Ю. Дементьевой (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Синтаксическое поле предложения и практика преподавания РКИ» и др.

О развитии идей Г.А. Золотовой подробно рассказали в докладах М.Ю. Сидорова (МГУ имени М.В. Ломоносова) «50 лет научной школе Г.А. Золотовой: всматриваясь в текст, вдумываясь в язык»; В.Ю. Копров (Воронежский ГУ) «Синтаксическое учение Г.А. Золотовой в практически ориентированной семантико-функциональной грамматике»; Ф.И. Панков (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Концепция изосемии и контекстуальная парадигма русского слова (к вопросу о развитии идей Г.А. Золотовой)». Как всегда, глубоким и эмоциональным был доклад Н.К. Ониненко (ИРЯ РАН) «Объекты – термины – идеи – люди (о месте коммуникативной грамматики в современной лингвистической науке)», в котором отразилась тесная связь методов изучения языковых явлений Г.А. Золотовой с методами В.В. Виноградова, в том числе и унаследованное от учителя (В.В. Виноградов был учителем Г.А. Золотовой) соединение грамматики и текста. С воспоминаниями о совместной работе с Г.А. Золотовой выступил П.А. Лекант (МГОУ).

Разнообразие интересов научной школы Г.А. Золотовой отразилось и в том, что теоретические изыскания проводились на материале разных курсов. Так, И.А. Магеррамов (МПГУ) опирался в докладе «Субъектная многоплановость современных медиатекстов» на медиатексты; Е.И. Гордиенко (РАНХиГС) «Модусная рамка в сцени-

ческом тексте: к вопросу о субъекте театральной речи» – на театральную речь; Г.А. Филатова (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Функциональный комплекс апелляций к читателю как объект переводческой интерпретации» – на художественный текст в свете перевода.

В качестве приглашённых гостей в конференции приняли участие члены

кафедры современного русского языка МГОУ: П.А. Лекант, Н.А. Герасименко, Т.Е. Шаповалова, Н.Б. Самсонов.

Прошедшая конференция показала, что научная школа Г.А. Золотовой продолжается, развивается её учениками и последователями и представляет сегодня перспективное научное направление.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

REFERENCES

1. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.YU. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 1998, 528 p. (In Russ.)
2. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa* [The syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 440 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, академик МАНПО, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-sovrusl@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya Gerasimenko – doctor of Philological Sciences, professor, academician of the International academy of Sciences of pedagogical education, professor at the department of the modern Russian of the Moscow Region State University;
e-mail: kaf-sovrusl@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Герасименко Н.А. Коммуникативная грамматика: итоги и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 136-138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-136-138

CORRECT REFERENCE

N. Gerasimenko. Communicative grammar: results and prospects. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 136-138.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-136-138

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-139-142

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ВУЗОВСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ /
ПОД РЕД. Ж.В. ГАНИЕВА. 3-Е ИЗД. М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2015. 352 С.**

Шаповалова Т.Е.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

**REVIEW OF THE BOOK: UNIVERSITY METHODS OF TEACHING LINGUISTIC
DISCIPLINES: THE TEXTBOOK / ED. BY J. GANIEV. 3RD ED. M.: FLINT:
SCIENCE, 2015. 352 P.**

T. Shapovalova

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Рецензируемое пособие впервые вышло из печати в 2014 году, а сегодня можно говорить о третьем издании книги (и её электронной версии), которая оказалась довольно востребованной. «Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин» восполнила ту насущную необходимость, которую испытывает, готовясь к встрече на занятиях со студентами бакалавриата или магистрантами, начинающий преподаватель вуза, не вооружённый методикой преподавания языковедческих дисциплин и частными рекомендациями по лингводидактике. Учёные-преподаватели из ведущих вузов страны: МГУ имени М.В. Ломоносова, Московского государственного областного университета, Московского городского педагогического университета, Тверского государственного университета, Дальневосточного государственного гуманитарного университета и др. – поделились своим богатым педагогическим опытом, эффективными методиками, соответствующими современным образовательным стандартам и оптимизирующими преподавание лингвистических дисциплин.

Структурно книга включает общее предисловие, пять разделов с собственным кратким вступлением, заключение.

Первый раздел книги по праву принадлежит дисциплине «Современный русский литературный язык».

© Шаповалова Т.Е., 2017.

В материалах Ж.В. Ганиева «Методика преподавания фонетики» и И.А. Вещиковой «Статус некодифицированных вариантов в орфоэпии» отмечается, что фонетические руководства не должны опираться только на анализ слова, но предусматривают совмещение изучения научных рекомендаций с наблюдениями над звучащей речью.

В.В. Шаповал в параграфе «Обучение старшеклассников и студентов работе со словарями» подчёркивает, что работа с той или иной словарной статьёй или со словарём в целом способствует формированию у студентов аналитических способностей, критического мышления и логики (с. 48). И.Г. Добродомов работой «Трудности этимологических изысканий» показывает, что полноценные этимологические находки появляются, если использовать методологию не только лингвистических дисциплин, но и других гуманитарных и даже естественных наук, чтобы избежать наивных этимологических рассуждений и пересмотреть устаревшие этимологии.

Методику преподавания морфологии в соответствующем разделе представила М.Ю. Муравьёва. Автор продемонстрировала возможность использования академического, типологического, функционального подходов в описании морфологической системы русского языка.

«Введение в университетский курс синтаксиса русского языка» Н.К. Ониненко откликается на современные парадигмы современной грамматической науки: антропоцентризм, текстоцентризм, интегральность и объяснительность (с. 111). Это сказывается на расширении терминологического

аппарата, а также требует от преподавателя принятия трёхмерности языкового знака: морфологической формы, лексико-семантического значения, коммуникативно-синтаксической функции – при описании как единиц докоммуникативного уровня – словосочетания и синтаксемы, так и монопредикативного и полипредикативного предложений.

«Пример рассмотрения синтаксического раздела сравнение как объект изучения в вузе» демонстрирует Н.М. Девятова. Обозначая проблемные зоны, автор делает акцент не столько на формальной организации, сколько на содержательных особенностях отдельных сравнительных конструкций: логической модели сравнения и сравнительной парадигме модели.

Второй раздел учебного пособия «Древние языки» написан М.В. Захаровой – параграф «Значение историко-лингвистического цикла в формировании филолога-русиста» – и Л.Г. Чапаевой – параграф «О преподавании исторической фонетики русского языка». Предлагая глубоко продуманные различные методические приёмы, опытные педагоги призывают к умению применять абстрактные знания парадигм и форм на практике, что стимулирует интерес к русскому языку и способствует формированию качественной лингвистической компетенции филолога.

Третий раздел «Культура русской речи, стилистика, литературное редактирование» показывает общественную востребованность представленных в нём дисциплин. Параграф «Вопросы нормы и кодификации в цикле лингвистических дисциплин в высшей

школе» написан М.А. Штудинер. Автор предлагает последовательно различать понятия нормы и кодификации как средства языковой политики. Н.А. Герасименко в параграфе «Обучение жанрам лингвистической учебно-научной речи» показывает специфические черты и лексический состав научной речи, представляет формы и виды научных текстов. Учёный описывает методику работы над разными жанрами научных текстов, востребованных в системе среднего и высшего профессионального образования: конспектом, рефератом, аннотацией, рецензией, тезисами, курсовой и выпускной квалификационной (дипломной) работами. В параграфе «Коммуникативно-развивающие технологии в курсе “Стилистика и литературное редактирование”» О.В. Евтушенко обсуждает конкретные шаги к осуществлению компетентностного подхода в рамках блока дисциплин, связанных с использованием родного языка в профессиональной сфере. И.А. Гулова в параграфе «О метадисциплинарном потенциале учебной дисциплины “Русский язык и культура речи”» предлагает коммуникативно-прагматический подход к преподаванию названной учебной дисциплины, базирующийся на текстоориентированном направлении обучения и нацеленный на развитие общекультурных, общенаучных, общелингвистических и профессиональных компетенций.

Четвёртый раздел «Риторика. Перевод» содержит четыре параграфа. Первый из них – «Введение в риторику и риторический анализ текста» – написан Ж.В. Ганиевым, поднимающим вопросы о том, какое место в обучении занимает риторический анализ

текста и какие виды литературы риторичны, разбирающим научные и ненаучные значения терминов *риторика*, *риторический*, размышляющим о том, всякий ли человек способен стать ритором. Ж.В. Ганиев представил также «Риторический анализ ряда выпускных квалификационных работ, защищённых в ИГН МГПУ», в котором оценил успешно защищённые исследования магистрантов как «частишки мировоззрения и миропонимания студентов» [1, с. 272]. Е.Н. Абрашина в параграфе «Особенности личностно ориентированного подхода к методике обучения риторике в вузе» отмечает, что обучение публичной речи предусматривает формирование и развитие коммуникативных умений и навыков, направленных на развитие коммуникативной компетенции, и должно быть личностно ориентированным. Только тогда возможно решение таких задач, как возрождение российской школы красноречия, расширение возможностей для самореализации, поощрение интереса к изучению риторики, повышение культуры речи, развитие неповторимой индивидуальности каждого. Параграф «Переводчики шутят: остроумие как стилистический приём (языки русский и итальянский)» представлен А.Б. Канестри.

Завершает пособие пятый раздел «Русский язык как иностранный. Русский язык как неродной», состоящий из четырёх параграфов. Учёные определяют «Четыре методических статуса в преподавании русского языка» (Е.Л. Кудрявцева, М.С. Берсенева, Л.Г. Громова), выявляют «Роль культурно-политического фона при обучении мигрантов русскому языку» (Ж.В. Ганиев), проводят «Иссле-

дование и устранение иностранного фонетического акцента в русской речи» (Е.Л. Бархударова), находят «Пути оптимизации при обучении грамматике РКИ (на примере работы с учащимися из Китая)» (И.И. Акимова). Опубликованные в пособии материалы полезны для широкого круга специалистов по русскому языку.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин: учебное пособие / Под ред. Ж.В. Ганиева. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2015. 352 с.

REFERENCE

1. *Vuzovskaya metodika prepodavaniya lingvisticheskikh distsiplin: uchebnoe posobie* [University methods of teaching linguistic disciplines: the textbook] / Ed. by J. Ganiev. 3rd ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ, 2015, 352 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Shapovalova – doctor of Philological Sciences, professor, professor at the department of the modern Russian of the Moscow Region State University, academician of the International academy of Sciences of pedagogical education;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Шаповалова Т.Е. Рецензия на книгу: Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин: учебное пособие / под ред. Ж.В. Ганиева. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2015. 352 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 139-142.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-139-142

CORRECT REFERENCE

T. Shapovalova. Review of the book: University methods of teaching linguistic disciplines: the textbook / Ed. by J. Ganiev. 3rd ed. M.: Flint: Science, 2015. 352 p.. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 139-142.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-139-142

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-143-145

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: А.И.ИВАНИЦКИЙ. ПОЭЗИЯ ПУШКИНА
КАК МИФОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ. М.: РГГУ, 2016. 263 С.****Киселёва И.А.***Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация***REVIEW OF THE BOOK A. IVANITSKY. PUSHKIN'S POETRY
AS MYTHOLOGY OF BEHAVIOR. M.: RGGU, 2016. 263 P.****I. Kiselyova***Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Особое место А.С. Пушкина в истории русской литературы и культуры, без сомнения, видится в том, что его произведения словно бы «перерастали» собственно литературное значение; «универсализм» наследия поэта реализовывался и как потенциал универсальной модели поведения личности. Именно этой проблеме посвящена новая книга доктора филологических наук А.И. Иванецкого, главный вывод которой: как поведенческая программа и бытийный императив, поэзия Пушкина явилась наиболее масштабным обобщением русской дворянской культуры.

С точки зрения автора работы, в своей поэзии Пушкин явил все области поведения свободного дворянина: пир и любовь, игру и путешествие, поединок и «блаженное безделье». В отличие от К.Н. Батюшкова, Е.А. Баратынского и многих поэтов-современников, это были не «маски», а формы реального поведения, которые поэт в своих стихах сначала задавал, а потом рефлексировал – поэтически обобщая в своей жизни историческую судьбу поколения. Композиция книги и особенности трактовки автором отдельных периодов творчества Пушкина представляют собой интересный опыт исследования творческой эволюции поэта как реализации указанной модели жизненной программы. И лирика поэта, и роман в стихах «Евгений Онегин» позволяют проследить её основные составляющие.

Пушкин как личность и поэт был плодом реформ Петра, предопределивших корневое противоречие дворянского бытия. С одной стороны, дворянство стало главным служивым сословием новой монархии, созданной по прусскому, военно-полицейскому образцу. С другой – его новый статус утверждался в преимущественно французских формах культуры и быта, включая театр и бал, танцы и поэзию и пр. Они заложили потенциал социальной и духовной свободы дворянина, реализованный Екатериной II в освобождении дворян от службы. Это сменило и литературную парадигму: «поэзия службы» (ода) была

© Киселёва И.А., 2017.

замещена «поэзией отдыха» в частных дворянских салонах и кружках. Её достоинство состояло в независимости самовыражения, основанной на принадлежности к избранному кругу. Однако служба императору и монархии также не была отброшена дворянством. Г.Р. Державин объединил пафос дворянской службы и дворянской свободы (воплощаемой в эпикурейской жизни в своём имении). Лицейская лирика Пушкина обобщает и развивает эту традицию в новых условиях, что естественно заставляет юного поэта, с одной стороны, сожалеть об утраченном веке, с другой – различными путями стремиться к его символическому «возвращению».

По мысли А.И. Иванецкого, именно этот пафос объединяет творческие поиски поэта как в лицейские годы, так и в «петербургский» период его развития, и в годы «Южной ссылки». В русле своей поведенческой программы Пушкин воспринимал южную ссылку как добровольное бегство с теми же целями: духовного освобождения и подлинного эпикурейства. Крым становится новым Царским Селом. Но крымская природа побуждает Пушкина воспринимать Тавриду (преддверие

античной Греции в пространстве и во времени) в контексте т. н. «романтического эллинизма», где антика виделась плодом южной природы, а её основу составляло эпикурейство и прославляющая его анакреонтика.

В конце южной ссылки Пушкин пишет «Телегу жизни» (1823) – вольное переложение Ж.-П. Флориана. В нём задаются две совершенно новые линии бытия и поведения пушкинского лирического героя. С одной стороны, жизненный путь понимается как душевная эволюция, происходящая со сменой возрастов. С другой – являясь в виде современного русского проезжего тракта, этот путь уравнивается с движением по России, получая национальное измерение. В стихах «19 октября» (1825), «Два чувства дивно близки нам...» (1830), «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836), как и в пушкинском романе в стихах, конечным рубежом жизненного путешествия предстает родовое поместье, которое, в свою очередь, приобщает героя к почившим предкам, то есть к роду. Ощущение его влекущей силы и становится главным итогом жизненного странствия лирического героя поэта.

ЛИТЕРАТУРА:

Иванецкий А.И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М.: РГГУ, 2016. 263 с.

REFERENCE

Ivanitsky A.I. *Poeziya Pushkina kak mifologiya povedeniya* [Pushkin's poetry as mythology of behavior]. M., RGGU Publ., 2016. 263 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселёва Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, академик МАНПО, член Московского филиала межрегионального общественного объединения «Лермонтовское общество», заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: irinakisseleva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Kiselyova – doctor of Philological Sciences, associate professor, academician of the International academy of Sciences of pedagogical education, member of the Moscow branch of the interregional public association “Lermontov Society”, the head of the department of the Russian Classical literature of Moscow Region State University;
e-mail: irinakisseleva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Киселёва И.А. Рецензия на книгу: «А.И.Иваницкий. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М.: РГГУ, 2016. 263 с.» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 143-145. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-143-145

CORRECT REFERENCE

I. Kiselyova. Review of the book «A. Ivanitsky. Pushkin's poetry as mythology of behavior. M.: RGGU, 2016. 263 p.». *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 143-145.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-143-145

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2017. № 2

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, Д.Д. Дрошнев
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 9,75, усл. п.л. 9,25.
Подписано в печать: 24.04.2017 г. Дата выхода в свет: 26.04.2017 г. Заказ № 2017/04-10.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А